Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет просвещения»

На правах рукописи

Цзян Юань

Номинативно-оценочный потенциал лексико-фразеологических средств идиолекта Н.С. Лескова в прозе раннего периода творчества

Специальность 5.9.5. –
Русский язык. Языки народов России

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Леденёва Валентина Васильевна

Мытищи – 2023

Оглавление

Введение 4
Глава 1. Произведения раннего периода творчества Н.С. Лескова в лингвистическом освещении: актуальные зоны и аспекты исследования 20
1.1. Язык художественной литературы как область лингвистических разысканий и поле экспликации идейно-эстетических установок автора 20
1.2. Черты идиостиля и идиолекта Н.С. Лескова в научном освещении 28
1.3. Проблематика и жанрово-стилистические особенности ранних прозаических произведений Н.С. Лескова в свете характеристики автора как языковой личности 31
Выводы по 1 главе 38
Глава 2. Идейно-эстетический и оценочный потенциал средств номинации и предикации идиолекта Н.С. Лескова в ранних прозаических произведениях 40
2.1. О значении номинации и предикации для выражения художественной мысли и прагматических установок писателя 40
2.1.1. О прагматических установках Лескова-прозаика 41
2.1.2. О номинации и предикации как рабочих понятиях 42
2.2. Средства номинации и предикации в очерке «Леди Макбет Мценского уезда» Н.С. Лескова, представляющие прагматические установки автора 47
2.2.1. О месте слов с семантикой ‘чувство’ в очерке о нравах купечества 47
2.2.2. Центральная тема любви, счастья, страстей и греха в представлении языковыми средствами с семантикой ‘чувства’ 49
2.2.3. Средства вербализации конфликтообразующего концепта «Скука» в очерке «Леди Макбет Мценского уезда» Н.С. Лескова 55
2.3. Номинативно-оценочный потенциал лексико-фразеологических средств, использованных для отражения трагической судьбы крестьянской женщины в повести Н.С. Лескова «Житие одной бабы» 60
Выводы по 2 главе 74
Глава 3. Средства изображения Н.С. Лесковым русской жизни в прозе раннего периода творчества 76

3.1. О бытописании как особенности идиостиля Н.С. Лескова 76
3.2. Наименования жилья в текстах Н.С. Лескова раннего периода творчества 80
3.2.1. Особенности использования номинативно-оценочного потенциала единиц лексико-семантической группы ‘жильё’ 80
3.2.2. О составе номинаций жилья 87
3.3. О фрагменте языковой картины мира «Продукты питания и внутреннего потребления» в отражении текстами ранних произведений Н.С. Лескова 94
3.3.1. Наименования пищи в текстах Н.С. Лескова раннего периода творчества.....94
3.3.2. Наименования напитков во фрагменте языковой картины мира «Продукты питания и внутреннего потребления» у Н.С. Лескова 103
3.4. Наименования одежды в текстах Н.С. Лескова раннего периода творчества как одно из средств изображения героев 110
3.5. Наименования транспорта в системе бытописательных лексико-фразеологических ресурсов..... 123
Выводы по 3 главе 129
Заключение..... 132
Список литературы..... 136
Приложение..... 167

Введение

Николай Семенович Лесков – русский по самому духу, тематике и проблематике творчества писатель XIX века, которого российские исследователи называют «классиком первого ряда отечественной словесности» [Тюкова 2007, с. 347-360]. Он, однако, не только классический писатель, прозаик, но и признанный при жизни мастер слова [Лесков в воспоминаниях современников 2018], выдающийся художник, объективно показавший себя истинным знатоком народной речи. Этим его тексты привлекали и привлекают внимание исследователей, почитателей редкостного таланта.

Юбилеи писателя сопровождались в России выходом серьёзных трудов, сборников научных работ о его поэтике, идейно-эстетической основе произведений, специфике словотворчества и других аспектах лесковедения. И.П. Видуэцкая определила степень изученности наследия Н.С. Лескова к его 175-летию и осветила главные проблемы в данной области, которые следовало решить к 200-летию – 2031 г. [Видуэцкая 2010, с. 6–10; ср.: Видуэцкая 2001, с. 7-11]. В юбилейный 2021 год, когда отмечалось 190 лет со дня рождения Н.С. Лескова, было проведено немало научных, историко-культурных мероприятий, посвящённых памяти литератора; впоследствии по итогам появились филологические сборники статей, монографии, критико-биографическая литература [например: Кучерская, 2021; Мир Н.С. Лескова 2021, с.144-154 и др.]. Это указывает на неугасающий интерес к слову, мысли, деталям и аспектам интерпретации русской жизни, национального характера, приёмам и средствам создания образного строя лесковских очерков, новелл, хроник, публицистики и т. д. [см.: Головачева 2021, с. 20–25; Леденёва 2022; Никульникова, Каминская 2021; Уртминцева, Шавлюк 2022 и др.].

Его яркий, самобытный язык – это бесценный вклад в развитие языка художественной литературы в целом, демонстрация возможностей говорить о народе с использованием сочного диалектного слова, разнородного просторечия, экспрессивных единиц разговорной и книжной речи в их столкновении. Благодаря богатому запасу лексических и фразеологических

ресурсов, включающему единицы, родившиеся в результате словотворчества автора, произведения Н.С. Лескова интересны в других странах, требуют перевода [Захарова 2016; Лабко 2015, 2019; Меренкова 2009, 2016 и т. д.]. Заметим, однако, что творчество писателя изучено не во всей полноте и представляет большой интерес для литературоведов, лингвистов с разных сторон.

Лесков – «многоличинный, как Россия» [Дурылин б.г., с. 43]_– создал в своих художественных сочинениях яркие, многогранные и живые образы героев. Выразительность и мощь слова Лескова отражают богатую языковую картину мира писателя, свидетельствуют о его постоянном интересе к различным проблемам жизни, к познанию многих и многих типов людей, они также отражают самобытность языковой личности писателя, которая сложилась в различных пересечениях, обогащалась в путешествиях по стране, встречах с также самобытными, привлекавшими как оригинальные типы личностями. М. Горький считал его талант колоссальным и фигуру Н.С. Лескова в литературном процессе ощущал столь же значимой, как и фигуры Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, И.А. Гончарова, И.С. Тургенева. Следовательно, справедливой и через столетие остаётся данная М. Горьким оценка лесковского таланта, который «...силою и красотой своей немногим уступает таланту любого из названных творцов священного писания о русской земле, а широтою охвата явлений жизни, глубиною понимания бытовых загадок ее, тонким знанием великорусского языка он нередко превышает названных предшественников и соратников своих» [Горький 1955, с. 364].

Самородком, «русским до мозга костей», художественно воссоздающим *русский дух* считается писатель и у российских, и у зарубежных исследователи его образов, языка, идиостиля [Троицкий, 2010, с. 32].

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов.

Изучение языка художественной литературы – это насущная задача филологии, которая получила разностороннее теоретическое обоснование, потому что данная область разысканий привлекает внимание широкого круга исследователей, в том числе лингвистов. Интерес к такому объекту исследования,

как язык художественной литературы, обусловлен богатством и разнообразием ценных для понимания русской культуры и менталитета текстов различных писателей, авторов художественной публицистики, а также возможностью изучать его в различных аспектах, используя разнообразные подходы и методы, характерные для филологии в целом, для антропоцентрической парадигмы лингвистики — в частности.

Язык художественной литературы есть та область изучения и предмет науки, которая обладает самостоятельностью. При этом художественный текст может быть исследован на разных его уровнях. Лингвиста в нём интересует материальный — *средства* воплощения авторского замысла, создания образов, запечатления колорита эпохи, а также передачи оценок, интенций языковой личности творца текста. Лингвистический анализ не включает в поле своего внимания такие важные элементы текста, как композиция, способ построения характера персонажа и т.д. Вот почему он должен применяться наряду с другими видами анализа, причём только после того, как слово или конкретный лексико-семантический вариант (ЛСВ) поняты, осмыслены в качестве единицы общенародного словаря [см.: Халикова 2019, 2020а], оно должно получить характеристику в контекстуальном окружении, в соположении с синтагматическими партнёрами – в контексте, в нацеленном прочтении, с учётом коннотаций, в структуре словесно-художественного образа, с гаммой фоновых и иных приращений. Г.В. Колшанский назвал контекст «непременным условием раскрытия языковых единиц» [Колшанский 2007, с. 66], полагая важным свойством художественного текста законченность. Согласимся с мнением Н.В. Халиковой: «Словесные образы можно изучать как единицы языка художественной литературы так же последовательно, как всякие знаки, языковые структуры, используя триаду “форма – семантика – функция”» [Халикова 2020б, с. 58].

Анализ средств номинации и предикации как номинативно-оценочных единиц актуален при изучении особого феномена языка художественной литературы, поскольку помогает постичь не только картину мира произведения,

осмыслить взаимосвязь идеи, интенции автора и слова через образ, ощутить, как определёнными ключевыми единицами, используемыми также в метафорах, сравнениях, других стилистических фигурах (благодаря их употреблению) выявляется мировоззрение писателя, доносятся его оценки, эмоции и т.д.

Необходимо правильно понимать смысл текста, воспринимая его сквозь призму ценностно-культурных ориентиров нации какой-либо эпохи, которые следует изучить как фоновые, имеющие характер пресуппозиции, а потому анализировать не только узуальные значения слов, ЛСВ, известные актуальному словарю или устаревшие, диалектные, хотя это очень важно для подготовки текста к изданию за рубежом, для инокультурной аудитории, но выявлять, объяснять художественное значение их для всего текста, для понимания его идейно-эстетического смысла, концептуального плана, постижение которого – обретение «знания через сопереживание». По национальной концептосфере можно судить о культуре нации, что особенно актуально для исследователя-иностранца.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена интересом к языку произведений Н.С. Лескова, в котором В.В. Розанов признавал «русского из русских» [Розанов 1994, с. 143] писателей второй половины XIX века, к изучению по текстам этого литератора фрагментов истории русской культуры и языковой личности русского человека в своеобразии черт его натуры.

Объектом исследования в настоящей диссертационной работе являются ресурсы идиолекта Н.С. Лескова, которые использованы в прозаических текстах раннего периода творчества – в повести «Житие одной бабы» (1863 г.), очерке «Леди Макбет Мценского уезда» (1864 г.), примыкающем по тематическому основанию «рассказе на могиле» «Тупейный художник» (1883 г.), – и потенциал лексико-фразеологических средств в перечисленных текстах.

Материалом для изучения стали указанные тексты: проанализированная картотека составляет около 1500 микроконтекстов выборки.

Предмет исследования – лексика и фразеология в номинативно-оценочном использовании при характеризации персонажей и воссоздании реалистической

обстановки, картин русского быта, отражении некоторых концептов, важных для понимания идейно-эстетического содержания произведения.

Научная гипотеза: средства номинации, прежде всего разговорного стилистического пласта, используются Н.С. Лесковым для представления реалистических картин быта, в то время как средства предикации выступают в качестве создающих оценочный фон, актуализируя оценочный потенциал бытописательных ресурсов идиолекта, транслирующих имплицитную и эксплицитную оценку автора.

Цель исследования – выявление номинативно-оценочного потенциала лексико-фразеологических средств в произведениях Н.С. Лескова раннего периода творчества.

Основные исследовательские задачи определяются поставленной целью:

1. Выявить состав лексико-фразеологических ресурсов – номинативно-оценочных средств идиолекта Н.С. Лескова, характерных для художественных произведений раннего периода творчества; произвести анализ и классификацию лексико-фразеологических единиц, использованных в бытописательных целях.
2. Связать выявленные лексико-семантические группы (ЛСГ) с фрагментами русской картины мира, изображаемыми Н.С. Лесковым в произведениях «Житие одной бабы», «Леди Макбет Мценского уезда», «Тупейный художник», чтобы добиться достоверного реалистического представления в них своеобразия жизни народа с опорой на лингвокультурный потенциал языковых ресурсов, в том числе безэквивалентной лексики.
3. Охарактеризовать потенциал лексики и фразеологии, проявляющийся при обрисовке конкретных образов (*Катерина Измайлова, Настя Прокудина,* др.), раскрывая прагматические установки и интенции автора.
4. Установить коннотации, контекстуально возбуждаемые или актуализируемые в семантике лексико-фразеологических единиц при создании художественных образов и отражении авторской позиции.
5. Оценить роль лексики и фразеологии с семантикой ‘жильё’, ‘пища и напитки’

(‘продукты питания и внутреннего потребления’), ‘одежда’, ‘транспорт’ в текстах ранних произведений Н.С. Лескова.

6. Определить средства вербализации (воплощения) ключевых концептов произведений раннего периода творчества Н.С. Лескова, которые обусловливают их идейно-эстетическую значимость в литературном процессе XIX века и ценность для инокультурной аудитории.

Методологическую основу исследования составили труды в области теории языка художественной литературы как зоне лингвистических разысканий и поле экспликации идейно-эстетических установок автора; учение о номинации и предикации, сформировавшееся в рамках научной школы кафедры современного русского языка МГОУ имени профессора П.А. Леканта. Работа выполняется в рамках антропоцентрической парадигмы языкознания. Мы признаём важность изучения языковой личности автора [Караулов 1987] при осмыслении его произведений, единиц или фрагментов концептосферы, анализе стиля, состава идиолекта. Это касается и средств создания образов и художественного запечатления картин жизни и её оценки Лесковым-реалистом в ранний период его творчества.

Данная работа требовала учёта достижений в различных областях исследования лексико-фразеологических ресурсов в художественном тексте, в идиолекте автора:

– литературоведческого (В.Н. Аношкина-Касаткина [Аношкина 2018], М.М. Бахтин [Бахтин 1986], И.П. Видуэцкая [Видуэцкая 2010], В.В. Виноградов [Виноградов 1963], Б.С. Дыханова [Дыханова 2001, 2013], Т.Б. Ильинская [Ильинская 2019], Н.И. Либан [Либан 2010], Д.С. Лихачев [Лихачев 1997б, 2016], Новикова-Строганова [Новикова-Строганова 2011, 2015], А.В. Святославский [Святославский 2019], И.В. Столярова [Столярова 1996, 2012], В.Ю. Троицкий [Троицкий 2010] и др.);
– лингвопоэтического и лингвостилистического (В.В. Виноградов [Виноградов 1958, 1961, 1982], Г.О. Винокур [Винокур 1959, 1991], А.Н. Кожин [Кожин 1982], М.Н. Кожина [Кожина 1983], В.В. Леденёва [Леденёва 2000, 2022],

Б.А. Ларин [Ларин 1974], В.А. Лукин [Лукин 2009], В.В. Одинцов [Одинцов 1982], Н.В. Халикова [Халикова 2019, 2020] и др.);

- концептуально-культурологического (Д.С. Лихачев [Лихачев 1997а], В.А. Маслова [Маслова 2001, 2019], Т.Б. Радбиль [Радбиль 2010], А.В. Святославский [Святославский 2019], Ю.С. Степанов [Степанов 1997], А.Д. Шмелев [Шмелев 2002] и др.);
- собственно лингвистического (семантического) (Ю.Д. Апресян [Апресян 1995], Н.Д. Арутюнова [Арутюнова 1998, 2011], Н.А. Герасименко [Герасименко 2012, 2013, 2017], О.А. Головачева [Головачева 2011, 2016, 2019, 2021], Ю.Н. Караулов [Караулов 1987, 1989], Т.П. Ковина [Ковина 2018], С.М. Колесникова [Колесникова 2018], Е.Н. Лагузова [Лагузова 2016, 2018], В.В. Леденёва [Леденёва 2015], П.А. Лекант [Лекант 2010], Т.В. Маркелова [Маркелова 2013], Л.А. Новиков [Новикова 2001], Ю.С. Сорокин [Сорокин 1965], Н.Ю. Шведова [Шведова 1982], А.Д. Шмелев [Шмелев 2002] и др.).

Мы принимаем в данной работе взгляд на идиолект как «поле экспликации особенностей языковой личности автора», которое ориентированно, с различными установками, реконструируются исследователем при анализе созданных рассматриваемой языковой личностью текстов [Леденёва 2000, с. 10]. Эта рабочая установка зарекомендовала себя при аналитической работе с различными текстами [Баженова 2019, 2020; Жаркова 2003; Ковина 2018; Рябиничева 2010 и др.]. В современных условиях характер идиолекта связывается с наличием и функционированием индивидуального *ментально-лингвального комплекса* (МЛК) у языковой личности, который принадлежит «к конституирующим признакам человека» [Морковкин, Морковкина 1997, с. 28].

Мы также опираемся на методологическую позицию В.В. Леденёвой в том отношении, что слово в идиолекте предстаёт как «*реализованная* единица языка» (а именно конкретный ЛСВ, т. е. лексико-семантический вариант) [Леденёва 2000, с. 10, 99], поскольку собственно выявлять или конкретизировать значение многозначного слова позволяет только ближайший контекст, детерминированные валентностью единиц синтагматические партнёры [см. словарь: Леденёва 2007а,

2007б]. Установить особенности значения слов-экспликаторов концептов помогает уже анализ контекстуальных партнёров, проявляющих специфику речевого содержания. Это важно и для характеризации образа персонажа, потому что лесковские герои раскрывают себя в речи, как указывают все, кто изучал язык и стиль этого мастера пера, например, Н.И. Либан [Либан 2010], Б.С. Дыханова [Дыханова 2013], И.В. Столярова [Столярова 2012] и т. д. См.: «В художественной системе Лескова герой раскрывается не в показе и не в рассказе автора о нём, а в своём собственном рассказе о себе и об окружающем его мире» [Видуэцкая 2001, с. 9].

Слово и фразеологизм в контексте способны нести информацию о семантических приращениях, смысловых сдвигах (метафора, метонимия и т.д.), «усиленных автором потенциях языковой единицы»; употребление лексико-фразеологических средств обусловлено «печатью предпочтительности» в МЛК автора, от которой зависел отбор из общенациональных ресурсов какого-либо из них, о чём писали В.В. Леденёва [Леденёва 2000, с. 10; Леденёва 2015, с. 11, 75-78, 126; Леденёва 2022, с. 10-16], О.А. Головачева [Головачева 2011, 2016] и др.

Были использованы следующие **методы** научного исследования:

- наблюдение над языковым материалом, ведущее к его систематизации, обобщению и интерпретации;
- анализ, в том числе элементы компонентного анализа при осмыслении авторских оценок, характеристик;
- описательно-аналитический метод, который предполагает непосредственное наблюдение над явлениями (лексика и фразеология, семантические сдвиги, стилистические изменения) в конкретных речевых условиях (конситуациях), систематизацию и обобщение функционирующих в языке ранних произведений Н.С. Лескова единиц;
- метод лингвистического описания с использованием методик лексикографического, художественно-стилистического исследования, статистического подсчёта с привлечением компьютерных методов обработки

материала;

- лингвокультурологический метод, заключающийся в оценке значимости слова для трансляции культурно- и национальноспецифической информации;
- метод синтеза данных о средствах номинации и предикации в качестве экспликаторов концептов, лежащих в основе идейно-эстетического плана произведения.

Степень изученности проблемы. В современном российском лингвистическом лесковедении более пристально изучались публицистические произведения раннего периода творчества (О.А. Головачева [Головачева 2016], А.П. Баженова (Антипова) [2020]), а литературоведческий аспект анализа художественных произведений этого периода носил идейно-тематический и методологический характер (например: Б.С. Дыханова [Дыханова 2013]).

Мы обследовали статьи, монографии, диссертации, в том числе магистерские, посвящённые в КНР Н.С. Лескову, и выявили наличие в науке интереса к его творчеству, который оцениваем как укрепляющийся (Ван Шуфу [Ван Шуфу 2005],Чэнь Цзе [Чэнь Цзе, 2011], Чжэн Сяотин [Чжэн Сяотин 2022], Луань Синь. [Луань Синь 2020, 2021] и др. [см. об этом: Цзян Юань 2019б, с. 45-49]).

В ходе изучения материала установили, что произведения Н.С. Лескова были переведены в Китае ещё в 20-е гг. прошлого века, но активного обращения издателей к его текстам тогда не сложилось, отсюда произошёл застой и в переводах. Лесковский сказ «Левша» стал самым первым произведением, вызвавшим интерес китайской читательской аудитории и исследователей. Его представил Чжан Тесюань [张铁弦, журнал «Перевод» 《译文》1956, № 3]. Возможно, этот сказ привлёк к себе внимание потому, что он представляет как жанр «искусство Лескова в обращении со словом в самом высшем его выражении», а «проза сказов обретает "дух" русского языка» [Жэри 2001, с. 127, 135].

Лесковедение в Китае начинает складываться лишь в 80-е гг. XX в. Оно является относительно новой для китайской науки областью. С изучением текстов произведений этого замечательного писателя для китайских исследователей

связано постижение проблематики его творчества, которое даёт возможность представить реалистические картины жизни России XIX века. Появляются не только новые переводы произведений писателя, но и научные статьи, методология и проблематика которых отражают развивающиеся направления исследования творчества и личности Лескова, способствуют его популяризации: «Разногласия между Толстым и Лесковым» [Ли Цзиси, 李纪慈1981), «Немного о Н.С. Лескове» [Чжан Хоучжень, 张洪榛 1981, № 4), «“Сказ о Левше” и его художественные характеристики» [Ван Бинщунь, 王炳训 1989] и др.). Писатель долго не был представлен в вузовских программах по русской литературе, но Цао Цзинхуа (曹靖华) представил Лескова в «Истории русской литературы» (《我国文学史(第一卷)》) [Цао Цзинхуа 1989], Жэном Гуаншуаном (任光宣) была создана «Краткая история русской литературы» [Жэн Гуаншуан 2006], где появилась специальная глава о жизни и творчестве этого писателя. В тот же период опубликованы перевод романа-хроники «Соборяне» [Чэнь Юй (陈馥) 1984], «Сборник рассказов Лескова» [Чэнь Юй, (陈馥) 1985] и др.

В 90-е годы XX в. публикуются статьи о писателе, среди них исследование дискуссионного характера «Трагическая судьба Савелия», посвящённое роману-хронике «Соборяне» [Вэй Лин (魏玲) 1991].

В XXI в. число исследовательских работ о Лескове в Китае значительно возросло. Во-первых, это исследования, посвящённые литературному пути и анализу произведений писателя: «Изменения престижа Лескова в литературном мире» [Бай Ван Чан (白文昌) 2003]; «О стилистических особенностях романа Лескова», «Лесков и российские национальные культурные традиции» [Донг Чунчунь (董春春) 2007, 2012]. Не только китайские учёные, но и читатели восприняли Н.С. Лескова как «мастера языка». Творчество писателя стало интересным для осмысления, так как он является самым близким по духу русским людям художником с богатой палитрой разговорных языковых средств, «подслушанных» в народе.

Во-вторых, китайские специалисты приступили к стилистическим исследованиям и анализу особенностей повествовательной манеры писателя:

«Искусство сказовой формы повествования от первого лица в произведениях Лескова» [Ян Юбо (杨玉波) 2004], «Сказовая форма повествования – возникновение национализированного повествовательного стиля» [Ван Шу Фу (王树福) 2010]: «…То, что мы видим в “Левше”, – это “легенда о народе”, которую мы слушаем, так как народные рассказчики поют о событиях и героях».

В-третьих, учёными представлена характеристика лесковских героев в известных произведениях. Так, о «Леди Макбет Мценского уезда» написаны работы: «Трагический характер самоуничтожения Катерины» [Хуан Янь (黄燕) 2009], «Последняя песня чёрного лебедя: феминистская интерпретация “Леди Макбет Мценского уезда”», где находим: «Если большинство женщин в русской литературе 19-го века были тёплыми и верными и являются белыми лебедями, то героиня “Леди Макбет Мценского уезда” была горькой и беспомощной песней чёрного лебедя…» [Чэнь Цзе (陈洁) 2011,王炳训].

В-четвёртых, китайские исследователи пришли к заключению, что народный характер является существенной особенностью текстов Лескова. Они обратились к проблемам национальной культуры и религии, анализируя формирование, развитие и историческую эволюцию русского характера. В результате исследователи убедились, что Н.С. Лесков раскрыл такие противоречия народного характера, с которыми трудно было смириться. На примерах ряда главных героев рассказов и очерков, которых обрисовал писатель, анализируются причины их трагедии, трактуются мысли автора о судьбе отдельного человека и судьбе страны.

Самыми актуальными, как нам кажется, оказались междисциплинарные исследования, в которых учёные сравнивали этические, нравственные проблемы, поднятые в текстах Лескова, с китайскими писателями, сопоставляли образы полотен русских художников, чтобы провести многоаспектный анализ, выяснить степень актуальности проблематики, расширить академические горизонты и обогатить исследовательский уровень представления русской литературы в Китае. К таким исследованиям отнесём работу «Роман Лескова и иконопись Рублёва» [Лю Лили (刘俐俐) 2014]. Это означает, что современные исследования о Лескове в

Китае исходят из важности его текстов для истории русской литературы, видят ценность их в качестве объектов лингвистики, конкретно – нарратологии, что утвердилась значимость этого классического писателя для мировой литературы.

Как мы отметили, с начала XXI в. исследования языка и стиля Лескова перешли в Китае в академическую область, хотя внимание исследователей всё-таки осталось сосредоточенным на более известных произведениях: «Леди Макбет Мценского уезда», «Соборяне», «Левша». Возможно, так сложилось потому, что не был преодолён застой в переводе этого автора, то есть не произошло расширения круга текстов для знакомства читательской аудитории и дальнейшего научного исследования. Ранние произведения и вызывавшие споры после выхода их в свет романы «Некуда», «На ножах», рассказ «Овцебык», например, не были переведены. Это, к сожалению, неизбежно повлекло за собой недопонимание общего контекста творчества писателя. Конечно, многое объясняется объективными причинами – трудным фоном времени, но требует восстановления (с учётом достижений русистики) и дальнейших нацеленных научных разысканий.

Новизна диссертационного исследования обусловлена тем, что оно обращено к средствам номинации и предикации указанных текстов ранней прозы в полиаспектном их освещении, с антропоцентрических позиций, позволяющих охарактеризовать роль бытописательных ресурсов идиолекта как трансляторов авторских оценок. Новизну исследования связываем также с введением в научный оборот материалов китайских исследователей о языке и творчестве Н.С. Лескова при их критической оценке и осмыслении перспективы нашей дальнейшей работы.

Теоретическая значимость данной диссертации видится в углублении характеристики идиолекта как эволюционирующего феномена, связанного теснейшим образом с антропоцентрической категорией языковой личности; в расширении представления о возможностях номинативно-оценочных средств при создании произведения как целого, при характеристике Лескова как «русского писателя».

Практическая значимость осуществленного исследования заключается в возможности использовать сведения о русской жизни и о русском характере в его исторической эволюции (на примере изучения творчества Лескова раннего периода) для знакомства с особенностями культуры и быта России XIX века, сохраняемыми текстами произведений классической литературы, в переводческой деятельности и лексикографической практике (русско-китайские двуязычные словари).

Положения, выносимые на защиту:

1. Исследование семантики лексико-фразеологических средств номинации и предикации позволяет установить фрагменты русской языковой картины мира, репрезентированные в текстах произведений с ориентацией на художественно-эстетические задачи и прагматические установки автора (‘жилье’, ‘пища’, ‘одежда’, ‘транспорт’, ‘чувства и состояния человека’).
2. Номинации помещений, в том числе жилых, одежды и пищи, которые использованы Н.С. Лесковым в его ранних произведениях, вербализуют концепт «Русский быт» и позволяют представить культуру еды, костюма, бытоустройства в крестьянской или купеческой среде, откуда избраны автором изображаемые герои, помогают писателю воссоздать в исторической ретроспективе реалистическую картину жизни русского народа, сохраняя её своеобразие для многих поколений читателей, в том числе зарубежных.
3. Фрагмент языковой картины мира «Продукты питания и внутреннего потребления» наиболее ярко представлен в повести «Житие одной бабы» номинациями пищи и напитков, расцвечен областными, просторечными единицами, прагматически целесообразно и стилистически точно введёнными, указывающими на особенности авторского идиолекта и идиостиля — бытописательную точность.
4. С выбором и стилистическим использованием потенциала наименований пищи и напитков связано в ранних прозаических произведениях Н.С. Лескова не только представление традиций приёма гостей, их потчевания, изображение обрядовой стороны русской жизни, имеющее культурологическое значение, но и

отображение особенностей характера персонажа в системе его реакций.

5. Наиболее важными в стилистическом отношении номинациями одежды в исследуемых текстах Н.С. Лескова стали те, с помощью которых писатель осуществлял представление персонажей, их портретирование, характеризовал перипетии их судьбы.
6. Особую важность в лингвокультурном аспекте имеет осмысление и оценка потенциала безэквивалентной лексики, составляющей этнографический фон произведений Н.С. Лескова, что ценно для переводов с ориентацией на зарубежного читателя из Китая.
7. Использованием лексико-фразеологических единиц с семантикой ‘чувство’ в качестве предиката в речевой партии каждого значимого персонажа обеспечивается реалистическая достоверность в персонажной зоне произведений ранней прозы Н.С. Лескова.
8. Произведения Н.С. Лескова «Житие одной бабы», «Леди Макбет Мценского уезда», «Тупейный художник», принадлежащие феномену классической литературы XIX века, в эстетическом зеркале которой отражаются культура и традиции народа, запечатлевают фрагменты концептосферы (концепты «Скука», «Грех, «Счастье», «Русская женщина», др.) писателя как русской языковой личности с индивидуально-авторской оценочной картиной мира.
9. Номинативно-оценочный потенциал лексико-фразеологических средств идиолекта Н.С. Лескова реализован при создании системы художественных образов, показавших одобряемое и порицаемое писателем в человеке и жизни, передающих взгляд литератора на национальный характер и осуждение положения народа в России до отмены крепостного права.

Оценка достоверности результатов исследования. Достоверность и обоснованность результатов диссертационного исследования обеспечивается следующим:

- выбором адекватных методов анализа языка ранних произведений Н.С. Лескова;
- картотекой проанализированной лексики (около 1500 контекстов), собранной методом нацеленной сплошной выборки и отражённой в Приложении к

диссертации в виде конкорданса;

– обработкой лексического материала по словарям, в трактовке которых значения и стилистическая окраска единиц соответствуют периоду функционирования лексических и фразеологических средств в текстах писателя, согласно прагматическим установкам этих изданий;
– исследование опирается на достижения авторитетных работ по языку и стилю Н.С. Лескова.

Перспектива диссертационного исследования состоит в возможности использования результатов в процессе знакомства с творчеством, стилем и языком Н.С. Лескова «как самого русского писателя», в китайской исследовательской и читательской аудитории, при переводе и комментировании его текстов, сравнении лингвокультур, подготовке русско-китайских двуязычных словарей, в том числе словарей концептов культуры.

Язык и стиль Лескова нуждаются в изучении, потому что интерес вызывает личность писателя, который сформировался в эпоху 60-х гг. XIX в. Это время в истории России необычайно значительное, насыщенное событиями первостепенной важности, прежде всего, отменой крепостного права, с чем было связано изменение национальной ментальности – «народного мировидения широких масс людей» [Радбиль 2010, с. 51]. Произведения Лескова отражают мировидение автора – русского человека, исторические силы и национальную самобытность народа сквозь призму слова, играющего многочисленными смысловыми оттенками в речевых партиях персонажей. Они представляют интерес и одновременно трудность для адекватного перевода, нуждаются в лингвистическом объяснении китайскими русистами.

Считаем, что в Китае должны сложиться возможности для продвижения художественного наследия Лескова. Это может быть реализовано в случае успешного лингвистического комментирования текстов, представления оригинальных слов-образов, раскрытия смысла фразеологических оборотов, которые транслируют в текстах писателя народную мудрость, делают их выразительными и запоминающимися.

Апробация работы прошла в рамках обсуждения на заседаниях кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта, выступления с докладами на 5 международных научных конференциях в России, в том числе «Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность» (1 марта 2018 г., Москва); «Русский язык: история, диалекты, современность» (апрель 2018, 2019 гг., Москва); «Рациональное и эмоциональное в русском языке» (19 ноября 2019 г., Москва); Всероссийской научной конференции с международным участием «Художественный текст: структура, семантика, стилистика», посвящённой памяти доктора филологических наук, профессора Елены Иннокентьевны Дибровой (27-28 апреля 2023 г., РосНОУ (ROSNOU), г. Москва), научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов МГОУ (апрель 2018-2019 гг.), Москва – Мытищи); научных семинарах кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта «Актуальные проблемы русского языка» (2018–2019 гг.).

Основные положения и результаты исследования изложены в 8 статьях, 3 из которых опубликованы в журналах, включенных в перечень ВАК.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трёх глав, Заключения, Списка литературы, Приложения.

Настоящее диссертационное исследование обращено к изучению номинативно-оценочного потенциала лексико-фразеологических ресурсов идиолекта – средств номинации и предикации – в ранних произведениях Н.С Лескова на основе представлений о языке художественной литературы, сложившихся в рамках лингвистических традиций, заложенных В.В. Виноградовым, в связи с вниманием к сфере номинации и предикации, интересом к языковой картине мира и тем её фрагментам, которые запечатлела текстовая действительность, художественное пространство ранних произведений писателя.

Глава 1. Произведения раннего периода творчества Н.С. Лескова в лингвистическом освещении: актуальные зоны и аспекты исследования

В данной главе представлено исследование вопроса о языке художественной литературы как области лингвистических разысканий и поле экспликации идейно-эстетических установок автора. Рассматриваются результаты осуществленных исследований о языке художественной литературы, анализируется термин «языковая личность» в свете оценки жанровых и тематических особенностей раннего периода творчества Н.С. Лескова как идиостилевых, что обеспечивает теоретическую основу для анализа в последующих главах.

1.1. Язык художественной литературы как область лингвистических разысканий и поле экспликации идейно-эстетических установок автора

Изучение языка художественной литературы в качестве особой сферы филологической деятельности получает разностороннее теоретическое обоснование в науке и привлекает внимание широкого круга исследователей-филологов, прежде всего лингвистов, только в XX веке, благодаря трудам В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, однако актуальность данного направления очевидна и сейчас: исследования в XXI веке продолжаются, вызывают интерес, о чём свидетельствуют многочисленные работы (например: [Герасименко 2013, 2017]; [Леденёва 2015]; [Лукин 2009]; [Халикова 2017]; [Шаповалова 2020]; [Язык художественной литературы… 2016]).

Интерес к такому объекту исследования, как *язык художественной литературы*, который в настоящее время (как сложный феномен с качествами интертекстуальности и прецедентности) следует рассматривать не только с синхронных, но и с диахронных позиций, обусловлен богатством и разнообразием имеющихся текстов широкого круга писателей, авторов художественной публицистики (А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, Н.С. Лесков, М.А. Шолохов, М. Пришвин и т. д.). У исследователей сложились возможности изучать язык

художественной литературы (художественный текст) в разных аспектах, используя различные подходы и методы, характерные для филологии в целом.

Филология помогает составить многогранное представление о мире, которое создаётся словом, когда оно становится проводником в сложные понятия и образы, связанные с духовной культурой какого-либо народа, его историей, что возможно благодаря анализу текстов. Филология движется от формы к содержанию и обратно в аспекте Смысл <=> Текст, но внимание к языку художественной литературы как важному источнику знаний о человеке, особенно в связи с развитием антропоцентризма – актуальной научной парадигмы в настоящее время, в числе её ведущих аспектов [ср.: Лукин 2009, с. 9, 11]. Д.С. Лихачев написал, что «филология – это высшая форма гуманитарных наук» [Лихачев, 2016, с. 120]. Учёный подчеркнул, что филология «нужна всем, кто пользуется языком, словом», так как она находится в основе «всей человеческой культуры», ведь «знания и творчество оформляются через слово», и потому филология сближает разные человеческие культуры, стремясь к демонстрации их особенностей при рассмотрении текстов [Лихачев, 2016, с. 121]. Нам понятна эта позиция.

Объектом внимания филологии как таковой, по мнению В.А. Масловой, «является текст во всей совокупности внутренних и внешних аспектов». Исследователь подчёркивает, что «наиболее древней формой филологии был комментарий текста, что дало возможность назвать филологию “служанкой текста”. Однако теперь филология – это уже и само познание культуры, осмысление духовного бытия человека посредством анализа текстов, в том числе художественных текстов, за которыми стоит языковая личность их авторов» [Маслова 2019 URL].

Нам близко утверждение, что «текст – это памятник культуры, а его расшифровка и интерпретация могут быть сделаны только человеком, который владеет этой культурой» [Маслова 2019 URL]. При этом без лингвистического анализа невозможен глубокий литературоведческий, однако филология связана не только с лингвистикой: это система научных дисциплин гуманитарного профиля.

В неё вовлечены культурология, лингвопсихология, этнография, диалектология, стилистика, когнитивная лингвистика и т.д. Эта система, со своей стороны, формирует знания, которые требуются для проникновенияв текст, его осмысление и трактовку, а через текст и язык – материал его воплощения и тонкий инструмент для раскрытия особенностей мышления, оценочной деятельности – к пониманию менталитета. «Любой народ вырабатывает особые принципы отношения человека к Миру, к Богу, к Человеку и делает это на своём родном языке и во многом с помощью языка» [Радбиль 2010, с. 7]. Значит, филологией охвачена «история и сущность духовной культуры через языковой и стилистический анализ письменных текстов» [Аверинцев URL].

В XXI веке продолжается многоэтапный путь развития русской филологии. Ю.В. Рождественский выделил такие его этапы: а) до 70-х годов XIX века, посвящённый систематизации видов текстов, разработке принципов их класификации; б) с конца 70-х годов XIX века до 30-х годов XX века – внимание к характеристике поэтических форм речи; с этим этапом связано формирование науки о языке художественной литературы; в) современный этап, который обеспечил появление теории (лингвистики) текста (язык художественной литературы как область изучения и предмет науки самостоятельны) [Рождественский, 1996, с. 19].

В начале 90-х годов XX века в филологии вновь наметилось сближение литературоведения, лингвистики, вполне четко обозначились точки их соприкосновения, при этом развернулась дискуссия о происхождении и содержании понятия «текст», о видах и критериях классификации типов текста. В обиход учёных вошли понятия *онтологии* и *типологии текста, художественного* и *литературного произведения, фактуры* и *текстуры* текста.

Язык художественных произведений изучался в XX веке в многочисленных трудах разного формата, сохранявших виноградовские традиции и развивавших их в свете антропоцентризма (например: [Жаркова 2005; Куланина 1999; Леденёва 2000; Михеева 2008]), и в XXI веке также исследуются тексты художественной литературы в различных аспектах (прагматическом, концептуальном,

аксиологическом и т.д.). Но многие вопросы до сих пор остаются дискуссионными. Так, при подходе от «*языка – к тексту, от формы к содержанию»* (лингвоцентрическом) «изучаются функции языковых единиц и категорий для выявления идиостилевых признаков» [Халикова 2017, с. 29–30]; установлено свойство голографичности, основанное на ассоциациях, которые возбуждаются при восприятии слова в языке художественной литературы и оценке нагрузки языковых средств в художественном тексте [Швецова 2017]; рассмотрено влияние фасцинации [Герасименко 2017, с. 46], роль креолизации и др.

Со 2-ой половины XX века, благодаря работам многих специалистов, новыми смыслами обогатилось понятие «художественный текст», обобщённо представляющее любое произведение художественной литературы. Отметим, что использование этого актуального термина подготавливалось исторически. Предыдущая традиция называния художественных произведений, действительно, имеет свою историю и отражается цепочкой частично синонимичных понятий: *словесность — изящная словесность — литература — изящная литература* (*беллетристика*) *— художественная литература — художественный текст*. Последнее важно для лингвистических исследований. Очевидно, что история соотношения основных понятий в этом диахроническом ряду отражает несколько этапов семантизации лексем «словесность» и «литература». Так, в Словаре Академии Российской *словесность* ещё не имеет терминологического значения: «1) Знание, касающееся до словесных наук. *Силен в словесности*. 2) Способность говорить, выражать» [САР Т. 5, с. 536]. Во второй половине XIX в. *словесность* трактуется достаточно широко («I. Это всё, что относится к изучению здравого изящного выражения; письменность; II. Общность словесных произведений народа, письменность, литература»), а слово *литература*, по мнению лексикологов и лексикографов, появилось в русском языке в середине XVIII в. одновременно в нескольких значениях: «грамотность», «стихотворство», «изящные письмена», «письменность» [Черных 1993, Т. 1, с. 485].

Если в начале XIX века понятие *литература* вмещало в себя всю совокупность письменных текстов, а не только художественные произведения, в том числе критику и журнальные статьи, то во второй половине XIX в. и *словесность* и (*изящную*) *литературу* начинают именовать *художественной литературой*: «Я прошу только посмотреть внимательно и бесстрашно на жизнь нашу и нашу *художественную литературу*» (К.Н. Леонтьев, 1875); «Брошюрку Вашу, как только что получил, я прочёл немедленно, и из неё вижу, что Вы от романа, совершенно справедливо считаемого Вами за самого странного и прочного представителя современной *художественной литературы*» (А.Ф. Писемский, 1877); «…много не затронула *художественная литература* наша и проглядела» (Ф.М. Достоевский, 1881) [НКРЯ]. (Этот термин, следовательно, употреблялся в период творчества Н.С. Лескова.)

В работах В.В. Виноградова терминология, связанная с языком художественной литературы, отличается вариативностью [см.: Виноградов 1958, 1971], при этом понятия «поэтический язык», «поэтическая речь», «художественная речь», «художественный язык» используются как одинаково допустимые: «наука о поэтическом языке или художественных формах речи», «теория поэтической или художественной речи». Это оказалось тенденцией его научного языка: «В метаязыке Виноградова в кругу какого-либо концептуального понятия (например «стиль») выделяются: 1) определённо осознаваемые термины (*стиль, речь, фразеологическая единица, символ*); 2) фоновые термины (*речевой строй, церковнославянская стихия*); 3) метафорические термины (*дух языка, речевая струя, стилистически излом, побеги* (ответвления) *стиля, острый эпитет, фразеологические осколки*)» [Халикова 2018, с. 63].

Со второй половины XX века и в настоящее время в исследованиях, посвящённых художественным произведениям, их языку и стилю, оказывается популярным понятие «художественный текст». Принципиально новым в понимании языка художественной литературы – языка в поэтической функции, или поэтического языка, – в XX веке стало осмысление его по отношению к литературному языку, национальному языку: он стремится вобрать и представить

те языковые формы, средства, которые не характерны для книжных стилей литературного языка в их большинстве, не типичны и для повседневного употребления (поэтическая возвышенная лексика, мифологическая лексика, окказионализмы, устаревшие слова, экзотизмы и т.д.) (например: [Куланина 1999], [Леденёва 1999, 2000]).

Во второй половине XX века выделяется семантико-стилистическое, системно-структурное, коммуникативное, когнитивное направления, особо выступает лингвопоэтическое направление исследования поэтических текстов, в рамках которого развивается подход к языку художественного произведения как к сфере реализации потенциальных свойств языка лингвистическая эстетика, поэтология, психопоэтика, появление которых сигнализирует о расширении числа объектов, выявляемых и изучаемых в художественном тексте. [Лукин 2009, с. 16; см. там же с. 174–187, с. 249–260; ср.: Николина 2007]. Сложились не только различные направления, но и лингвистические научные школы, исследующие язык художественной литературы и собственно художественный текст, несмотря на то что В.А. Лукин посчитал, что лингвистика «утрачивает роль лидера в комплексе гуманитарных наук, изучающих художественный текст» [Лукин 2009, с. 15]. Одну из таких школ возглавляла Е.И. Диброва [см.: Диброва 1996, 1999].

Русский язык предстает как синтез национальной культуры, воплощающий идейные и художественно-эстетические явления. Лингвистика должна изучать не только собственно лингвистические формы, но и воплощенное в языковых единицах и категориях мировосприятие и мировоззрение художника слова как носителя национального языка.

Художественный текст – многомерное филологическое явление, где воплощены психология автора, его потребности, мотивы, целеустановки, намерения, способности Н.А. Николина отмечает, что в оценках современной лингвистики (шире – филологии) художественный текст характеризуется рядом особых признаков. Первым из них назван следующий: «В художественном тексте, в отличие от других текстов, внутритекстовая действительность (по отношению к

внетекстовой) имеет креативную природу, т. е. создана воображением и творческой энергией автора, носит условный, как правило, вымышленный, характер. Но изображаемый в художественном тексте мир соотносится с действительностью» [Николина 2007, с. 7]. Оппозиция действительность / возможность связана с категорией бытийности. Она является и категорией философской. Но художественный текст – это не реально возможный мир, где «реальный» значит ‘действительно существующий, не воображаемый, а возможный – такой, который может произойти, допустимый’. Художественным текстом становится объективный мир авторского сознания, существующий независимо от тенденции исторического (реального) события, независимо от истинности / неистинности (фантастичности) события, т. е. следует принять при анализе художественного текста, его образов и категорий, средств их воплощения мысль об «устойчивости текста как единицы художественного мышления (образности)» [Халикова 2019, с. 13].

Художественный текст представляет собой мыслимый, смоделированный автором мир, относительно приближенный к точности действительно существующего события. Понятие «мыслимости» восходит к единому внутреннему миру автора, его сознанию, миру его личного духа, чувств, переживаний и т. д. Глубину данной связи, освоенное наукой положение о языке, мышлении, знании, тексте хорошо разъясняет А.Г. Лошаков: «Слово-текст, слово-текст, язык как инферентный текст и т. д. – создают человеку возможность наблюдать и изучать свою мысль о мире и себе самом, наполнять ее содержанием и восполнять его, опираясь на знания о мире и языке» [Лошаков 2017, с. 3].

Второе из отмеченных Н.А. Николиной свойств состоит в том, что художественный текст представляет собой сложную по организации систему, базирующуюся на средствах общенационального языка, освоение их формирует идиолект [Леденёва 2000], который может обогащаться за счёт лексико-фразеологических приращений, связанных с креативной словотворческой деятельностью автора. Социокультурная компетенция читателя определяет его как тип и создает возможности вариантного истолкования. В связи

с этим встает проблема актуального читателя, для которого текст и его автор – объекты разной глубины, и множественного читателя, или множественности читателя создающих разновидности смысла. Вариантность заложена в самом тексте его подтекстовых (закрытых) и текстовых (открытых) структурах, степень освоения которых зависит от осведомленности читателя [Николина 2007, с. 7–8].

Важно третье из указанных свойств: «В художественном тексте все стремится стать мотивированным со стороны значения» [Николина 2007, с. 8] для выполнения эстетической функции, вследствие чего возникают коннотации, которые были названы «обертонами смысла». Авторская прагматика, проявление интенций, полифункциональность и многие другие свойства придают слову в тексте специфическую семантическую структуру. Они имеют эстетическое значение и связаны с реальностью вне текста, полны неявного смысла, например, при выражении страсти, глубинных человеческих чувств, движений духа в произведении. Этот аспект проявления идейно-художественных интенций автора изучали прямо, нацеленно или в совокупности с другими вопросами, решая другие исследовательские задачи (М.М. Бахтин [Бахтин 1986], В.В. Виноградов [Виноградов 1971; 1982], Г.О. Винокур [Винокур 1991], А.Н. Кожин [Кожин 1981], Б.А. Ларин [Ларин 1975], Д.С. Лихачев [Лихачев 1981; 1991] и др.).

Н.А. Николина отмечает важное свойство целостности, связности, что «обнаруживается в повторах, актуализирующих дополнительные смыслы» и интертекстуальность, благодаря которой проявляется подтекст произведения, фоновая и имплицитная информация, названная «неявной» [Николина 2007, с. 8–9].

Категории текста являются универсальными понятиями связей, свойств и отношений предметов и явлений художественного мира. К ним относятся: категория *со-бытийности; категории движения, пространства и времени; категория автора и читателя; категория структуры (формы) и категория содержания; категория системы и категория компонента* и т. д. [ср.: Валгина 2003; Лихачев 2016; Радбиль 2010].

Категории в языке художественной литературы исследуются через

особенности воплощающихся в художественном тексте средств. Так, например, категория времени способна проступать в особенностях ввода и использования видовременных форм глагола, локальных и темпоральных наречий и предложно-падежных конструкций [Шаповалова 2022, с. 8–47].

Художественный текст оформлен как роман, рассказ, драма, поэма, лирическое стихотворение. Суть поэтики заключается в выражении сверхзадачи идеи всего творчества автора, которая вписана многомерную систему текста. Художественный текст – это фрагмент индивидуально-авторской картины мира и концептосферы писателя, представленные через систему образов, сквозь призму оценок, которые отражают интенцию языковой личности, проявляют её менталитет.

По образному выражению Т.Б. Радбиля, языковой менталитет есть способ «жить, думать и разговаривать» [Радбиль 2010, с. 20], что проявляется, безусловно, в идиостиле автора. Каждый автор формирует в художественном тексте собственное пространство оценочности, наполненное актуальными именно для него направлениями, смыслами и экспрессией. Авторы стремятся максимально эффективно использовать богатый оценочный потенциал разговорной и книжной лексики и фразеологии, однако чаще всего Н.С. Лесковым выбирается для трансляции оценки разговорная, сниженная лексика.

1.2. Черты идиостиля и идиолекта Н.С. Лескова в научном освещении

Талант Лескова получил должную оценку только к концу жизни автора [см.: Н.С. Лесков в воспоминаниях современников 2018, с. 456, 500; Леденёва 2015, с. 4–5], хотя первые его произведения произвели яркое впечатление своим стилем на аудиторию.

Путь Н.С. Лескова к успеху был сложным. Он вошел в литературу в 60-е годы XIX века, имея, однако, широкий жизненный опыт: рано начал трудиться, много ездил по России. В творчестве литератор не причислял себя к каким-либо направлениям, при этом сотрудничал с различными журналами, которые имели

свои культурно-эстетические программы. В зрелом возрасте он вёл доверительную переписку с писателем-гигантом Львом Толстым, который указывал на особое лесковское мастерство владения словом. Лесков питал дружеские чувства к философу Владимиру Соловьёву, восхищенно рассуждал о таланте Ивана Сергеевича Тургенева – они были современниками. Оставил Н.С. Лесков и публицистические статьи об А.И. Герцене, и заметки о художнике Николае Ге (de Gay); много писал о русском театре, популярных актерах, освещал жизнь купечества и священников. Но главным в творчестве литератора был простой народ, представители разных сословий России XIX века.

Жизнь народа в её полноте, без прикрас, стала самым важным предметом изображения Н.С. Лескова. Многочисленные рассказы, очерки и повести писателя – мастера малых жанров – злободневны, а бытописание в них, точность деталей, тщательность выбора слов в речевой партии каждого персонажа обеспечивали реалистическую достоверность прозы. Эти качества признаны основой его идиостиля [Леденёва 2015]. К острым, насущным проблемам простого народа, прежде всего крестьян, писатель стремился привлечь внимание читателей, способных сочувствовать и помогать, решать проблемы народного образования, культурно-нравственные и духовно-религиозные, медицины и гигиены, угнетения женщины и т.д. [Головачева 2016; Баженова, Леденёва 2019].

Особым и признанным достоинством его таланта явилось то, что о русской жизни Лесков говорил языком народа. «У Лескова идея спрятана за словами, у него всё в слове», – написал выдающийся лесковед Н.И. Либан [Либан 2010, с. 426]. Вот почему изучать лексику и фразеологию в текстах писателя так важно. Исследование семантики лексико-фразеологических средств помогает установить, какие фрагменты русской языковой картины мира представлены в текстах. Бытописание – важная, яркая, но не единственная ценная грань богатого таланта этого писателя, благодаря которой он занял достойное место в русской классической литературе.

Н.С. Лесков был метко охарактеризован *упорной русской тёткой, общей русской тётушкой*, потому что в его текстах отражаются такие качества, как

доброта, русское душевное сочувствие, понимание патриархальности в народе, почитание православия [Розанов 1994, с. 144].

Исследуя творчество Н.С. Лескова, можем отметить его особое отношение к фольклору и народной духовной деятельности, которое оказалось у этого художника «несравненно оригинальнее», чем у многих других писателей [Добрыв URL]. В его творчестве существуют также фольклорные единицы: лирические, обрядовые песни, пословицы, заговоры и другие, например: « А вот ***свинью Аксинью, что родила сына Василья да не позвала нас на крестины****…»* («Леди Макбет Мценского уезда» URL). Они заслуживают самостоятельного изучения.

Особенно важно понимание специфики идиостиля Н.С. Лескова в отношении использования безэквивалентной лексики, составляющей этнографический фон его художественной прозы, которая умело вплетается в контекст, соседствуя с узуальной в XIX веке, хотя ныне устаревшей. Например:

*«*В это же мгновение ***свита*** Катерины Львовны взлетела ей на голову, и по её спине, закрытой одной ***суровою рубашкою***, загулял во всю мужичью мочь толстый конец, вдвое свитой веревки» («Леди Макбет Мценского уезда» URL);

«Катерина Львовна от нечего делать рано ***повечерила***, открыла у себя на ***вышке окошечко*** и, прислонясь к косяку, ***шелушила*** подсолнечные зернышки» («Леди Макбет Мценского уезда» URL);

«Люди в ***кухне поужинали*** и расходились по ***двору*** спать: кто под ***сараи***, кто к ***амбарам***, кто на высокие душистые ***сеновалы»*** («Леди Макбет Мценского уезда» URL);

«***Камариновые*** же ***серьги»***.....Это был первый знак особенной чести быть возведенною на краткий миг в одалиски владыки … убрать обречённую девушку после театра «в невинном виде святою Цецилией», и во всем в белом, в венке и с лилией в руках символизированную innocence доставляли на ***графскую половину***» («Тупейный художник» URL);

«Вожу вокруг глазами и думаю, где я? Смотрю, входит женщина, пожилая, высокая, вся в синей ***пестряди*** *и* ***пестрядинным*** чистым ***платком*** повязана, а лицо ласковое» («Тупейный художник» URL);

«Вошло семь человек погони, все из графских охотников, с ***кистенями*** *и с* ***арапниками****,* а за поясами ***своры верёвочные***, и с ними восьмой, графский дворецкий, в длинной волчьей с высоким ***козырем***...» («Тупейный художник» URL).

Важной чертой идиостиля Н.С. Лескова признано столкновение в пределах одного микроконтекста, в том числе в качестве синтагматических партнёров, слов и фразеологизмов различной стилистической окраски – книжных и разговорных – в широком понимании терминов, т. е. полярных в отношении экспресивного заряда, вида коннотаций, оценочного потенциала таких языковых средств (включая бранные). Над этой проблематикой работают О.А. Головачева, В.В. Леденёва, И.В. Ружицкий и Е.В. Потёмкина [Головачева 2011, 2016, 2018; Леденёва 2015, 2022; Потёмкина, Ружицкий 2019] и др. Установить такие соотношения – значит подойти к ответам на ряд вопросов в отношении интенция автора текста как языковой личности с её идиостилевыми предпочтениями, как было показано исследователями [Леденёва 2022, с. 185–192; Потёмкина, Ружицкий 2019, с.79–80].

1.3. Проблематика и жанрово-стилистические особенности ранних прозаических произведений Н.С. Лескова в свете характеристики автора как языковой личности

Н.С. Лесков вошёл не только в русскую, но и мировую литературу как крупный писатель, самобытный живописец русской действительности и русского национального характера XIX века. Это не случайно. В своих произведениях писатель отразил противоречия и мятежный дух времени, свой взгляд на историю России, на её путь развития, на её народ. Важной чертой идиостиля Н.С. Лескова, признанной исследователями, является то, что он не только мастер-публицист, но и виртуоз малых жанров, а именно новелл и рассказов, в формах которых разворачиваются большие, часто трагические жизненные истории. Так, избранные для анализа повесть Н.С. Лескова «Житие одной бабы» (1863 г.), тематически близкий этому произведению в связи с осуждением бесправия

людей, уничтожения человеческого достоинства при крепостном праве рассказ «Тупейный художник» (1883 г.) и очерк «Леди Макбет Мценского уезда» (1864 г.) — это трагические произведения малых жанров, указывающих на интерес к новелле. В них затронут большой круг сложных проблем: судьбы и типы русского характера, сформированного в условиях крепостной кабалы или духовного рабства в семье – безнравственного управления чужой жизнью, что связано с оценкой и изображением писателем быта различных социальных классов, прежде всего важнейшего слоя народных масс России XIX века – крестьянства, потому что это был основной пласт населения Российской Империи, создававший её достояние.

Положение народа было в центре внимания публицистики и художественной литературы того времени, так что Лесков избрал актуальный путь. Умение писать «на злобу дня» – это тоже важная идиостилевая черта литератора. Вот его собственное признание в такой установке: «*”**Злоба дня**” всегда найдет более отклика в сердцах читателей, которым ладон и кадило очень начадило»* (Письмо Д.Н. Цертелеву от 23 октября 1890 г., Петербург. https://rvb.ru/leskov/01text/vol_11/04letters/439.htm, с. 466) [ср.: Леденёва 2015, с. 135]: («книжн. То, что волнует, интересует общество в данный момент [из евангельского выражения: «довлеет дневи злоба его» – довольно для каждого дня своей заботы]»), по ТСУ URL].

Начало творческой карьеры Н.С. Лескова совпадает с огромным по важности событием в жизни страны – освобождением крестьян от длительной крепостной зависимости, т. е. отменой крепостного права в 1861 году, но к эпохе крепостничества и её последствиям литератор обращается в анализируемых произведениях – по-лесковски обновлённом жанре рассказа («рассказ на могиле») «Тупейный художник», который написан в 1883 году и наделён значимым, связующим с дореформенной эпохой посвящением: «Светлой памяти благословенного дня 19-го февраля 1861 г.». Посвящение также связывает этот текст с повестью «Житие одной бабы», так что формируется своеобразный тематический сверхтекст, который «представляет собой целостное,

полиструктурное, многомерное “сверхсемантическое” образование, репрезентируемое множеством текстов» [Лошаков 2017, с. 5], конкретно – о жизни народа при крепостном праве.

В связи с выбором рабочего определения идиостиля мы обратились к исследованиям В.В. Леденёвой и приняли для нашей диссертации такие установочные положения.

Во-первых, вновь подчеркнём то, что идиостиль «отражается в интеграции предпочтительных тем, жанров, средств и приёмов» [Леденёва 2022, с. 294]. И мы отмечаем, что избранные для анализа произведения являются показательными в этом плане: они малых жанров; с сильной бытописательной стороной; содержат проникновенное изображение крестьянской, купеческой среды; нацелены на обличение угнетения в человеке человеческого, унижения личности; трагические, наполненные сочувствием и состраданием к людскому горю, безысходности; показывают русскую натуру сложной, способной на горячие чувства и жертвы; критикуют пережитки, отжившие устои с помощью средств авторской оценки; раскрывают гуманистические взгляды писателя в связи с темой народа, что ощутимо благодаря силе образов, созданных с заметным читателю мастерством характеризации, которое блестяще проявляется при работе Н.С. Лескова со стилистически окрашенной лексикой [см. подробнее: Леденёва 2022, с. 433].

Во-вторых, поскольку «идиостиль – это индивидуально устанавливаемая языковой личностью система отношений к разнообразным средствам и способам её авторепрезентации через идиолект» [Леденёва 2022, с. 11], иными словами, через «индивидуальную версию этнического языка» [Морковкин, Морковкина 1997: 97], то встаёт задача представить взгляд на *языковую личность* — важное для исследователя оперативное понятие современной антропоцентрической лингвистики, которая направляет свои усилия на изучение языка художественной литературы.

Этот актуальный филологический термин стал использоваться в первой трети XX века в трудах В.В. Виноградова применительно к «внутритекстовой фигуре» писателя — автора текста, использующего язык в качестве своего

«рабочего инструмента» (ранее у В.В. Виноградова функционировал термин «образ автора»: «Это – концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем, рассказчиком или рассказчиками и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого» [Виноградов 1971, с. 118]; ср.: [Халикова 2019]).

Современные исследования *языковой личности* в русистике, в том числе представляющие черты языковой личности различных писателей (прозаиков, поэтов, драматургов), базируются на концепции Ю.Н. Караулова, которым была разработана эффективная трёхуровневая модель языковой личности. Она представлена в книге «Русский язык и языковая личность» [Караулов 1987]. Подход учёного считается полипарадигмальным и объединяет филологов, исследователей языка художественной литературы, публицистики, а также текстов СМИ, представителей лингвокультурологии и других гуманитарных областей науки. С момента выхода труда Ю.Н. Караулова к настоящему времени сложилась и стала ведущей в лингвистике российская научная школа «Русская языковая личность» [Володина 2017, с. 66–68].

При изучении языковой личности рассматривают, по Ю.Н. Караулову, в свете отражаения текстами, их языком «не только её психологические черты, но философско-мировоззренческие предпосылки, этнонациональные особенности, социальные характеристики, историко-культурные истоки», выявляют «представления о смысле бытия» [Караулов1989, с. 8] и другие – не только специфические, индивидуальные особенности, но и общие качества. Для этого изучаются элементы вербально-семантического уровня (нулевого, или первого в данной модели). Идиолект здесь в центре внимания, а он представлен прежде всего узуальными, освоенными из общенационального фонда лексико-фразеологическими ресурсами – теми единицами языкового фонда, которые усваиваются обязательно человеком по мере роста и взросления в пространстве национальной культуры и её текстов. «Усвоение родного языка представляет собой процесс постепенного, но весьма интенсивного

преобразования генетического языка, с которым человек рождается, в индивидуализированную версию определённого этнического языка» [Морковкин, Морковкина 1997, с. 39] – так идёт формирование языковой личности, «социального человека».

Но также анализируются и «атопоны», характеризующие оригинальность идиолекта автора, его самобытность, креативность, но вызывающие у адресата и интерпретатора текстов сложности. К ним относят безэквивалентную лексику, не зафиксированную крупными словарями русского языка, просторечные, диалектные, архаические лексико-фразеологические средства, индивидуально-авторские новообразования (окказионаизмы), кроме того единицы, семантика, оценочный заряд, стилистический потенциал которых преобразован в контекстах, безусловно, и Н.С. Лесковым в числе ярких художников [Елистратов, Ружицкий 2017, с. 125; Леденёва 2022, с. 286–352; Алешина 2017; Клишина А.Н., Клишина О.С. 2011].

Первый, или нулевой уровень получает характеристику по результатам анализа в тексте его лексико-фразеологического состава – вербального «инструментария», который используется автором для номинации, предикации, оценки.

Первый, или лингво-когнитивный уровень, называется Ю.Н. Карауловым идиотезаурусом. Он в структуре языковой личности представляет языковую картину мира. Понятия, идеи, концепты служат его единицами. А второй, т. е. высший уровень – это прагматикон, который отражает ценности и оценки, самооценку языковой личности, предопределяет направления творческих интересов, задачи, интенции произведения, необходимость использовать словотворчество, прецедентные феномены (цитаты, имена собственные), направляет к выбору жанра [Караулов 1987, с. 37, 88, 104–105].

Учение Ю.Н. Караулова поистине антропоцентричное. По словам Ю.И. Леденёва, «антропоцентрические факторы направлены на формирование индивидуальности речи человека, а социоцентрические факторы нивелируют речь, подчиняя её общим законам языка. Эти две тенденции неотделимы одна от

другой и постоянно взаимодействуют. <…> Их взаимовлияние определяет языковую личность. И чем социальнее эта личность по её функционированию, по её роли в обществе, тем значительнее её влияние на окружающую речевую среду» [Леденёв 2003: 10]. Языковая личность самобытного писателя может обогатить национальный лексикон за счет находок словотворческой деятельности, а литературный язык – за счёт введения забытых слов (архаизмов), употребления заимствований, диалектизмов, адаптированных просторечных, жаргонных лексико-фразеологических средств.

Ю.Н. Караулов подчёркивал важность исследования языковой личности «как целостного феномена», но в отношении текста произведения художественной литературы надо учитывать, что хотя речь персонажей создаётся с помощью ресурсов идиолекта автора, но «с известного момента текста начинается речь не автора, а имитируемого со стороны языка персонажа» [Винокур 1959, с. 253], поэтому возникает многоголосие, полифоничность. Для Н.С. Лескова это качество является идиостилевой чертой. Его герои чаще получают со стороны автора имплицитные, непрямые характеристики, потому что их преимущественно аттестует созданная в произведении речевая партия (особенности речи), с одной стороны, а с другой – ведущий повествование персонаж-рассказчик, когда используется прославивший литератора идиостилевой приём сказа [Либан 2010, с. 427], а не комментарий. Писатель создаёт героя, а «сознание героя, его чувство и желание мира – предметная эмоционально-волевая установка – со всех сторон, как кольцом, охвачены завершающим сознанием автора о нём и его мире; самовысказывания героя охвачены и проникнуты высказываниями о герое автора» [Бахтин URL]. В этом видно значение прагматикона языковой личности автора текста и особенности его проявления.

Особым аспектом исследования языковой личности писателя является работа над построением «концептуального профиля» писателя. Под это понятие подведено «оригинальное количественное соотношение денотативных сфер и групп в различных текстах одного писателя» [Мухин 2011, с. 9]. М.Ю. Мухиным

доказана целесообразность проведения исследования в три этапа: статистический, идеографический и интерпретационный [см. там же]. Установлено и надо учитывать, что статистические методы (подсчёты) позволяют дать в принципе объективную, причём дифференцированную оценку состава идиолекта (см. ещё о роли частотности определённых единиц у Н.С. Лескова и связи этого показателя с языковой картиной мира писателя [Барковская, Леденёва 2005]).

Некоторые исследователи предлагают использовать термин «речевая личность», если для анализа используются художественные тексты, [Каракуц-Бородина 2000], а не весь авторский сверхтекст. Однако мы не согласимся с ним, потому что в речи реализуется язык – главный признак человека, канал и способ взаимодействия с социумом, с миром, средство его членения (фрагменты языковой картины мира) и формирования мысли о предметах и явлениях действительности, даже вымышленной в результате творческой деятельности, о духовной сфере и т.д. В человеческом ментально-лингвальном комплексе (МЛК) язык находится в единстве с мышлением и сознанием [Морковкин, Морковкина 1997: 19]. Благодаря этому языковая личность формируется и проявляет себя при создании текстов / речи индивидуализированно, и она воплощается в текстах/речи средствами идиолекта, проявляя идиостиль как систему взглядов, оценок, отношения.

В связи с вышесказанным справедливо будет поддержать такое определение: «Языковая личность Лескова – это микромодель русской коллективной языковой личности, общерусского языкового типа», в креативной деятельности которой проявляется «реальное русское речетворчество, встречающееся повсеместно» [Елистратов, Ружицкий 2017, с. 124]. Значит, лесковское словотворчество, как черта языковой личности писателя, известная всем лесковедам и читателям произведений [Алешина 2017; Головачева 2018б], имеет глубокие, истинно национальные корни, связанные с типом русского языка (синтетического с элементами аналитизма), присущего МЛК человека, сформированного этим языком и передаваемой им культурой. Поэтому принимаем и следующее

утверждение: «Идиостиль Лескова – “идиомодель” творческих возможностей русского языка в целом, лингвистический микрокосм русского языкового макрокосма» [Елистратов, Ружицкий 2017, с. 124].

Выводы по 1 главе

1. Проанализированные с синхронно-диахронных позиций представления, которые сложились о языке художественной литературы как области лингвистики и сфере, в которой проявляют себя идейно-эстетические установки автора произведения, позволяют утвердиться во мнении, что изучение художественного текста на современном этапе остаётся актуальной сферой научных разысканий, вовлекло в свою орбиту, помимо языковедов и литературоведов, широкий круг филологов, не теряет важности для переводческой деятельности и комментирования реалий, что востребовано в Китае.
2. Художественный текст – это определённый фрагмент индивидуально-авторской картины мира, представленной через систему художественных образов, который воплощает интенции идиостиля автора. Осмысление и истолкование художественного текста связано с вниманием не только к проблематике произведения, развертыванию его образов, но и к языковой личности автора – обладателя идиолекта и идиостиля.
3. У исследователей XXI века сложились возможности изучать художественный текст в разных аспектах, используя различные подходы и методы, в рамках антропоцентрического направления, которое даёт наиболее объективные результаты для понимания стоящей за текстами языковой личности автора – носителя и транслятора культурных традиций, менталитета определённой эпохи, концептосферы.
4. Избрание для изучения и анализа в диссертации ранних произведений Н.С. Лескова способствует подтверждению ряда черт идиостиля литератора, связанных с прагматиконом языковой личности:

   – все произведения указывают на успешную работу писателя в области

малых жанров;

– тексты отражают успех Н.С. Лескова в создании бытописательной прозы: изображение крестьянской среды, жизни купечества;

– автор обращён к теме народа, обличению угнетения человека: крепостное право, унижения личности в быту, критика пережитков, устаревших традиций, калечащих жизнь;

– показ образа русского человека в трагических обстоятельствах с гуманистических позиций; демонстрация амбивалентности русской натуры (жертва и преступление).

5. Изучение номинативно-оценочного потенциала лексико-фразеологических средств требует внимания к проявлению особенностей языковой личности Н.С. Лескова на всех уровнях (по модели Ю.Н. Караулова), а не только на вербально-семантическом (нулевом, или первом), так как они неразрывно связаны вследствие обусловленности феноменом социальной, биографической личности.
6. Работа над средствами лексико-фразеологического фонда Н.С. Лескова позволит впоследствии распознать и семантизировать безэквивалентную лексику, атопоны, внелитературные ресурсы общенационального русского языка при переводе и комментарии его произведений, результаты подготовки текстов которых могут расширить границы лингвистического лесковедения в Китае.

Глава 2. Идейно-эстетический и оценочный потенциал средств номинации и предикации идиолекта Н.С. Лескова в ранних прозаических произведениях

В данной главе представлены рабочие термины «номинация» и «предикация» в связи с характеристикой номинативно-оценочного потенциала лексико-фразеологических средств, использованных Н.С. Лесковым для отражения главных прагматических установок автора в ранних прозаических произведениях: показать влияние разлагающего личность образа жизни в русской купеческой среде, что привело к преступлению Катерину Измайлову в очерке «Леди Макбет Мценского уезда»; пробудить сочувствие к трагической судьбе женщины-крестьянки в повести «Житие одной бабы».

2.1. О значении номинации и предикации для выражения художественной мысли и прагматических установок писателя

Язык каждого яркого писателя, составляющий основу самобытности и достоверности его творчества, является бесценным вкладом в сокровищницу не только национальной культуры, но и мировой. В истории мировой литературы можно назвать множество авторов, известных, например, в Китае или России, имена которых связаны с созданием литературных шедевров – достояния всего человечества, с развитием родных языков, обогащением концептосферы, расширением возможностей образного потенциала текстов [например: Аношкина 2018].

Для понимания авторских установок надо не забывать, что «мировоззрение есть результат соединения когнитивного уровня с прагматическим, результат взаимодействия системы ценностей личности, или «картины мира», с её жизненными целями, поведенческими мотивами и установками» [Караулов 1989, с. 6]. В текстах эти установки отражают лексико-фразеологические единицы, выступающие как средства номинации и предикации, т.е. воплощения оценки, позиции языковой личности, что предполагает

использование их стилистического потенциала и/или имплицитных возможностей компонентов значения.

2.1.1. О прагматических установках Лескова-прозаика

Язык произведений Николая Семеновича Лескова поистине богат народными словами, которые в творчестве этого мастера стали яркой приметой своеобразия идиолекта и реалистичности идиостиля. Знание России и языка ее народа было приобретёно литератором в различных путешествиях, в том числе по долгу службы [Богаевская 1958, с. 799–834; Головачева 2011; Головачева 2018а; Кучерская 2021; Леденёва 2015, с. 8, 15–25]. Наследие этого автора поражает своей значимостью и является неотъемлемой частью русской литературы и мировой культуры, так как и в Китае его повести, рассказы переведены, исследуются, а их образы и сохраняемая текстами культурно-историческая информация о жизни и традициях русского народа в XIX веке, которая транслируется системой лексико-фразеологических средств, служащих для номинации и предикации в их оценочном потенциале, вызывает интерес.

Говоря о достоинствах этого писателя, исследователи называют его «россиоведом», «волшебником слова», отмечают «подлинный лингвистический гений» этого литератора, как и стилистическое мастерство – умелое использование стилизации речи разных народных типов в сказе, очерках, повестях, причём указывают, что достигнуты эти качества благодаря знанию Н.С. Лесковым широкой палитры «территориальных диалектов и социолектов» [Елистратов, Ружицкий, 2017, с. 125]. Таким образом, исследователи установили, что лексико-фразеологические средства в текстах Н.С. Лескова системно организованы и демонстрируют особенности его языковой картины мира как языковой личности в художественно воссоздаваемых зарисовках жизни различных областей и сословий России.

Использование потенциала лексико-фразеологических средств Н.С. Лесковым подчинено прагматическим установкам автора, сделавшим его произведения истинно народными. Так как прагматические установки

характеризуют высший уровень языковой личности автора, связаны с образом его мышления и мировоззрением, то нужно учесть истинно русский взгляд на мир Н.С. Лескова, по отношению к которому можно привлечь данное определение: «Русское самосознание проявляется обычно не как последовательная приверженность к русским идеям, а как следствие невольной, иногда неосознанной, внутренней причастности к ним; оно возникает внезапно и неодолимо, как последний и окончательный акт поведения, как то, что постепенно рождается из туманных брожений внутреннего состояния, как сокровенная жизненная необходимость, единственно возможный для человека последний шаг» [Троицкий 2010, с. 33].

К главным прагматическим установкам Лескова-прозаика, проявившимся уже в ранний период творчества, надо отнести стремление правдиво изобразить жизнь народа, показать силу и неоднозначность характера русского человека, его потенциал, обнажить корни проблем, связанных с бедственным положением угнетённых и бесправных пластов населения – социальных (крепостные до отмены крепостного права, послереформенное крестьянство), традиционных бытовых (несчастье женщины в семье), духовно-нравственных (отношение к счастью, любви, добру и злу, вере) [ср. в публицистике: Головачева 2009, 2011].

При верном понимании вложенных автором смыслов и интенций, связанных с применением средств номинации и предикации в тексте, становится ясными его оценки изображаемого. Они (и это черта идиостиля) часто бывают непрямыми, имплицитными, приведёнными не в авторской речи, а рассказчиком, как бы отстранённо, но проявляются в приёмах использования лексико-фразеологических средств, прежде всего периферийных, стилистически окрашенных, что установлено российским лесковедением [см.: Дыханова 2013, с. 180; Головачева 2016, 2021; Леденёва 2015].

2.1.2. О номинации и предикации как рабочих понятиях

Обратимся к номинации и предикации как рабочим понятиям, необходимым в нашем исследовании, представим их по различным источникам.

Номинация представляет собой «называние как процесс, конкретное соотнесение слова с данным референтом» [Ахманова, 2020, с. 270], предикация же понимается лингвистами как ментальный акт, необходимый для образования мысли, коммуникации, который заключается в отнесении некоего «содержания, данного предмета мысли к действительности» [Ахманова, 2020, с. 346] и осуществляется в предложении как высказывании, демонстрируя особенности мышления, мировосприятия автора [ср. Лекант 1983, с. 8].

Средства номинации (слова, неоднословные обозначения, например, фразеологизмы, словосочетания) позволяют автору соотносить воссоздаваемые им картины, изображаемые объекты, типы, характеры с концептосферой, картиной мира, фрагментами объективной действительности, а также создавать с их помощью фантастические, виртуальные миры, нереальное [см.: Герасименко, 2013; Леденёва, 2019; Щемелинина 2015].

Средства предикации связаны с коммуникативной деятельностью, с передачей информации, так что В. Матезиус, сопоставляя номинацию и предикацию в их назначении, определял первую как акт селекции, а вторую – как акт комбинации [Матезиус, 1967, с. 228; ср.: Кочеткова 2004; Шаповалова, 2018, с.140–144].

Исследование номинации в связи с изучением идиолекта писателя в России можно назвать плодотворным направлением не только антропоцентрической лингвистики с её интересом к языковой личности автора (например: Ю.Д. Апресян [Апресян 1995], Н.Д. Арутюнова [Арутюнова 1997], К.А. Войлова [Войлова 2000], Е.И. Диброва [Диброва 2005; 2013], Ю.Н. Караулов [Караулов 1987], В.В. Леденёва [Леденёва 2013], А.А. Михеева [Михеева 2004; 2005] и др.). Он также отмечен в трудах различных смежных сфер: литературоведческой, лингвопоэтической и лингвостилистической, концептуально-культурологической (М.М. Бахтин [Бахтин 1986], А. Вежбицкая [Вежбицкая 2001], В.В. Виноградов [Виноградов 1963, 1977], Г.О. Винокур [Винокур 1991], А.Н. Кожин [Кожин 1981], Д.С. Лихачев [Лихачев 1981], В.А. Лукин [Лукин 2009], Н.А. Николина [Николина 2007], Ж.-К. Маркадэ [Маркадэ 2006], Ю.С. Степанов [Степанов 1981; 1997] и др.,

ср.: [Способы номинации в современном русском языке 1982]).

С древности исследование номинация является и философской проблемой, и языковой проблемой. В философском периоде такие античные мыслители, как Аристотель, Гераклит, Демокрит, Платон, Августин встали на материалистическую точку зрения в понимании механизма номинации, признав в ней сложное многообразие соотношений между словом, вещью и понятием.

Мыслители древнего китайского периода Чунь Цю и периода Чань Го также приводили аналогичные аргументы, находим мысли о номинации у Конфуция Моций и Гонг Санлонг. Самый ранний дискурс о «Мин» в Китае можно найти в трудах древних мыслителей и литераторов, и он относится к области исследований древней логики и философии. Конфуций выдвинул идею «правильное имя», это мнение о том, что при правильных формулировках и речь льётся плавно; точно и уверенно; быть безукоризненным номинально и по существу; резонно и справедливо. Мози назвал свою идею так: ‘имя и сущность’ (‘форма и содержание’) должны соответствовать одно другому. Гоуци выдвинул идею «настоящее имя», т.е название и сущность соответствуют друг другу. Приведенные выше положения в основном обсуждают взаимосвязь между языком и объективным миром и являются рациональным отражением референтных отношений между символами имени и вещами.

«Мин» имеет много определений в древнем китайском языке. Представим их далее:

1) Образование языковых единиц с номинативной функцией, т. е. служащих для именования и вычленения фрагментов действительности, именование; дать кому имя (起名字，命名).

2) Общий комплекс лингвистических проблем, связанных с именованием, словообразованием, полисемией, фразеологией в номинативном аспекте, т. е. название вещей или человека, номен, имя (事物或人的名称、名字).

3) Совокупность проблем при изучении актов именования, которые рассматриваются в теории референции; концепт названия, или концепт наименования. Таким образом, в китайском языке «Мин» трактуется как

‘собственно название и наименование’.

В Китае проблема номинации среди русистов в настоящее время изучается недостаточно глубоко и систематически, хотя существуют следующие работы, написаны китайскими специалистами об исследовании номинации: Чэнь Сяолан и Чжан Я опубликовали статью в журнале «Иностранные языки» (№ 4, 1991 г.) под называнием «Законы кодирования, комбинаторики и применения в номинативной информационной сети», в которой рассмотрены в основном закономерности кодирования, объединения и использования информационно-смысловой сети как структурного информационного ядра языка; исследуются лингвистические и внелингвистические факторы, сдерживающие распространение этих закономерностей.

Чэнь Си представил статью «Тип и смысловые характеристики номинации» в журнале «Русский язык в Китае» (№ 1, 2003 г.), где проанализированы и обобщены два основных типа лексической номинации, которые рассматриваются как важный фактор, связанный с особенностями значения слов, актуальны для выявления закономерностей употребления определенных слов. Этот ученый в своей теоретической монографии «Сравнительное исследование русской и китайской номинации» описывает сходства и различия лексикологических понятий русского и китайского языков, в основном, проявляющиеся в системе терминов, представляющих типы номинации.

Ли Цинь и Цянь Цинь в своей совместной статье «Изучение ономасиологии в семантике предложения» — журнал «Иностранные языки» (№ 4, 2005 г.) — и монографии «Русская синтаксическая семантика» используют метод номинального исследования «от значения к форме» для сравнения структуры и семантических типов китайских, английских и русских предложений (ономасиологический аспект).

Лю Гэ и Цуй Вэй опубликовали статью «О русских номинации и семантических деривациях» в «Исследованиях иностранных языков» (№ 1 1994 г.), в которой были подняты следующие вопросы: 1. Источник номинации. 2. Внешняя форма номинативной единицы и ее расширение 3. Внутренняя форма

номинации. 4. Семантическая категория номинации. 5. Эквивалентность номинативного поведения.

Мэн Линся в работе «Несколько вопросов, связанных с изучением “номинации”» в журнале «Русский язык в Китае» (№ 3, 2009 г.) провела анализ коннотации номинации, изучала механизм, иерархию и метод номинации, который обеспечивает теоретическую основу для объективного понимания сущности процесса.

В последующие годы исследования в этой области чаще встречаются в магистерских и докторских диссертациях, например: «Исследование номинаций в русской разговорной речи», «Исследование лексической номинации (на примере русского языка)»; «Номинация хлебных изделий в русском языке»; «Изучение русской терминологической ономасиологии» [ср.: Цзян Юань 2019а].

Нетрудно видеть, что в приведенном выше круге работ нет исследований средств номинации в рамках определённого идиолекта, оценки русского слова-номинанты как единицы индивидуально-авторского словаря в воспроизведении фрагмента языковой картины мира какого-то писателя, в частности, Н.С. Лескова. Это ориентирует наше исследование на заполнение такой лакуны.

Средства номинации и предикации играют важную роль в оформлении русского художественного текста. Они нередко рассматриваются исследователями в комплексе на материале какого-то литературного произведения или творчества какого-то автора (например: [Дмитриев 2012], [Кочеткова 1999], [Михеева 2008] и др.) Анализ языковых средств, помогающих писателю создать реалистическую картину жизни русского народа, сохраняя её своеобразие для многих поколений читателей, в том числе зарубежных, раскрывает не только своеобразие его идиолекта, но и идиостиля (ср.: [Алешина 2021, с. 10–14; Леденёва 1999, 2013, 2015] и др.).

2.2. Средства номинации и предикации в очерке «Леди Макбет Мценского уезда» Н.С. Лескова, представляющие прагматические установки автора

Не только проблематика, но и языковое воплощение Н.С. Лесковым очерка «Леди Макбет Мценского уезда» остаются предметом внимания современных исследователей, в том числе китайских [Fusko 2015; Цзян Юань 2019; Чэнь Цзе 2011]. Символику образа воды рассмотрели, изучив репрезентанты с семантикой ‘вода’, Ю.В. Вайрах и А.В. Казорина [Вайрах, Казорина 2020, с. 22-24]. И.М. Попова, Д.А. Кольцов проанализировали интертекстуальные компоненты – «чужое слово» в тексте этого трагического, психологического произведения, в жанровом отношении аттестованного писателем в качестве очерка, чем он как бы указал на реалистичность сюжета [Попова, Кольцов, 2012]. О.А. Блохина исследовала особенности функционирования фразеологизмов [Блохина, 2018], В.С. Усачева – ономастическое пространство произведения [Усачева, 2017] и т.д.

Поскольку единицами лексико-фразеологической системы языка отражаются при экспликации картины мира не только реалии действительности, но и «те черты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными для носителей культуры», детерминированные «концептуализацией мира, характерной для соответствующей культуры» [Шмелев 2002, с. 12], то мы считаем необходимым рассмотреть использование Н.С. Лесковым средств номинации и предикации, репрезентирующих сферу чувств, страстей.

2.2.1. О месте слов с семантикой ‘чувство’ в очерке о нравах купечества

«Леди Макбет Мценского уезда» – во многих отношениях прецедентное произведение. Представленные в его образной системе автором особенности проявления чувств и страстей, которые приводят к греху, преступлениям, обусловливают специфику концептуализации названия «Леди Макбет Мценского уезда» в качестве идиолектемы. Идиолектема охарактеризована как «единица языкового стандарта или окказиональная, вобравшая в конкретном употреблении

интенцию автора, получившая особое, отличное от узуального, стилистическое, семантическое и коннотативное содержание и таким образом репрезентирующая прагматикон языковой личности» [Леденёва 2022, с. 284].

Наименование очерка связывает образ главной героини Катерины Измайловой с прецедентным феноменом мировой культуры – *леди Макбет*, героиней сильной и трагической судьбы, созданной Вильямом Шекспиром [ср.: Михеева, Леденёва, 2004]. Итальянский исследователь A. Fusco подчёркивает значимость для сюжета не выражаемое в виде «морали», т.е. имплицитное, осуждение автором тёмных страстей в идейно-эстетическом содержании этого произведения: «The tale is a dramatic portrait of a dragging force, which moves in an intense atmosphere of heat and coldness flowing in the deepest darkness» («Эта история – драматичное изображение силы, открывающей самые глубины тёмной человеческой души») [Fusco 2015, с. 13]. Отмеченную прагматическую установку нельзя отрицать.

На основе методов наблюдения и нацеленной выборки с привлечением элементов компонентного анализа нами выявлены и проанализированы единицы с семантикой ‘чувство’, которые играют важную стилистическую роль в описании героев и совершаемых ими действий, передают их авторскую (в том числе, как указано ранее, имплицитную) оценку, служат средствами репрезентации значимых для идейно-художественного плана произведения концептов «Счастье», «Грех» и других, с ними связанных в связи с проблематикой очерка.

Установлено, что основными средствами номинации в тексте являются имена существительные, с помощью которых Н.С. Лесковым воссоздаётся атмосфера купеческого быта и нравов этой среды, обусловливающая цепь трагических событий в жизни Катерины Измайловой – от обретения короткого, неверного *счастья* до страшной гибели. Наиболее значимыми для развития характера стали лексемы с семантикой ‘чувства’: *сердце, чувство, любовь* и др.

2.2.2. Центральная тема любви, счастья, страстей и греха в представлении языковыми средствами с семантикой ‘чувства’

В русском языке полисемант *счастье* имеет четыре лексико-семантических варианта и используется как средство номинации и предикации, т. е. способно характеризовать, несёт ярко выраженный оценочный компонент в семантике каждого ЛСВ, преимущественно мелиоративные коннотации, тяготеет к разговорным характеризующим ресурсам в переносных значениях: «1. Состояние довольства, благополучия, радости от полноты жизни, от удовлетворения жизнью. || То же, как воплощение чувства любви. 2. Успех, удача (преимущ. случайная). 3. Участь, доля, судьба (простореч., обл.). 4. Им. п. счастье употр. как сказуемое главного предложения в знач. очень хорошо, крайне приятно (разг.)» [ТСУ URL].

Показательно изменение семантики данного слова в контексте произведения. В начале истории Катерины Измайловой слово *счастье* означает в тексте сильное чувство, вызванное любовью, которую, наконец, испытала купчиха, а затем начинает обозначать и материальные блага, которые стремятся получить с помощью убийств Катерина Львовна и её любовник (актуализируется сема ‘довольство, благополучие’ в первой семеме, развивается как отрицательнооценочный компонент сема ‘много’ > имплицитно ‘жадность’): «…Я в том только сумлеваюсь, что ***счастья*** уж того нам не будет» («Леди Макбет Мценского уезда» URL). Для достижения этого призрачного счастья и совершаются героями многочисленные преступления. В конце произведения счастье вновь никак не связано в восприятии героини с бытовыми удобствами и достижением удовольствий [Цзян Юань 2020а, с. 67-70]. Выходя на этап вместе с Сергеем, она счастлива: «С ним ей и каторжный путь цветёт ***счастием***» («Леди Макбет Мценского уезда» URL).

Концепт «Счастье», таким образом, раскрывается благодаря семантической эволюции номинирующей лексемы в тексте как многослойный: в представлении его Сергеем главным в содержании оказываются довольство, комфорт, наличие благ. Но любовь его переменчива, и это обусловливает трагическую кончину

Катерины, представленную Н.С. Лесковым в финале произведения.

Чувства героев автору помогает описать также лексема *сердце.* Сначала о Катерине Львовне и её отношении к мужу сказано, что «***сердце*** её к нему никогда особенно не лежало». Разговорный фразеологизм *сердце не лежит / не лежало* как средство предикации синонимичен фраземе *душа не лежит / не лежала* и указывает на состояние ‘нелюбви’ [ТСУ URL]. Он представляет лексико-семантическую группу (ЛСГ) средств репрезентации чувства, отношения.

Затем, при характеристике покоривших Катерину Измайлову чувств Сергея, автор в речевой партии персонажа передает накал страстей с помощью этой лексемы: «У меня, может, все ***сердце*** мое в запеченной крови затонуло!» («Леди Макбет Мценского уезда» URL). Показательно, что здесь рядом со словом *сердце* фигурирует лексема *кровь*, с помощью которой писатель предвещает, что любовников ждут преступления. Перед убийством мужа Катерина Львовна чувствует, как «учащенно стукает его ревнивое ***сердце»*** («Леди Макбет Мценского уезда» URL). Полисемант передает переносное значение, не номинируя *сердце* как орган кровообращения, а указывая на «средоточие переживаний, настроений человека» [ТСУ URL].

Когда Н.С. Лесков изображает, что героиня – уже осуждённая преступница – видит, как изменяет ей возлюбленный с Сонеткой, то он использует переносное значение с негативнооценочной коннотацией – *сердце* «символ средоточия какой-н. сильной страсти, преимущ. гнева» [ТСУ URL]: «только пуще у неё ***сердце*** кипит» («Леди Макбет Мценского уезда» URL). Можно сказать, что с помощью слова *сердце* изображается то чувство, которое принимают герои повести за любовь. Хотя слово *любовь* в тексте также используется, но обозначает не сильное и страстное чувство, а отношения между любовниками: «Или уж тебе и ***любовь*** моя прискучила?» («Леди Макбет Мценского уезда» URL); «…С нестоящею не надо и ***любви*** иметь» («Леди Макбет Мценского уезда» URL).

Анализ показал, что для изображения событий и характеров Н.С. Лескову были особенно важны такие средства номинации, как названия чувств.

Писателем, благодаря этим ресурсам, создаётся противопоставление любви / страсти (как имплицитное отражение сосуществования и борьбы светлого и злого начал) и всех остальных человеческих чувств – долга, чести, верности, доброты и т.п. Главная героиня, воспылав страстью к Сергею, перестаёт ощущать все остальные чувства – жалость, радость, интерес, удивление.

Это состояние бесчувственности показано автором с глубоким психологизмом и реалистично в сцене признания Катерины Измайловой в злодеяниях с помощью номинаций *гнев* («чувство сильного негодования, возмущения, раздражения» [ТСУ URL]), *изумление* («книжн. крайнее удивление» [ТСУ URL]), в семантике которых активен количественный компонент ‘много / сильный’, в отрицательных конструкциях: «Катерина Львовна посмотрела на него с немым изумлением, но без ***гнева***» («Леди Макбет Мценского уезда» URL). Узнав о признаниях любовника, свои признания она делает равнодушно и спокойно: «*Я убила*». Всё, кроме поработившей её страсти, не кажется героине важным или хоть что-то значащим.

Н. С. Лесков стилистически направленно и в соответствии с задачами объяснить читателю, что трагедия, несчастье приходят туда, где нет места созидательной любви, использует в тексте повести лексемы, обозначающие главные для картины мира русского человека понятия: *любовь, добро, свет*. В описании чувств Катерины Львовны они сопровождаются отрицанием, независимо от характера экспрессивно-оценочной коннотации – положительной или негативной: «Впрочем, для неё ***не существовало*** ни ***света***, *ни* ***тьмы***, *ни* ***худа***, *ни* ***добра***, *ни* ***скуки***, *ни* ***радостей***» («Леди Макбет Мценского уезда» URL) (см. *существовать* – «Иметься, быть в наличии» [ТСУ URL]).

Антонимы *добро – худо, радость – скука, свет – тьма* в зеркале показанных писателем мучительных переживаний героини актуализируют потенциальный семантический компонент ‘бесчувственность’ и передают отрицательную оценку в виде коннотации, основанной на ассоциациях с той гаммой чувств, которая связана с отображенными в тексте событиями.

Это происходит в контексте потому, что в своих значениях данные слова

связаны с тем, *что* воспринимается органами чувства человека (*свет* – «Лучистая энергия, воспринимаемая глазом и делающая окружающий мир доступным зрению, видимым. || Освещение, исходящее из какого-нибудь источника и воспринимаемое зрением»; *тьма* – «Отсутствие света, освещения, мрак» [ТСУ URL]) или является *реакцией* чувств на какой-то внешний раздражитель, в том числе из сферы духовной, из социальной жизни (*добро* – «Положительное начало в нравственности», *худо* – «То, что плохо, неприятно; зло»; *радость* – «1. Чувство удовольствия, внутреннего удовлетворения, веселое настроение. 2. Событие, предмет, возбуждающие такое чувство»; *скука* – «Томление, тягостное душевное состояние от безделья, отсутствия занятий или от отсутствия интереса к окружающему» [ТСУ URL]).

Таким образом, с помощью данных лексико-фразеологических ресурсов Н. С. Лесков показывает искажённую систему ценностей главных героев персонажной зоны, акцентирует внимание на том, что Катерина Измайлова совершает свои злодеяния не столько потому, что стремилась ко злу, сколько потому, что не понимала разницы между злом и добром (см. о концепте «Добро» в его сравнительной характеристике [Леденёва 2015, с. 84–101]; [Шмелев 2002, с. 93–95]).

Главная героиня повести может показаться ощущающей только сильные, горячие чувства, однако средства номинации и предикации помогают автору передать мысль о холоде ее души, для которой, согласно русской ментальности, любовь должна быть высокой ценностью, а она одержима скукой и плотскими страстями, что рождает грех. «Грех» – концепт сферы нравственной, содержание которого связано с ‘духовным падением’, обусловливающим различные проступки личности, в русском менталитете. В очерке «Леди Макбет Мценского уезда» грех связан прежде всего с отступлением от христианской морали и этики, законов человеческой совести и добра (совершены убийства, в том числе ребёнка). См.: *грех* – «1. У верующих — нарушение религиозно-нравственных предписаний (религ.). 2. перен. Предосудительный поступок, преступление. 3. в знач. сказуемого с инф. То же, что грешно (разг.)» [ТСУ URL].

Страсти являются движущими силами сюжета повести, именно под их влиянием, как кажется, совершают преступления Катерина Львовна и Сергей. Полисемант *страсть* в 1 и 2 ЛСВ характеризует сильные чувства разного рода: «1. Сильное чувство, увлечение, создаваемое побуждениями инстинкта. к чему, с инф. и без доп. Сильное влечение к чему-нибудь, постоянная склонность. 2. Сильная, безудержная любовь с крайним преобладанием чувственного, физического влечения. 3. преим. мн. Страдание, мучение (книж. ·старин.). 4. Страх, ужас, нечто страшное (прост.)» [ТСУ URL].

Анализ контекстов показал, что более сильные страсти писатель упомянул и показал в характере женщины, а слова предикатной лексики – глаголы, связанные с обозначением чувств, – используются чаще при описании Сергея и в его речевой партии: «Знаю я, вижу и очень даже ***чувствую*** и понимаю, что и вам не легче моего на свете» («Леди Макбет Мценского уезда» URL).

Приказчик у Н. С. Лескова нередко говорит о своих сильных чувствах, причём в качестве средства предикации автором используются и глаголы ЛСГ ‘чувства’, и имена существительные, называющие их, в том числе в сравнительных конструкциях, метафоры: «Я ***чувствую***, какова есть любовь и как она чёрной змеею сосёт моё сердце…» («Леди Макбет Мценского уезда» URL). См.: *чувствовать* – «Испытывать какое-н. чувство; воспринимать, замечать органами чувств, ощущать что-н. внешнее». Стилистически нейтральное слово развивает негативнооценочные коннотации, которые ощутимы благодаря контекстуальному окружению предикатной единицы. Это метафоры: на основе разговорного глагола ***сосёт*** *сердце* (*сосать* – «перен., кого-что. Медленно мучить, причинять ноющую душевную боль (о тоске и другом подобном чувстве; (разг.) [ТСУ URL]) и оборот, воспринимаемый как фольклорный образ, фразеологизм *чёрная* ***змея*** (перен. ‘нечто отравляющее ядом, убивающее’; ассоциативно – ‘безысходность’, ‘страх’, ‘ужас’).

Заключаем, что в произведении Н.С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» все средства номинации и предикатные единицы с семантикой ‘чувства’ подчинены авторской цели – описать особое событие, происшедшее в обычном

русском купеческом городе, дать возможность осмыслить его причины, мотивы преступных любовников, их чувства и страсти.

Проанализированные лексико-фразеологические единицы обнажают иллюзорность мимолетного счастья Катерины Измайловой. С помощью средств с семантикой ‘чувства’ автор создает атмосферу среды обитания героев персонажной зоны (зарисовки быта предстают реалистически воссозданными, достоверными), т. е. проникает в закрытую для посторонних внутреннюю жизнь представителей русского купечества.

Через слова, связанные с эмоциональными номинациями (*счастье, сердце, любовь* и др.), при предикате с отрицанием автор обозначает понятие ‘счастье’ как определяющее причину трагедии жизни Катерины Измайловой.

Такого рода лексика отражает чувство подчинённости персонажей (в основном Катерины Львовны) страсти и отсутствие созидательного чувства любви. В качестве предикатов используются различные языковые ресурсы: существительные (*скука*), глаголы лексико-семантической группы ‘чувство, психическое состояние’, в том числе метафоры (*душевная боль*) и т.д.

Средства номинации и предикации помогают Н. С. Лескову воссоздать с художественной точностью и детализацией в описании мотивированных страстями поступков образ женщины, чья система ценностей была «сдвинута», отклонена от свойственной русской ментальности доброты в её проявлениях укладом быта, архаическими традициями купеческой жизни. Для неё перестали иметь значение *сочувствие* («1. Отзывчивое отношение к чужому чувству, преим. горестному, сострадание») и *стыд* («1. Чувство смущения, раскаяния от сознания предосудительности поступка») [ТСУ URL]. Поэтому любовь сменилась грехом и ненавистью, поглотившими героиню, обманувшуюся в ожидании построенного на преступлениях счастья.

Проанализированные номинации с семантикой ‘чувства’ использованы Н.С. Лесковым для представления центральной темы и главного образа произведения «Леди Макбет Мценского уезда». Они транслируют свойственную русской национальной ментальности оценку.

2.2.3. Средства вербализации конфликтообразующего концепта «Скука» в очерке «Леди Макбет Мценского уезда» Н.С. Лескова

Для характеристики духовной атмосферы купеческой среды Н.С. Лесков использовал слово *скука*, которое становится в очерке «Леди Макбет Мценского уезда» именем концепта, содержание которого отражает представление автора о бездуховной сытой жизни, застое в нравственном развитии на пути к необходимому для жизни души добру, пейоративно по семантике, несёт негативную оценку.

Слово *скука* относится к единицам общенационального лексикона, стилистический потенциал его проявляется и демонстрирует девиации в зависимости от контекста. Это лексическое средство номинации относится к области чувств, эмоционально-психических состояний. В русской национальной языковой картине мира оно предназначено для вербализции понятия ‘подавленное настроение как состояние’.

Исследователь русской ментальности В.В. Колесов назвал «типично русским настроением» не хандру или сплин, а грусть [Колесов 2017, с. 6]. По мысли А.Д. Шмелева, однако, всё-таки со словом *тоска* – членом семантико-стилистического синонимического ряда с участием фразеологизмов, куда входит и *скука* (*своенравие*; *упадок духа, грустное настроение, смурь, элегия, унылость, сплин, климакс, мерехлюндия, меланхолия, депрессуха, уныние, мехлюдия, трабл, скука, ломка, ипохондрия, депрессия, нестояние, тоскливость, тоска, минорное настроение* [www.classes.ru], – связана репрезентация уникального русского понятия, которое ярко отражает «специфику русской ментальности» (одновременно тоска и удаль), которая связывается «с русскими просторами» [Шмелев 2002, с. 91] и отражает переживание человека по чему-то неясному и при этом недостижимому.

В.В. Колесов рассмотрел эмоциональный фрагмент концептосферы и заключил, что «пять концептов, связанных общностью переживания эмоции страдания, в русском сознании представлены словами грусть – тоска – печаль –

скорбь – скука», и все указанные концепты имеют общую цель – «поиск личной идентичности во времени: связь с настоящим у Грусти и Скуки, связь с прошлым – у Печали и Скорби, связь с будущим – у Тоски» [Колесов 2017: 6; 11].

Лексема *скука* является в узусе полисемантом и имеет два основных значения, отражаемых различными лексикографическими источниками сходно. См.: 1. «Состояние душевного томления, уныния, тоски от безделья или отсутствия интереса к окружающему» [МАС URL, СО URL, ТСУ URL]. 2. Метонимическое, разговорное, наиболее строго семантизированное, по нашей оценке, в [ТСУ URL] – «То, что наводит томление, тягостное состояние» [см. оттеночное в МАС URL]. В словарях, кроме того, отражается сформулированное с использованием антонимов при той же стилистической характеристике – «Отсутствие веселья, занимательности (*разг.*)» [СО URL].

Концепты эмоциональной сферы, области неясных чувств, к каким относится «Скука», принадлежат к отражающим свойство человека вообще, т. е. универсальным [Александров, Андреева 2010; Вежбицкая 2001; Колесов 2017; Морковкин 1970].

Хотя Ю.С. Степанов не выделил его в числе констант культуры [Степанов 1997: 673], в лингвистике в последние годы его выявляют и исследуют на базе различных языковых картин мира (ЯКМ) [например: Душенкова 2016]. Так, в китайском языке он имеет семантические пласты, соответствующие таким понятиям: 精神空虚 (jing shen kong xu) – ‘духовная пустота’; 无所事事(wu suo shi shi) – ‘безделье, состояние, когда нечего делать или человек не знает, что надо делать’; 孤单冷清 (gu dan leng qing) – ‘одиночество, одиноко’; 索然无味 (suo ran wu wei) – ‘слова и дела человека, не вызывающие/не проявляющие никакого интереса или не имеющие значения’; 清静寂静 (qing jing ji jing) – ‘тихий и спокойный, тишина’.

Мы не можем не отметить сходства представленного смыслового содержания с объёмом, выражаемым словом *скука* в русском языке, а последний из указанных компонентов в русском языке у слова *скука* считаем имплицитным, фоновым: где скука, скучно, нет кипучей жизни, царит тишина, замирает и

духовная деятельность. Более того, подчеркнём, что негативнооценочные коннотации присутствуют в структуре и первой семемы (ЛСВ-1) полисеманта *скука*, а наличие их обусловлено тем, что данный лексико-семантический вариант репрезентирует не только концепт зоны «Эмоционально-психические состояния человека», но и амбивалентный концепт «Деятельность / Бездействие», о чём свидетельствуют компоненты смысла ‘безделье’, ‘отсутствие интереса’.

Исследователи отмечают близость семантики ЛСВ-1 и ЛСВ-2, анализируя конкретные тексты, идиостили: «В определенных контекстуальных условиях скука1 и скука2 неразличимы и допускают двоякую интерпретацию (чувство и то, что его вызывает – объект / обстановка)» [Гехтляр, Маханова 2015: 284].

Лексические значения полисеманта *скука* (ЛСВ-1, ЛСВ-2) в русском языке устойчиво демонстрируют негативнооценочные коннотации, порождают ассоциации с чем-либо неприятным, давящим, безысходным, с оценкой «плохо», что, по нашим наблюдениям, поддерживается контекстуальными партнёрами.

Возможно, отмеченные коннотации, обусловлены уже внутренней формой слова *скука*, которая, судя по этимологическим словарям, связана с идеей ‘наводящего грусть звука’: «Скука. Общеслав. Производное от *съкукати*, преф. образования от *кукати* “горевать, плакать”, восходящего к звукоподражанию *ку* (ср. *курица, кукушка*)» [ЭСШ URL]. Звукосочетание [ску] вызывает пессимистические ассоциации. *Скука* и *тоска* объединены в славянских языках семантикой ‘сжатия, давления, тисков’ [ЭСФ 1987, Т. 3, с. 661], которую отметил Ю.С. Степанов, характеризуя концепт «Страх, Тоска» [Степанов 1997, с. 673–684].

Нам представляется, что *скука*, состояние *скучно* («безл., в знач. сказуемого *скучно*, кому-чему. О чувстве скуки, испытываемом кем-нибудь» [ТСУ URL]) движет дурными поступками, направленными на кого-либо иного/другого, что-либо иное/другое, а тоска – на саму личность, о чём свидетельствует текст изучаемого очерка Н.С. Лескова: «Катерина Львовна от нечего делать рано повечерила. – Да, мне ***скучно,*** – сорвалось у Катерины Львовны» («Леди Макбет Мценского уезда» URL).

Контексты употребления слова показывают, что ЛСВ-2 регулярно проявляет

себя с квалифицирующей стороны, чему способствуют контекстуальные партнёры – предикатные лексемы-прилагательные. Он реализуется Н.С. Лесковым и как оценочный предикат в бисубстантивном предложении, что важно для создания характеристики и оценки. «Бисубстантивные предложения (БП) имеют в грамматическом ядре два существительных (или их синтаксические эквиваленты), которые соединены с помощью связки» [Герасименко 2015, с. 15; ср.: Герасименко 2012].

В очерке «Леди Макбет Мценского уезда» слово *скука* выполняет различные функции и мотивирует взаимодействие героев, их поступки, предопределяющие трагическую развязку произведения, используется для подготовки к развитию конфликта – трагических событий, вызванных нарушением норм жизни, законов человечности, итогами греховной страсти.

С использованием слова *скука* и его однокоренных связано воплощение широко известной – как важная идиостилевая черта Н.С. Лескова –бытописательной функции: «При всём довольстве и добре житье Катерины Львовны в свекровом доме было самое ***скучное***. В гости она езжала мало, да и то если и поедет она с мужем по своему купечеству, так тоже не на радость» («Леди Макбет Мценского уезда» URL). Контекст поясняет, в чём причина нерадостного бытия, представляя его детали, поскольку писатель использует такие слова с семантикой ‘движения’, как *езжать, поехать,* предполагающие отрыв от исходной точки, от места постоянного пребывания (*в гости*). Контекстом семантизируется: ‘скука рождается без движения’ (*житьё … самое* ***скучное***), а его ‘мало, не хватает’.

Упоминание *скуки* как ключевого слова при изображении купеческого дома и его мироустройства в этом произведении встречается в очерке неоднократно: «Раз, что ***скука*** непомерная в запертом купеческом терему с высоким забором и спущенными цепными собаками не раз наводила на молодую купчиху тоску, доходящую до одури» («Леди Макбет Мценского уезда» URL). Контекст указывает на взаимосвязь эмоциональных состояний скуки и тоски, лишающей человека рассудка и доброй воли (*до одури*).

Ср.: «…а она одна слоняет слоны из комнаты в комнату. Везде чисто, везде тихо и пусто, лампады сияют перед образами, а нигде по дому ни звука живого, ни голоса человеческого. Походит, походит Катерина Львовна по пустым комнатам, начнет зевать со ***скуки*** и полезет по лесенке» («Леди Макбет Мценского уезда» URL). Фразеологическим оборотом *слонять слоны*, раскрывающим концептуально значимые для обрисовки характера героини и тяготящей её среды ‘отсутствие действия, безделье’, изображением гнетущей тишины («*по дому* ***ни звука*** *живого,* ***ни голоса*** *человеческого,* ***тихо***, ***пусто»***) писателем объяснена глубина вовлечённости героини в пучину скуки. *Скука* предстаёт как усыпляющая, омертвляющая дух злая сила («*зевать со* ***скуки»***). Н.С. Лесков показал, что у Катерины Львовны изначально «*характер был пылкий*, *и, живя девушкой в бедности, она привыкла к простоте и свободе»,* но не имела детей от бесплодного неласкового мужа, а на её скуку в семье *ни малейшего внимания* не обращали.

Не случайно история Катерины Львовны при неординарности её трагического конца представляется «реалистической сагой» из русской жизни XIX века. Ведь слово *скука* в контексте произведения имеет и обобщающе-характеризующую, оценочную функцию. Скука вызвана несвободой, ограничениями в духовном развитии в связи с традициями уклада порабощающего быта, признаётся признаком жизни целой социальной страты – русского купечества: «…опять та же ***скука русская***, ***скука купеческого дома***, от которой весело, говорят, даже удавиться» («Леди Макбет Мценского уезда» URL).

Следует подчеркнуть сюжетообразующую функцию слова *скука*, поскольку писатель выявляет её суть как инициатора (каузатора) дурных поступков, легших смертным грехом на душу Катерины Львовны, полюбившей от скуки, сытого безделья, не побоявшейся страха Божия не только ради преступной, с точки зрения христианской морали, страсти, но и вследствие угнетения скучной, томящей жизнью. Н.С. Лесков, таким образом, связал в идейно-эстетическом содержании очерка, согласно прагматическим установкам, концептуальное содержание ментальных единиц «Деятельность / Бездействие», «Страх Божий»,

«Грех» и «Скука».

Т.Е. Щенина проанализировала психологию женщины-преступницы в очерке Н.С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» и выявила, что героиня Катерина Львовна оказалась подвластной «захолустным нравам с их неизбывной мертвящей скукой, с их всевластием над человеком, без стойких нравственных принципов» [Щенина 2009, с. 7]. Прозаик, как видим, таким образом, отразил духовно-нравственные, этические установки, оценки, характеризуя уклад жизни, быт русского купечества на примере трагедии семьи Измайловых.

Наши наблюдения и выводы поддержаны выявленными В.В. Колесовым характеристиками: «Скука – типичные признаки: лютая, мрачная, серая, тупая. Глубинные: зверская, страшная, ужасная. Интенсивные: безвыходная, безнадежная, безысходная, беспросветная, дорожная, зелёная, мертвящая, невыносимая, немилосердная, непреодолимая, отчаянная, смертельная, смертная, убийственная. Длительные: вечная, хроническая» [Колесов 2017, с. 6].

Стилистический и семантический потенциал слова ***скука*** как единицы идиолекта Н.С. Лескова-прозаика в предикатном употреблении, в случае актуализации в содержании ЛСВ-1 и ЛСВ-2 прагматического компонента ‘стимул’, ‘причина’, сем ‘бездуховность’, ‘безнравственность’, детерминирует его использование как разговорного, передающего негативнооценочные коннотации характеризатора.

2.3. Номинативно-оценочный потенциал лексико-фразеологических средств, использованных для отражения трагической судьбы крестьянской женщины в повести Н.С. Лескова «Житие одной бабы»

Повесть «Житие одной бабы» является одним из произведений Н.С. Лескова, в которых в центре повествования оказывается женщина, а основу сюжета составляют события её жизни. Уже в названии повести «Житие одной бабы» проявилась сочувственная позиция автора к предмету изображения – страдальческой, страшной судьбе Насти Прокудиной, потому что слово *житие* стилистически высокое и означает при позитивной оценке «Повествование о

жизни человека, признаваемого верующими святым (лит. церк.) || То же, что биография (книжн. устар.)» [ТСУ URL], несёт в значении семы ‘вера’, ‘стойкость / верность’, ‘страдание’, ‘юдоль земная’, ‘сочувствие’, ‘упование на Бога’, ‘положительная оценка’.

Для современных исследователей несомненно, что «женщина – носитель идеи гуманизма, хранительница человечности и основа, помогающая не разрушиться жизни, какой бы сложной и невыносимой она ни была» [Крылова 2021, с. 79], а отношение к женщине – индикатор здоровья любого общества. В русских пословицах и поговорках выявляют отражение таких черт русской женщины, как «гармоничное сочетание мужских и женских качеств, решительность и проявление своей воли» [Бычкова, Стебунова 2019, с. 263].

Судьба женщины в прозе Н.С. Лескова обычно трагическая. Женские образы в произведениях Н.С. Лескова становятся предметом изучения филологов. А.П. Кашкарева, анализируя их в романе Н.С. Лескова «Некуда», отмечает, что «писатель стремился к постижению особенностей характера русской женщины, выявлению разнообразных форм бытования женского начала» [Кашкарева 2016, с. 146]. И. Мюллер де Морог, рассмотрев образ идеальной женщины в творчестве писателя (на примере героинь романа «Обойдённые»), указала, что Н.С. Лесков с помощью данных образов «содействовал высокой оценке традиционной роли женщин и достижению ими равноправия» [Мюллер де Морог 1998, с. 453]. Литература любого периода отражает особенности восприятия образа женщины, существовавшие в период создания каждого художественного произведения. Средства создания женских образов, описания женской судьбы выделяются и при литературоведческом, и при лингвистическом анализе художественного текста. Лингвистами отмечается, что используются «говорящие», концептуально значимые имена собственные [Карташова 2019], сравнительные конструкции [Крылова 2020], эпитеты, метафоры [Берзегова, Хачмафова 2019, с. 29] и т. п.

В данном параграфе анализируются те средств номинации и предикации, с помощью которых Н.С. Лесков изображает в повести «Житие одной бабы» трагическую судьбу русской женщины: замужество против воли, унижения и

избиения, невозможность принимать решения и т. п. Мы отметили в ходе анализа, что основная часть средств номинации и предикации направлена на описание чувств героини, испытываемых ею эмоций, характеристики её состояний. Данный подход позволяет автору показать, что для героини повести Насти страшна не столько тяжёлая доля русской женщины, сколько то, как она болезненно воспринимает свою судьбу, не может смириться с тяжёлой долей без любви и сердечного тепла.

С помощью языковых средств героиня показана женщиной, способной испытывать сильные чувства. Большинство представителей персонажной зоны противопоставлены ей как бесчувственные. Лексика с семантикой ‘чувства’ эффективно использована Н.С. Лесковым.

В ходе анализа мы отметили, что по мере развития сюжета, согласно прагматической установке автора на реалистическую характеристику, средства предикации начинают преобладать над номинативными ресурсами: автор начинает более глубоко описывать не чувства, а действия молодой женщины, что делает для читателя необходимым догадываться о её чувствах в изменившейся обстановке жизни и потому лучше их понимать.

Героиня рассказа – крепостная девушка Настя, которую выдают замуж против её воли за мужчину, вызывающего в ней только негативные чувства. В отличие от большинства крепостных крестьянок того времени, Настя не смиряется со своей участью и стремится к счастью. Она полюбила сердцем и устраивает побег вместе с возлюбленным. Когда побег не удаётся, то возвращённая домой Настя сходит с ума и, одинокая, но непреклонная в желании жить только с любовью в сердце, умирает в лесу.

Автору удаётся, обрисовывая обычные по сути чувства и происшествия (нежеланный брак, побег с возлюбленным), точно и тонко передать мысль о трагической судьбе русской женщины в XIX веке. Среди языковых инструментов создания образа женщины и описания её судьбы в языке повести можно выделить средства номинации и предикации.

По принятой Е.И. Дашевской в её исследовании характеристике, «предикат

обозначает существо ситуации, события (“положения дел”)» [Дашевская 2007, с. 8] и при этом «обладает свойствами, способными репрезентировать литературно-художественный замысел автора произведения» [Дашевская 2007, с. 8]. По мнению В.В. Леденёвой, использованные Н.С. Лесковым средства номинации и предикации ориентированы в первую очередь на «социум, сферу межличностных отношений» [Леденёва 2022, с. 7].

Важным художественно-стилистическим средством номинации является субстантиват – кличка главной героини – *Сухопарая*, которая подчёркивает несоответствие героини традиционным для того времени представлениям о женской красоте: «У нас все в моде, чтоб девка была, что называется, “размое-мое”, телеса чтоб были; ну, а у Насти этих телес не было, так ее и звали ***Настька-сухопарая***» («Житие одной бабы» 1958, с.5). Повествователь подчёркивает, что данная кличка использовалась для номинации Насти окружающими чаще, чем её имя: «Иной раз за этими кличками и крещеное ***имя*** совсем забудут» («Житие одной бабы» 1958, с.5). Это накладывало отпечаток некой неполноценности, что предопределяет страдальческий характер образа. С помощью данной номинации писатель показывает, что Настя внешне отличается от других женщин, в дальнейшем переходя от изображения внешних отличий к рассказу о внутренних качествах – духа и нрава, его проявления в поступках.

Для описания характера Насти, её отношения к окружающим Н.С. Лесков использует разнообразные средства предикации: «***Тихая*** была девка и на словах будто ***не речиста***; а как нужно увернуться, чтобы кого словом не охаять, так т*а*к умела она это сделать, что никому и невдомек, что она схитрила» («Житие одной бабы» 1958, с.10). Здесь использованы предикатные, положительно характеризующие слова: *тихая* (см. *тихий* – «3. Спокойный, смирный»); (*не*) *речистая* (см. *речистый* – «(разг.). Обладающий даром красноречия. || Болтливый, говорливый (фам.)» [ТСУ URL]), т. е. ‘не болтливая’, что является достоинством для женщины.

Автору удаётся с их помощью представить образ непростой, хитрой, т. е. способной находить обходные пути и решения в каких-то неприятных ситуациях,

но при этом доброй девушки, не держащей зла по отношению к другим людям.

Среди средств предикации, характеризующих образы женщин в повести и их трагическую долю, особо выделяются слова *терпеть,* однокоренное *терпеливая, чувствовать*. Автор их использует и даже сталкивает в пределах одного микроконтекста: «У нас много есть таких женщин по сёлам, что вырастает она в нужде да в загоне, так после ***терпит*** всё, словно каменная, и не разберёшь никак: не то она ***чувствует***, что ***терпит***, не то и ***не чувствует***. Настя тоже была ***терпеливая***, только эта всё горячо ***чувствовала***» («Житие одной бабы» 1958, с. 9). Способность *терпеть* («без доп. и что. Не противодействуя, не жалуясь, безропотно переносить, сносить что-нибудь бедственное, тяжелое, неприятное. 2. без доп. и что. Не противодействуя, переносить, сносить что-нибудь, мириться с чем-нибудь в ожидании перемены, каких-нибудь результатов. 3. что. Испытывать что-нибудь, подвергаться чему-нибудь (неприятному, тяжелому и т.п.). 4. кого-что. Мириться с кем-чем-нибудь, допускать наличие, существование кого-чего-нибудь, снисходительно переносить кого-что-нибудь. 5. с отриц., чего. Быть совместимым с чем-нибудь, допускать, делать возможным. 6. без доп. Не требовать поспешности, быть таким, что можно отложить, подождать» [ТСУ URL]) и *чувствовать* («1. что. Испытывать какое-нибудь чувство. волнение. 2. что и с союзом "что". Воспринимать, замечать органами чувств, ощущать что-нибудь внешнее. 4. кого-что. Уметь воспринимать кого-что-нибудь (преим. какое-нибудь произведение искусства)» [ТСУ URL]), отражённая этими контекстуальными глаголами-антонимами, по мнению автора, становится важнейшей причиной тех событий, которые происходят в жизни Насти.

Для наименования процесса заключения договора о свадьбе Насти и Григория Прокудина Н.С. Лесков использует предикат *продать,* семантика которого становится сложной в контексте, потому что предикатом реализуются оба узуальные значения полисеманта (*продать* – «1. Отдать за определённую плату. 2. Совершить предательство, поступить бесчестно по отношению к кому-чему-нибудь из корыстных побуждений» [ТСУ URL]), контаминированные по замыслу автора: «С радости все целовался пьяный брат, ***продавши*** родную

сестру за корысть, за прибытки» («Житие одной бабы» 1958, с. 18). Подчёркивается не только корысть брата Насти Костика, но и его нежелание хотя бы в какой-то мере учитывать мнение сестры, воспринимать её как личность, как человека.

Лексико-фразеологические средства номинации и предикации, к которым прибегает автор, помогают ему точно передавать сильные чувства, испытываемые женщинами, например, подлинное сочувствие невестки Алёны, узнавшей о том, за кого Костик решил выдать Настю: «Смерть ей ***жаль*** было Насти, а пособить она ей ничем не придумала; она и сама была такая же горькая» («Житие одной бабы» 1958, с. 19) – использована предикатная лексема ***жаль*** («1. в знач. сказуемого, кому-чему кого-что или с инф. Охватывает чувство жалости, сострадания по отношению к кому-чему-нибудь, по поводу чего-нибудь» [ТСУ URL]), которая указывает на сочувствие *горькой* (‘тяжёлой, безотрадной’) судьбине. С помощью данных средств Н.С. Лесков создаёт картину полного бесправия женщины и её бессилия что-либо изменить в своей жизни, как-то повлиять на свою судьбу.

Сама Настя не скрывает своих негативных эмоций по отношению к потенциальному супругу и напрямую говорит о них брату и невестке, причём для описания этих чувств важными средствами становятся лексико-фразеологические средства с яркими оценочными значениями: «***Противен*** он мне; смерть как ***противен***!» («Житие одной бабы» 1958, с. 18), «…Он мне все равно что вон наш ***кобель рябый***. Зреть я его не могу; как я с ним жить стану?» («Житие одной бабы» 1958, с. 19). Свой потенциал раскрывают в речи отчаявшейся героини негативнооценочная единица *противен* (*противный* – «3. Отвратительный, гадкий» [ТСУ URL]) и диалектизм – фразеологзим *кобель рябый* – «орл. Совершенно, абсолютно ничего» [БСРП URL]. Контрастируют с сильными тяжёлыми чувствами девушки безразличие её матери, которая, узнав, что Григорий «непитущий и смиренник» («Житие одной бабы» 1958, с. 19), сразу же соглашается на этот брак своей дочери.

Душевное состояние Насти накануне свадьбы Н.С. Лескову помогают передать средства языка, указывающие на особенности характера и на

трансформации внешности героини: «Всегда Настя была добрая и кроткая, а тут, в эти три недели, совсем точно ***ангел небесный*** стала. И ***жалкая*** она такая была, что смотреть на нее никак нельзя: ***словно тень*** ее ходит, а ее самой как нет, ***будто душечка ее отлетела***» («Житие одной бабы» 1958, с. 19). Мы отметили в данном изображении эволюции героини три сравнительные конструкции, которые выступают в качестве средств предикации и служат для выражения авторской позиции сочувственного отношения к состоянию девушки (*точно ангел небесный, словно тень, будто душечка отлетела*). Каждое из перечисленных средств несёт в своём значении семантические компоненты ‘хрупкий, бестелесный’, ‘неземной, потусторонний’, ‘страдание’.

Находим сравнения и в дальнейшем: «Настя ко всем как ***ясочка*** все ласкалась» («Житие одной бабы» 1958, с. 20); «Настя надела поданное ей колечко, а сама *бледная как смерть*» («Житие одной бабы» 1958, с. 21). Подчеркивается нежность натуры героини, предчувствие страданий (*ясочка* – «(разг. фам.). Употр. как ласковое обращение в знач. душенька, милый» [ТСУ URL]). Для интимизации используются разговорные единицы, как мы установили. Номинативы в сравнениях становятся средствами, с помощью которых автор передаёт сильные чувства и переживания героини, её боль от того нежеланного брака, в который ей предстоит вступить, реализуют оценочные смыслы, потенциал характеризатора в предикатном употреблении.

Глагольные предикаты в данный момент повествования также помогают автору изобразить душевные метания Насти, её смятение: «По ночам она всё не спала, всё ей что-то ***чудилось***. То, бывало, ***побежит*** к матери, то ***бросится*** в господскую детскую» («Житие одной бабы» 1958, с. 19). Перечисление хаотичных действий (*броситься* – «В порыве чувства устремляться, падать», *побежать* – «Начать бежать, отправиться куда-нибудь бегом», *чудиться* – «(разг.). Казаться, мерещиться» [ТСУ URL]) стилистически нацеленно показывает сильную тревогу героини и даже панику, охватившую её. Предикаты в форме сравнительной степени категории состояния подчёркивают усиливающиеся переживания девушки: «А Насте стало еще ***горче***, еще ***страшнее***» («Житие одной бабы» 1958,

с. 21) (*страшнее,* см. *страшно* – «безл., в знач. сказуемого страшно, кому-чему. О чувстве страха, боязни, испытываемом кем-чем-нибудь» [ТСУ URL]).

Описание автором равнодушия окружающих противостоит тонко изображаемым метаниям и переживаниям Насти, чему способствуют соответствующие номинативы и предикаты. К примеру, мать девушки накануне свадьбы рассуждает так: «Девка, – думала, – глупа; а там ***обойдётся***, и будут жить по-божьему» («Житие одной бабы» 1958, с. 21), где *обойдётся* – форма разговорно-просторечного «*обойтись* – 2. Привыкнуть к каким-нибудь действиям, движениям, работе (прост.); *обойдётся* – (разг. фам.) ладно, ничего» [ТСУ URL]). Барыня, застав девушку в горьких слезах, может только спросить: «Что ты ***дурачишься***?» («Житие одной бабы» 1958, с. 25) – предикатная лексема с негативной оценкой действия *дурачиться* представляет отрицательное отношение переживаемого Настей состояния тревоги и боли, отражает равнодушие вплоть до непонимания её души, безразличие к судьбе крепостной (*дурачиться* – «(разг.) Развлекаться, забавляться шутками, шалостями; вести себя несерьёзно» [ТСУ URL]). С помощью данных средств номинации и предикации Н.С. Лесков показывает неспособность окружающих понять чувства Насти. Единственная героиня, проникающаяся чувствами девушки и искренне ей сочувствующая, – маленькая барышня Маша, однако ответом на её чувства со стороны окружающих также становится равнодушие и даже избиение: «Поставила барыня девочку на пол; подняла ей подольчик рубашечки, да и ну ее ***валять ладонью***, – словно как и не свое дитя родное» («Житие одной бабы» 1958, с. 25). Этот эпизод показывает, что сам жизненный уклад того времени не допускает, что женщина (девочка, девушка) способна испытывать сильные чувства, которые необходимо принимать во внимание, причём это касается не только крепостных, но и женщин любого сословия.

Средствами предикации при описании состояния Насти во время свадьбы становится трансформированный фразеологический оборот, с помощью которого автором создаётся пронзительная характеристика: «Настя сидела обок мужа ***не живая, не мертвая***» («Житие одной бабы» 1958, с. 26) («Ни жив, ни мёртв (разг.)

— в состоянии оцепенения от испуга, волнения» [ТСУ URL]), а также глаголы с семантикой ‘оцепенения’, ‘онемения /молчания’, ‘смерти’: «С самого утра этого дня сна будто перестала мучиться и точно как ***умерла***. <…> она никому ни словечка не ***промолвила***. <…> стоит потупя глаза и не ***шелохнется»*** («Житие одной бабы» 1958, с. 27). Комплексно эти семантические составляющие отражает характеризующее имя существительное *истукан,* реализующее свой оценочный потенциал номинанты («устар. Статуя, идол» [ТСУ URL]) в переносно-образном предикатном употреблении: «…сидела безмолвным ***истуканом***» («Житие одной бабы» 1958, с. 27). Н.С. Лесков создаёт образ девушки, утратившей свои чувства, который контрастирует с созданным им выше образом Насти, в период перед свадьбой испытывавшей сильные эмоции, проявлявшей безуспешную активность.

Н.С. Лесков уделяет большое внимание тому моменту свадьбы, когда молодых отводят «в пуньку» для ритуальной первой близости, он показывает цинизм окружающих, для которых не важны чувства невесты и жениха. Наибольшее внимание он уделяет описанию Насти после этого действа: «Она нисколько ***не изменилась*** и смотрела тем же равнодушно убитым взглядом» («Житие одной бабы» 1958, с. 31). См. *измениться* – «Стать иным, перемениться» [ТСУ URL]. Использованные автором в акте предикации лексемы верно передают эмоциональное состояние героини, которая словно застыла.

Но Н.С. Лесков последовательно показывает этапы перерождения Насти. Изображая утро после свадьбы, от отмечает, что героиня снова начинает проявлять чувства, для номинации которых писатель использует соответствующие состоянию имена существительные: «Опять молодые поцеловались, и на Настином лице выразилось и ***страдание*** и нетерпеливая ***досада***» («Житие одной бабы» 1958, с.37). См. *досада* – «Чувство раздражения и неудовольствия вследствие неудачи, обиды или какой-нибудь неприятности»; *страдание* – «Мучение, боль физическая или душевная» [ТСУ URL].

Слова с семантикой ‘чувства’, как показал анализ, вообще играют важнейшую роль в структуре повествования, они частотны, поскольку для прозаика важно было показать способность сильно чувствовать, которая не только

отличает Настю от большинства окружающих, но и становится причиной её тяжёлой женской доли. Автор показывает, что страшно не то, что происходит в жизни женщины, а то, как она это переживает, поскольку горячее сердце становится одной из причин женского несчастья: «Беда и тому, кому бог даёт *прямую душу* да ***горячее сердце*** *нетерпеливое*: станут такого колотить сызмальства и доколотят до гробовой доски» («Житие одной бабы» 1958, с. 37). Здесь *горячее сердце* – ‘чуткая, чувствительная натура’.

Для описания состояния Насти после свадьбы Н.С. Лесков использует диалектизмы – номинатив *порча* («В поверьях — заболевание, причиненное колдовством (обл.)» [ТСУ URL]) и однокоренной предикатив *испорчена* (от *испортить* – «Причинить вред, расстроить, привести в болезненное состояние» [ТСУ URL]), с помощью которых окружающие начинают характеризовать женщину, не желающую исполнять свои супружеские обязанности, сторонящуюся мужа.

Писатель всё реже характеризует чувства героини с использованием средств номинации, углубляя трагическую сторону повествования, показывая с помощью глагольных средств предикации только действия Насти, например, то, как после избиения братом она сбежала к кузнецу: «…***Прибегла*** к хозяйке вся дроглая, перепросилась переночевать, да так и осталась» («Житие одной бабы» 1958, с. 45). См. *прибегла* – прост., диал. от прибежать’. Она постепенно смиряется с тем, что всю жизнь будет терпеть обиды, что также составляет часть женской судьбы.

Н.С. Лесковым в речевых партиях персонажей предлагаются заключения о тяжелой женской доле у крестьян: «***Обижать***-то бабу много кого найдется, а ***пожалеть*** некому» («Житие одной бабы» 1958, с. 49). Мысль автора доносит антонимическая пара *обижать – жалеть / пожалеть* (*обижать* – «Наносить обиду»; *пожалеть* – «Почувствовать жалость, сострадание к кому-л.; позаботиться о ком-л.» [ТСУ URL]).

В описании Насти и её доли важным средством становятся те предикаты, которые используются в её собственной речи для самохарактеризации: «***Погубили*** мою жизнь; ***продали*** мое тело, и душеньку мою ***продадут***. ***Выпхнули*** на позор, на

муку, да меня ж ***упрекают***, на меня ж ***плачутся***» («Житие одной бабы» 1958, с. 53). Данная реплика героини показывает, что она прекрасно понимает, в какую ситуацию попала (актуализированы смыслы ‘предательство’, ‘мука / страдание’, ‘позор’, ‘укоризна’, ‘душегубство’).

Рисуя этот образ, Н.С. Лесков показывает, что героиня умно и трезво оценивает произошедшую трагическую для неё перемену, правильно понимает все побуждения и действия окружающих. Использование в её репликах негативнооценочных наименований действий, которые свершились помимо её воли, указывает на это (например: *погубить* – сов. к *губить*: «кого-что. Разрушать, портить, уничтожать. || Приводить к гибели» [ТСУ URL]). Для самой героини, по замыслу писателя, становится несомненным, что в браке трансформация происходит в первую очередь в области её чувств, что она начинает испытывать «покой человека, которому ***нечего больше терять*** и который уже ничего не хочет пугаться» («Житие одной бабы» 1958, с. 54). Актуализирована связанная с реалистическим описанием состояний героини семантика ‘безразличия’, ‘духовной смерти’, ‘безысходности’, которую транслирует фразеологизм (*больше) нечего терять*.

Средства номинации в последующих фрагментах повествования количественно уступают средствам предикации, и о чувствах Насти Н.С. Лесков «поручает» догадываться читателю, что указывает на экспрессивный потенциал данных ресурсов идиолекта автора.

Глагольные лексико-фразеологические средства обозначают действия, которые героиня совершает, например, при описании истерики, когда семантика ‘чувства’ показана в связи с представлением болезненных душевных состояний: «Она ***хохотала, плакала, смеялась, рвала на себе волосы*** и, ***упав*** с лавки, ***каталась по полу***» («Житие одной бабы» 1958, с. 58). См.: фразеологизм *рвать волосы* (*волосы рвать на себе*) — «Сильно досадовать на себя, быть в отчаянии»; устойчивая коллокация *кататься по полу* – ‘вращаться от горя или боли на полу’, *плакать* – «Проливать слезы от боли или душевного потрясения»; *смеяться* – «Издавать смех»; упасть – ‘повалиться вниз с чего-либо’; хохотать – «Громко

смеяться.»

О попытках молодой женщины смирить свои чувства говорят многие использованные прозаиком средства предикации, имплицитно передающие коннотации ‘сочувствия’, ‘соболезнования’ автора: «Она уж и не пыталась ничего за себя говорить и жила – ***сохла*** без всякой жалобы» («Житие одной бабы» 1958, с. 60). См. *сохнуть* – «перен. Терять здоровье, худеть, чахнуть от болезни или от душевных потрясений, переживаний (разг.)» [ТСУ URL].

Для Н.С. Лескова важно было показать и способность души к возрождению. Встретив Степана, как продолжает повествование литератор, Настя выходит из прежнего эмоционального оцепенения. Наиболее актуальными для описания данных чувств становятся средства номинации и предикации с семантикой ‘любовь’: *любовь, любовный, полюбить*: «…Всем бы людям было счастье ***любовное***, если б люди тому не мешали» («Житие одной бабы» 1958, с. 90). Женщина начинает испытывать потребность в любви: «…Хоть узнать, уведать, что такая есть за ***любовь*** на свете!» («Житие одной бабы» 1958, с. 91).

Лесков приводит повествование к тому, что именно чувство любви (см. ЛСВ-2 лексемы *любовь* – «1. только ед. Чувство привязанности, основанное на общности интересов, идеалов, на готовности отдать свои силы общему делу. || Такое же чувство, основанное на взаимном расположении, симпатии, близости. || Такое же чувство, основанное на инстинкте. 2. только ед. Такое же чувство, основанное на половом влечении; отношения двух лиц, взаимно связанных этим чувством. 3. перен. Человек, внушающий это чувство (разг.). 4. только ед. Склонность, расположения или влечение к чему-нибудь» [ТСУ URL]) становится истинной причиной её отношения к Степану.

Встречаются и другие лексические средства, именующие чувства: «Всю ночь снился Насте красивый Степан, и *тоска* на нее неведомая нападала» («Житие одной бабы» 1958, с. 89). См. *тоска* – «Сильное душевное томление, душевная тревога в соединении с грустью и скукой» [ТСУ URL]. Единицы с семантикой ‘чувство’ использованы Н.С. Лесковым в исследуемых нами произведениях активно и рассмотрены также выше.

При описании перипетий влюблённых беглецов и их наказания Н.С. Лесков показывает, что чувства женщины продолжали оставаться сильными: «Она всё-таки видела Степана, и хоть не могла с ним говорить, не могла, даже и не рассчитывала ни на какое ***счастье***, но видеть, видеть его было для нее потребностью» («Житие одной бабы» 1958, с. 113). Лексема *счастье* («Состояние довольства, благополучия, радости от полноты жизни, от удовлетворения жизнью» [ТСУ URL]), указывающая на эмоциональный отклик и пребывание в возвышенном состоянии чувств, сигнализирует об этом.

Именно сфера эмоций, для выражения которой важнейшее значение имеют средства номинации и предикации, становится в повести Н.С. Лескова индикатором тяжёлой судьбы женщины, гораздо более значимым, чем сами маркеры этой судьбы: бесправие, замужество без любви, жизнь с немилым, побои и т. п.

Н.С. Лесков употребляет значимые средства номинации и предикации для описания жизни не только главной героини, но и других персонажей-женщин.

К примеру, для характеристики жены Костика, Алёны, используется комплекс лексико-фразеологических средств, с помощью которых писатель даёт информацию о её тяжёлых родах и плохом здоровье после них, выражая позицию с помощью потенциала негативнооценочных средств стилистически сниженной, просторечной, диалектной лексики, донося неприкрытую народную правду в речевых партиях персонажей (используется «взгляд со стороны»): «…***Изгадила*** бабу так, что никуда она не стала годиться» («Житие одной бабы» 1958, с. 7); «Неш она у тебя какая ***ледащая***, или не тебе с ней жить, а соседу? Глянь ты: баба ***сохнет***, ***кровью исходит***» («Житие одной бабы» 1958, с. 8).

В рассматриваемом контексте Н.С. Лесков активно использует различные ресурсы общенародного языка. Так, вульгаризм *изгадить* (ср. узуальное значение – «перен. Испортить, сделать гадким, уродливым (вульг.)» [ТСУ URL] семантизируется ‘искалечить’ с негативной оценкой называемого действия, а диалектизм, вошедший в просторечие, *ледащий* (или *лядащий*) указывает на очевидные последствия этого действия – причинения вреда, неоказание должной

помощи: «(прост. пренебр.). Слабосильный, исхудалый, тощий, тщедушный, невзрачный» [ТСУ URL], как и рассмотренный ранее разговорный глагол *сохнуть,* коллокация *исходить кровью* («Ослабевать, изнемогать от потери чего-нибудь») [ТСУ URL]. Внимание к проблеме народного здоровья характерно для творчества Лескова-публициста, и оно проявляется в прозе с теми же интенциями – помочь, пробудить сочувствие, изменит ситуацию [см. Головачева 2011, 2016, 2021]. Автор передаёт, таким образом, мысль о том, что часто крестьянки, лишённые нормальной медицинской помощи, страдали во время родов и после них, привлекая образной характеристикой внимание читателя-современника.

Нельзя не согласиться с А.А. Михеевой в том, что «состав и художественно-стилистические функции средств предикации позволяют установить психологическую доминанту произведения» [Михеева 2008, с. 6]. И психологической доминантой повести «Житие одной бабы» становится описание посредством лексико-фразеологических единиц, использованных для номинации и предикации, чувств главной героини, тех трансформаций, которые происходят в её эмоциональном состоянии в период несчастливого замужества.

Итак, весь сложный жизненный путь главной героини повести Н.С. Лескова «Житие одной бабы» изображается автором с помощью необходимых для решения художественно-эстетических задач реалистического изображения средств номинации и предикации. Среди них наиболее востребованным оказались единицы идиолекта с семантикой ‘чувство’ – в широком понимании значения, с учётом имплицитных сем (эмоциональные реакции, проявление чувства в поведении и т.д.). Благодаря рассмотренным средствам номинации и предикации, использованным в повести Н.С. Лесковым, крепостная девка Настя предстаёт практически единственной героиней, способной испытывать сильные, настоящие, искренние чувства, но трагический финал произведения свидетельствует о реалистической позиции автора: для крепостных в России XIX века жизнь в поле свободных чувств была невозможной.

О.С. Березиной на основе анализа женских образов в лесковским романе «На ножах» выявлено, что «с женщиной связана вера писателя в духовное

возрождение человечества, в торжество нравственных идеалов» [Березина 2016, с. 83]. Как видим, значимость создаваемых Н.С. Лесковым образов женщин и выражаемых автором с их помощью смыслов несомненна. Эта тема – признак лесковского идиостиля, его константа. В сваязи с обращением к ней концепт «Русская женщина», как это показал анализ, оказался представленным во всех избранных для изучения текстах. Он вербализован в образах произведений лексико-фразеологическими средствами, несущими преимущественно негативную оценку за счёт стилистической окраски в том числе, потому что писатель воплощал прагматическую установку защитить русских женщин от угнетения.

Выводы по 2 главе

1. В ходе исследования материала и изучения научной литературы мы пришли к заключению, что произведения раннего периода творчества Н.С. Лескова представляют собой не зарисовки бытовых картин, а глубокие образные полотна, отражающие русскую действительность и особенности национального характера, с его нравственными потенциями, духовной силой и высокой жертвенностью, что в особенности отличает запечатлённые писателем женские типы – *Катерина Измайлова, Настя Прокудина*.
2. Речь героев вызывает глубокий интерес в связи с трансляцией и сохранением в ней для истории русского литературного языка Н.С. Лесковым черт подлинно народно-разговорного характера, что прослеживается в употреблении средств характеризации – разговорных, просторечных, диалектных, вульгарных, стилистически сниженных и несущих негативнооценочные коннотации лексико-фразеологических единиц.
3. Н.С. Лесков продуктивно использует в исследуемых текстах слова и фразеологизмы с эксплицитной или актуализированной семантикой ‘чувство’. Все средства номинации и предикации с семантикой ‘чувство’ в очерке «Леди Макбет Мценского уезда» подчинены цели автора – изобразить особое происшествие, случившееся в обычном российском городке, раскрыть его

внутренние причины. В повести «Житие одной бабы» использование средств идиолекта с семантикой ‘чувство’ даёт возможность показать трагедию русской крепостной женщины: невозможность испытывать и проявлять настоящие чувства, важные для души эмоции является индикатором угнетения личности, возможной причиной гибели. Выбором лексико-фразеологических единиц в качестве предиката в речевой партии каждого значимого персонажа обеспечивается реалистическая достоверность в персонажной зоне произведений ранней прозы Н.С. Лескова.

4. Средства номинации и предикации подчинены задаче осуществить авторский замысел – изобразить героев, в восприятии которых светлые чувства подменены страстями или уничтожены, чем указывается на отсутствие созидательного чувства любви и счастья в жизни многих людей из народа. Концепты МЛК языковой личности автора «Счастье», «Несчастье», «Грех», «Скука», «Страх», «Тоска» представлены средствами вербализации (имена существительные, глаголы ЛСГ ‘чувства, психические состояния’, в том числе метафоры) в проекции на изображаемые женские типы России XIX века.
5. Принадлежащие феномену классической литературы XIX века произведения «Житие одной бабы», «Леди Макбет Мценского уезда», «Тупейный художник запечатлели фрагменты концептосферы автора как русской языковой личности с индивидуально-авторской оценочной картиной мира («Скука», «Грех, «Счастье», «Русская женщина», др.),
6. Стилистический потенциал слова *скука* изменяется в предикатном употреблении, в случае актуализации в его семантике прагматического компонента ‘стимул’, ‘причина’, сем ‘бездуховность’, ‘безнравственность’, негативнооценочных коннотаций в контекстных условиях при использовании его согласно авторским прагматическим установкам как разговорного.
7. Результаты исследования могут найти применение при дальнейшем изучении средств номинации и предикации в произведениях других авторов с точки зрения их роли в реализации авторского замысла, выполнении прагматических установок, проявляющих идиостиль.

Глава 3. Средства изображения Н.С. Лесковым русской жизни в прозе раннего периода творчества

В данной главе представлен анализ и классификация лексико-семантических групп (ЛСГ) бытовых номинаций, отражающих фрагменты языковой картины мира «Русский быт» в ранней лесковской прозе. Это названия помещений, в том числе жилых, транспорта, одежды и пищи, которые использованы Н.С. Лесковым в его ранних произведениях в роли языковых средств, помогающих писателю воссоздать реалистическую картину жизни русского народа, сохраняя её своеобразие для многих поколений читателей, в том числе зарубежных (КНР). Лексико-фразеологические средства описаны с учётом их номинативно-оценочного потенциала, раскрывающегося в текстах литератора в парадигматических и синтагматических отношениях единиц, учтённых при классификации.

3.1. О бытописании как особенности идиостиля Н.С. Лескова

Изучение языка требует понимания культуры страны, а знание культуры России не может быть отделено от понимания её истории. Она тесно связана с историей русской литературы, в произведениях которой отражены события, характеры, проблемы жизни прошлого, если говорить о классике XIX века.

Для того чтобы хорошо представлять русскую жизнь в XIX веке, обязательно надо читать произведения Н.С. Лескова, ведь он был тонким знатоком современного ему российского общества, внимательным наблюдателем традиций, обычаев, опытным и интересным бытописателем. Поставив Лескова рядом с Гоголем, Толстым, Тургеневым, Гончаровым, Горький нашёл в этом почётном ряду особое, только ему предназначенное место – «самобытнейший писатель русский, чуждый всяких влияний со стороны» [Горький 1953, с. 237]. «Удивительная судьба этого Стебницкого в нашей литературе, – приводил признание Достоевского, называвшего Лескова по его псевдониму 1860-х годов и требовавшего внимания к творчеству собрата по перу, сын писателя. – Ведь такое

явление, как Стебницкий, стоило бы разобрать критически, да и посерьёзнее» [Лесков А.Н., 1954, с. 78].

В лесковских публицистических статьях и художественных произведениях описывается жизнь и детали быта разных классов, социальных сословий – дворянство, чиновничество и т. д., а самой распространённой проблематикой является жизнь крепостных, самых простых людей из народа, как мы показали во 2 главе. Это связано со средой роста, социализации и, следовательно, жизненным опытом писателя, обусловившим таким отбором типов отличительную идиостилевую черту. Н.С. Лесков не описывал жизнь высшего общества, ему более интересна была простая актриса или цирюльник в крепостном театре как объект описания, их индивидуальность, манера поведения, особенности деятельности, которые определяются не только раскрытыми писателем характерами, но и показом внутренних качеств – психических, духовных.

Русская культура XIX–XX веков была тесно связана с крестьянским бытом. В российской экономике первой половины XIX века главенствовало сельское хозяйство, опиравшееся на нелёгкий крестьянский труд – труд крепостных. Бытовые условия сельской семьи показательно отражали уровень её благосостояния. Он не был высоким, жизнь простого человека оставалась долгие десятилетия трудной и зависимой, мир – обусловленным бытовыми и религиозными традициями [ср.: Мир Лескова 2021, с. 157, 163, 166].

В.Ю. Троицкий, подчеркнувший, что « “душу человечкину”, “Христа за пазушкой” и обнаруживает Лесков во многих своих героях» [Троицкий 2010, с. 38], заключает, что именно эта особенность проявляется в изображении внутреннего мира русского человека, в центре которого «вера, православное миросозерцание, то, что можно назвать внутренним укладом жизни…» » [Троицкий 2010, с. 38]. Но не менее важен для описания литератору мир, который окружает, – российская действительность, ход обыденной жизни, на фоне которого выпуклыми становятся изменяющие судьбу людей события.

Правдиво охарактеризовал это достоинство Жан-Клод Маркадэ: «Беря “необработанную жизнь” во всей её пестроте, то есть жизнь, насыщенную случайностями, неожиданностями, ничтожными событиями, и ин в коем случае не прилагая к ней теоретических истолкований и схем <…>, Лесков неутомимо ищет человеческую правду во всех классах и сословиях русского общества» [Маркадэ 2006, с. 9].

По его произведениям можно составить представление о социальной стратификации общества (духовенство, дворяне, однодворцы, купцы, мещане, крестьяне), местах обитания, деятельности (*монастырь*, *крепостной театр*), видах жилища, типах построек, их частей (*изба*, *пунька*; *чулан*), общественных заведений (*ресторан*, *трактир*), о каждодневном быте людей, их одежде, питании, хотя «не все компоненты материальной культуры описаны одинаково подробно и полно», а предпочтение писателя отдано «яркой, броской детали, характеризующей персонаж или обстановку» [Клишина 2011, с. 105].

Именно малые жанры, к которым мы обратились, оказались наиболее разработанными в идиостиле писателя, потому что они связаны с отражением деталей жизни различных слоёв русского общества и типов национального характера.

Художественная реалистическая литература, сформировавшееся в масштабах литературного языка и вобравшее в себя все необходимые для воплощения идейно-художественных замыслов авторов ресурсы общенародного языка средство её создания – язык художественной литературы, стиль, совмещающий в себе элементы описания, повествования, рассуждения-анализа для представления быта в произведениях о каком-то определённом этапе жизни, доносят эстетически интерпретированные в соответствии с прагматическими установками автора сведения о тех областях жизни, которые вызывали интерес, общественный резонанс, в том числе и касающиеся бытовой культуры русского села.

Это содержание может быть исследовано посредством анализа лингвистических средств представления в тексте его материальных компонентов:

пищи, жилища и одежды, конкретно – единиц номинации и предикации, транслирующих особенности авторского видения, детали характеристики, оценки изображаемого. В процессе изучения текста фрагменты картины мира можно восстановить с опорой на когнитивную базу лексики, передающей в произведении какой-то фрагмент её, дать лингвокультурное обобщение реалий исторической действительности – восстановить представление о давно ушедшей жизни русской деревни, что поможет усвоению знаний о феномене России современному реципиенту текста, в том числе иностранному, для которого необходим лексический комментарий, благодаря которому можно оценить различные грани произведений писателя. Но также ясно, что современному поколению российских читателей тоже уже трудно понимать реалии отображённой в произведениях Лесковым жизни и быта русского народа: не существует многих типов жилища, люди не одеваются в национальную одежду полутора- или двухвековой давности, не питаются только традиционной пищей.

Бытописатель – «писатель или художник, изображающий быт, повседневную жизнь» [ТСУ URL, СО]. Есть и другое толкование значения слова *бытописатель* – «это историк (устар.); ср. в более широкой лексикографической трактовке: «устар. Автор, описывающий чью-л. жизнь – народа, какой-л. социальной группы, отдельных лиц – в ее особенностях и своеобразии» [СО]. Однако В.В. Леденёва подчеркнула: «Продолжать причислять Н.С. Лескова в настоящее время к “натуралистам”, реалистам- “типичникам”, “художникам-записывателям”, как делала современная ему недоброжелательная критика, было бы застарелой ошибкой, несмотря на то что многие сюжеты взяты им из потока жизни, из каких-либо ситуаций, участником или наблюдателем которых он был или каковым представлялся, используя сказ, стилизацию» [Леденёва 2015, с. 7]. Принимаем эту точку зрения.

Подобной позиции придерживаются также литературоведы. Так, В. Богданов отмечал, что «существо и сила переживаемых страстей, питаемая глубинными конфликтами всей русской жизни и возносящая их над данной бытовой ситуацией» роднит лесковских героев «с нарицательными персонажами

мировой литературы» [Богданов 1983, с. 10]. Поэтому мы осуществляем исследование бытовых номинаций в ранней прозе писателя с позиций когнитивных и лингвокультурных: в последние несколько десятилетий интерес к исследованию творчества Н.С. Лескова в России значительно вырос, этот художник занимает умы и зарубежных исследователей русской литературы, языка художественной литературы. Но творчество Н. С. Лескова остаётся малознакомым в Китае из-за трудностей перевода слов безэквивалентной лексики, архаических номинаций, в том числе бытовых, потому что они требуют большей работы над переводом произведений этого автора и на другие языки [см.: Лабко 2015, 2020; Найденова, Лабко 2018 и др.]. Но лингвистическая ценность лесковских текстов во многом связана с тем богатством представлений о языковой картине мира русского народа (бытовой фрагмент), которая формирует один из пластов концепта «Руский быт» в синхронно-диахронном восприятии его объёма.

3.2. Наименования жилья в текстах Н.С. Лескова раннего периода творчества

3.2.1. Особенности использования номинативно-оценочного потенциала единиц лексико-семантической группы ‘жильё’

Наименования жилья используются в различных произведениях писателя регулярно. Безусловно, с когнитивной точки зрения, эта лексика представляет собой часть средств вербализации концепта «Мир», о котором Ю.С. Степанов писал с учётом понимания его как обжитого пространства, культурной среды, места для осуществления духовной, религиозной жизни, учитывая связь с фактором времени [Степанов 1997, с. 96–97, 108–109, 120–126]. В данное пространство включает свой смысловой объём, вписывается «Русский быт».

Лексика лексико-семантической группы (ЛСГ) «Жильё» в семантическом пространстве русского языка соотносится с артефактами, создаваемыми руками и умом человека, представляет материальные (предметные, вещественные)

продукты труда, определяет сооружения, постройки, называет сами жилые постройки, помещения, а также включает номинации их внутренних частей (комнаты, группы комнат, квартиры), домашних печей и очагов как устойчивых атрибутов дома [см.: Цзян Юань 2019в; ср.: Антошин 1947; РСС, т. 2, с. 69-78]. Например: «Исай Матвеич помолился перед образами и сел в ***красном угле***, а за ним села вся семья, и Костик сел» («Житие одной бабы» URL), где *красный угол* — почётный, заметный от входа, верхний угол жилого помещения, в котором традиционно располагают иконы; в момент застолья, торжеств в этой локации сажают за стол главу семьи, старейшин, важных гостей и т. д.

Лексико-фразеологические номинации (однословные и неоднословные), обозначающие жильё (в широком понимании), имеют в структуре значений эксплицитный или имплицитный ‘социальный’ компонент, т. е. указывают на классовое и имущественное расслоение в XIX веке, стратификацию.

О жилье дворянском писатель-реалист даёт представление, называя традиционный комплекс построек и окружающие их объекты территории словом *усадьба* («1. Отдельное поселение, дом на селе со всеми примыкающими к нему строениями, службами и угодьями (садом, огородом и т.п.), в старину преим. господский, помещичий. 2. Земля под усадьбой» [ТСУ URL]): «Это и была проклятая ***усадьба*** графа Каменского; тут же был и театр» («Тупейный художник» URL).

Наименования различных помещений в дворянском доме, помимо приведения общей номинации *здание* («Сооружение, архитектурная постройка» [ТСУ URL]), помогают прозаику реалистически достоверно представить хорошо и по-разному оборудованные различные внутренние покои большой площади: «... я помню еще огромное серое деревянное ***здание*** с фальшивыми окнами» («Тупейный художник» URL). См.: «... дернула с сердцем дочь и повела за ручонку за собою в ***спальню***» («Комната, в которой спят, спальная комната» [ТСУ URL]); «На ту пору барыня со свечкой и хлоп в ***детскую***»; «... вздохнула она, отёрла рукой слёзы и вошла потихоньку через девичью в ***детскую комнату***» («Комната для детей» [ТСУ URL]) («Житие одной бабы» URL).

О жилье купца Лесков как тонкий наблюдатель написал с использованием характеризующего предиката (*не*) *последний* – ‘хороший, отвечающий принятым стандартам’ (ср.: без отрицания *последний* – ЛСВ-6: «Низший в ряду других, самый незначительный из всех, плохой» [ТСУ URL]) при слове *дом*: «***Дом*** Измайловых в нашем городе был *не последний*...» («Леди Макбет Мценского уезда» URL).

У Лескова находим различные характеристики бытоустройства русского крестьянина. Это говорит о важности данной сферы и отражающих её номинаций в русской языковой картине мира: «Все они в ту пору были ещё *крепостными* и жили в ***господском дворе***» («Тупейный художник» URL). Подчёркнута несамостоятельность крепостных – проживание на *господском дворе* (*господский* – «Принадлежащий, свойственный господам, барский» [ТСУ URL]).

Писателем достоверно используется лексика, номинирующая традиционную среду обитания, в том числе безэквивалентная – атопон *пунька*: «В этом ***чуланчике*** они спали лето и зиму. У нас в Гостомле есть много народу, что от тесноты в ***избах*** целую зиму спят по ***чуланам*** да по ***пунькам*** либо по ***подклетям***. ***Чуланчики*** такие, вроде деревенских ***часовен***, погородят из хворостового плетня, либо просто на дворе, либо под ***сараем***, и это называют ***пуньками***» («Житие одной бабы» URL).

С помощью данных языковых средств (*амбар, изба, подклеть, пунька, сарай, сеновал, часовня, чулан* и др.) автор обозначает простоту, даже примитивность и узость среды обитания людей – русских крестьян. Роль таких единиц в тексте не исчерпывается номинативной функцией – их потенциал как оценочных очевиден, поскольку они служат показателями скудной жизни (‘отрицательная оценка’) и вызывают сочувствие к народу, в чём проступает интенция автора. Ср.: «Теснится народушко на просторной Руси, и трудно ему рассмотреть в ***волоковое окно*** свои нечисти» («Житие одной бабы» URL). *Волоковое окно* («(устар.) — задвижное окно в курной избе, через которое выходит дым» [ТСУ URL]) – показатель примитивности жилища (‘курная изба’,

‘дым’, ‘теснота’, ‘темно’, ‘нечистоты’, ‘негативная оценка’).

В целях реализации интенции Н.С. Лесков констатирует, что для проживания людей используются не предназначенные / не всегда предназначенные для этого помещения: *подклет* (обл.) и *подклеть* – «Нижний этаж крестьянской избы, деревянного дома, служащий для жилья или, реже, для хранения чего-нибудь»; *сарай* – «1. Крытое нежилое помещение для хранения различного имущества. 2. перен. О большой неуютной комнате (разг. неод.). || О некрасивом здании (разг. неод.)»; *чулан* (уменьш. *чуланчик*) – «Небольшое отгороженное помещение в жилом доме, обычно служащее кладовой (для вещей, съестных припасов и т.п.)» [ТСУ URL] и др. Отмечаем у разговорных слов коннотацию ‘неодобрения’, которая характеризует национальное отношение к номинируемым предметам и включена в толкование этих единиц.

В следующем контексте прозаик для контраста привёл в столкновение лексемы *кабинет* и *изба*. Это широко известные номинации, причём в данном контексте обогащённые имплицитными оценочными коннотациями: «…мужик не привык к ***кабинетам*** – все у него в одной ***избе***…» («Житие одной бабы» URL). Благодаря коннотациям Н.С. Лесков реализовал слово *кабинет,* которое в лексикографических источниках представлено полисемантом («Комната для занятий, работы; комплект мебели для такой комнаты; помещение, оборудованное для каких-н. специальных занятий. В нек-рых странах: состав министров, входящих в правительство» [ТСУ URL]), в его первичном значении, но с потенциалом сниженного в оценочном отношении средства номинации. Т.В. Маркелова пишет: «В процессе умственного акта оценивания говорящий (субъект и оператор оценки) выбирает один из её элементов, сообразуясь с двумя моментами – оценочным стереотипом, постоянно присутствующим в сознании говорящего как члена социальной общности, владеющей “вечными” и конкретно-историческими ценностями как “идеалом должного”, а также эмоциями, являющимися первичными организаторами “движения” признаков ценностного отношения по шкале оценок и источниками “добавочного”

эмоционального напряжения, аффекта, свойственного конечным элементам шкалы оценок» [Маркелова 2013, с. 16].

Слово *кабинет,* называющее специальное помещение в богатом доме, т. е. ‘ценное’, не простое, как можем судить, отличается здесь пейоративными коннотативными компонентами, мотивированными фоновыми знаниями (помещение ‘барское’, ‘ненужное в крестьянском доме’, ‘излишество’). Они передают иронию в сопоставлении *кабинет – изба*.

Изба это «деревянный крестьянский дом» [ТСУ URL]. Можно подчеркнуть, что в контексте рассматриваемое слово реализует узуальный этнографический, этнокультурный компонент и раскрывает положительнооценочный потенциал: оно обозначает исконно русское жилище, владелец которого имеет удовлетворительный образ жизни, поэтому коннотации актуализируют в словоупотреблении такие имплицитные компоненты, как ‘необходимость’, ‘тепло’, ‘семья’, ‘защищённость’, ‘родное’. «Система ценностных ориентаций основана на представлениях о ценности того или иного классификационного признака объекта…» [Маркелова 2013, с. 17].

Слова *кабинет, изба* в качестве средства номинации, что показывает наш анализ, в контексте имеют, таким образом, больший смысловой объём, чем в узусе, благодаря авторскому столкновению их имплицитных смыслов.

Анализ средств номинации из состава идиолекта Н.С. Лескова с их оценочным потенциалом, изменяющимся в соответствии с прагматическими, идейно-эстетическими задачами и интенциями автора, показал важность осмысления единиц с семантикой ‘жильё’ не только в соответствии с социальной, но и с общенациональной картиной мира. Это отражает аспекты материальной культуры и, как можно судить, указывает на национальную ориентированность представлений о жилье и его достоинствах / свойствах. (Исследователи установили, что концепт «Жилище» в английской картине мира в составе ядерных имеет актуальные компоненты ‘здание или конструкция, предназначенная для проживания’ [см. об этом: Растворова 2016:10]. То же можно сказать, полагаем, и о других языковых картинах мира). Наличие данных

семантических компонентов отмечают в содержании единиц анализируемой ЛСГ различные исследователи языка писателя [например: Михеева 2008].

Вслед за А. А. Михеевой, которая выделила при характеристике лексико-фразеологических средств в романе «Обойденные» ЛСГ «Жильё и его устройство» и классифицировала её состав, отметим в нашем материале присутствие тех же разрядов номинаций, которые оказались присущими идиолекту Н.С. Лескова:

а) названия предметов, находящиеся вблизи от дома и при доме (*ворота, двор* и др.), например: «… все его крестьяне жили тут же в его ***дворе*** на месячине, – земли своей не имели» («Тупейный художник» URL);

б) названия элементов конструкций здания (*дверь, карниз)*, например: «– Настя, отчини! – продолжал тот же голос под самою ***дверью*** пуньки»; «…отворила дрожащими руками ***двери*** пуньки» («Житие одной бабы» URL);

в) собственно названия помещений – от общих номинаций построек (*дом, здание, палаты),* например: «...одели опять в белый тулуп и повезли в ***дом*** свекра» («Житие одной бабы» URL) – до указания их разновидностей (*барак, флигель*), в том числе служебных (*конюшня*), например: «Костик спал в господской ***конюшне***» («Житие одной бабы» URL);

г) названия помещений внутри здания (*бельевая, галерейка, кабинет, комната, кухня*), например: «В этой ***комнате*** поместил Крылушкин привезённую к нему Настю» («Житие одной бабы» URL); «В это время она сама раздула самоварчик и тихонько запорхнула к Сергею на ***галерейку***» («Леди Макбет Мценского уезда» URL) и подчёркивающих их назначение, специфику предметов интерьера (*диван, самовар, табурет*), например: «Вода еще не остыла в ***самоваре,*** из которого Зиновий Борисыч распаривал отравленным чаем свою хозяйскую душеньку, и пятно вымылось без всякого следа» («Леди Макбет Мценского уезда» URL).

Такое «наложение» материала показывает совпадение ЛСГ и говорит о востребованности этих единиц идиолекта в текстах Н.С. Лескова разных жанров.

В. В. Леденёва выделяет в круге средств воссоздания русского колорита в

натурных зарисовках у Н.С. Лескова разговорные имена существительные, которые служат названиями жилых и хозяйственных помещений в сельской местности: *амбарушка, закут*, *куренка* и др. [см.: Леденёва 2000, с. 147]. Подтвердим фактическим материалом также и эту особенность идиолекта и идиостиля автора: «…со скуки и полезет по лесенке в свою супружескую опочивальню**,** устроенную на высоком небольшом ***мезонинчике***» («Леди Макбет Мценского уезда» URL) – *мезонинчик* – ‘уменьш. к *мезонин’* («Небольшая надстройка над срединой дома, неполный этаж» [ТСУ URL]).

Этнографическую точность писателя в отображении представлений о жилых и нежилых помещениях в России, предназначенных для людей различных сословий и вероисповедания, отметила О. С. Клишина, рассуждавшая о традиционном жилище как о части микромира крестьянина или однодворца и пришедшая к выводу, что по произведениям Лескова можно составить представление о разных постройках того времени [Клишина 2011, с. 109-110].

В. Е. Хализев подчёркивал эстетическую значимость описания автором окружающих человека в его жилище вещей: «Активно заинтересованное, любовно-восторженное, бескорыстное отношение к украсам бытового обихода как бы объединяет героев произведений с повествователем-автором и тем самым создает неповторимую лесковскую художественную атмосферу» [Хализев 1982, с. 116–117].

Наблюдения показали точность Н.С. Лескова в использовании номинаций жилья и их потенциала: «***Чулан*** тут у них в ***сенях*** был из дощечек отгорожен ...» («Житие одной бабы» URL). Н.С. Лесковым подчёркнуто, что *чулан* – это отгороженное помещение, располагающееся вне жилых комнат дома, а именно в сенях, следовательно, это помещение специально выделяемое, скорее всего, холодное, построенное их лёгкого, не очень прочного материала. На это указывает предикат *отгорожен* (от *отгородить* – «Отделить, поставив перегородку, забор, какое-нибудь препятствие»), упоминание материала – *из дощечек* (*дощечка* – уменьш. к *доска* – «Пласт, пластина, плита, плоский брус, тонкий, сравнительно с длиною и шириною»), локализация – *в сенях* (*сени* – «В

деревенских избах и в старину в городских домах – помещение между жилой частью дома и крыльцом» [ТСУ URL]) и т. п.

3.2.2. О составе номинаций жилья

В ходе анализа материала диссертации выявлены следующие наименования, составляющие фрагменты картины мира «Жильё» в произведениях Н.С. Лескова, которые представлены лексико-семантическими подгруппами описываемой ЛСГ, своего рода разрядами разрядами номинаций.

1) Наименования жилых построек:

– общие наименования: *помещение* «Здание, комната, строение для жилья, работы или вещей, товаров» [ТСУ URL]), *дом* («1. Жилое здание, строение» [ТСУ URL]); уменьш. *домик*. Например: «С улицы он казался очень маленьким, всего в три окна, а в самом деле в нём было много ***помещения***» («Житие одной бабы» URL); «… одели опять в белый тулуп и повезли в ***дом*** свекра» («Житие одной бабы» URL); «А в избе все шла попойка, и никто в целом ***доме*** в эти минуты не подумал о Насте» («Житие одной бабы» URL); «Тихо, мирно жилось в этом ***доме,*** никогда здесь не было ни ссоры, ни споров, ни перебранки» («Житие одной бабы» URL); «При всем довольстве и добре житье Катерины Львовны в свекровом ***доме*** было самое скучное» («Леди Макбет Мценского уезда» URL); «...а Катерина Львовна маялась **дома** по целым дням одна-одинёшенька» («Леди Макбет Мценского уезда» URL); «...блуждал старик в пестрой ситцевой рубашке по тихому ***дому...***» («Леди Макбет Мценского уезда» URL); «Постучали мы в ***дом*** и взошли в сени» («Леди Макбет Мценского уезда» URL); «Под всем ***домом*** были подведены потайные погреба, где люди живые на цепях, как медведи, сидели» («Тупейный художник»).

Семы ‘маленький размер’, ‘эмоционально-оценочная’ присущи значению разговорного однокоренного к *дом* слову *домик*, тоже использованному в качестве номинации основного жилища: «Отличный был ***домик*** в О-е у Силы Иваныча Крылушкина. ***Домик*** этот был деревянный, в два этажа» («Житие одной бабы» URL); «***Домик*** этот стоял в глухом переулке…»(«Житие одной бабы»URL).

Наиболее важными для характеристики *дома / домика* в данном ЛСВ контекстуальными партнёрами являются атрибутивные лексемы – имена прилагательные: *деревянный* («Сделанный из дерева» [ТСУ URL] – указывает на материал), *отличный* («Очень хороший, превосходный, выдающийся» [ТСУ URL] – утверждается высокая оценка); *свекров* (‘притяжательное к свёкр’ – указывает на хозяина), *тихий* («2. Окружённый, проникнутый молчанием, бесшумный; ант. шумный» [ТСУ URL] – указывает на атмосферу), *целый* («3. только полн. Большой, значительный (по количеству, величине, роли, важности, значению)» [ТСУ URL] – указывает на размер, охват);

– связанные с проживанием в сельской местности России: *изба* («Деревянный крестьянский дом в деревне» [ТСУ URL]); областное *мазанка*, отражающее способ и материал (глина) постройки («обл. Строение, изба из глины, сырцового кирпича или тонкого дерева, обмазанного глиной»). Например: «…все у него в одной ***избе***, – .... а тут на рюминском дворе всего две ***избы*** стояли, и в одной из них жило две семьи, а в другой три» («Житие одной бабы» URL); «А тогда уж с ребятками на зиму мать переходит в ***избу***» («Житие одной бабы» URL); «... и ***избы курной*** она не боялася. Даже ***изба*** ей была милее, чем бесприютная прихожая в господской мазанке» («Житие одной бабы» URL); «А продрогшие лошадки бежали частой трусцой и скоро добежали до ***избы*** с резным коньком и ставнями» («Житие одной бабы» URL); «В ***избе*** кузнеца было очень тепло и опрятно»; «Настя сидела, сложив на коленях руки, в ***избе*** Прокудиных» («Житие одной бабы» URL); «Не ходите, а то в ***избе*** спать стану» («Житие одной бабы» URL); «... а у дверей знакомой ***избы*** уперлась руками в притолки, вырвалась из рук и убежала» («Житие одной бабы» URL); «Авдотья ввела её в ***избу...***» («Житие одной бабы» URL); «В ***избе*** ещё был свет» («Житие одной бабы» URL); «А стала я уж опять себя чувствовать в незнакомом месте, в большой светлой ***избе***…» («Тупейный художник» URL); «Заметила эта женщина, что я в признак пришла, и обласкала меня и рассказала, что я нахожусь при своем же графском доме в ***телячьей избе***…» («Тупейный художник» URL); «Так три года прошло, и во всё это время мне была божия милость, что к театру меня не

возвращали, а всё я тут же в ***телячьей избе*** оставалась жить ...» («Тупейный художник» URL).

Считаем неоднословными целостными номинациями *людская изба* ('жильё для дворовых людей в усадьбе'), *курная изба* («Отопляемый без трубы» – [ТСУ URL]) и *телячья изба* (‘помещение для выращивания молодых животных на скотном дворе’), которые отражают особенности устройства жилья и использования помещений в русской бытовой картине мира XIX века, запечатлённой языковыми средствами с устойчивой сочетаемостью, которая подтверждается их повтором, воспроизведением в роли номинативных единиц. Например: «Так она стояла долго, пока поезд вышел не только из господского дома, но даже и из ***людской избы***, где все угощались у Костика и Петровны» («Житие одной бабы» URL).

Они являются этноспецифичными, относим к безэквивалентным единицам, требующим комментария для носителей других языковых картин мира. Значения неоднословных номинаций *курная изба, телячья изба* содержат имплицитный оценочный (потенциал отрицательной оценки) компонент, определяемый тем, что в *курной избе* было трудно жить из-за примитивного отопления, с одной стороны; с другой стороны – тем, что *телячья изба* по определению не предназначалась для проживания человека, но использовалась для этого — место для неугодных, как показывает текст рассказа «Тупейный художник».

2) Наименования частей жилых построек, отдельных помещений.

В значениях данных слов существенна дифференциальная сема ‘предназначение’ жилья: *апартаменты* («Парадное помещение из нескольких комнат; покои») [РСС], *вышка* (‘комната в верхней части строения’ [ТСД URL]), *детская* («Жилая комната для ребёнка, детей»), *жильё* (‘этаж’), *залец/зальце* («Маленький зал, маленькая зала») [ТСД URL], *кабинет* («Комната в квартире (а также в рабочем помещении) для занятий, работы») [РСС], *каморка,* уменьш. *каморочка* («разг. Маленькая комната, чулан» [ТСД URL]), *комната* («Отдельное помещение в квартире, доме, отгороженное стенами, перегородками»),

опочивальня («устар. То же, что спальня» [ТСД URL]), *погреб* («1. Яма с бревенчатыми стенами и крытым верхом, служащая для хранения припасов, обычно наполняемая льдом. 2. Специальное помещение для хранения вина (спец.). 5. Нижнее, ниже уровня земли жилье в доме, подвал (спец. устар.)» [ТСУ URL]), *прихожая* («Первая (нежилая) комната при входе в квартиру, где обычно снимают верхнее платье, то же, что ‘передняя’ [ТСУ URL]), *сени* («В деревенских избах и в старину в городских домах: помещение между жилой частью дома и крыльцом» [ТСУ URL]), *спальня* («Комната для спанья») [РСС, ТСУ URL], *чулан, чуланчик* (уменьш. к *чулан* – «Небольшое отгороженное помещение в жилом доме, обычно служащее кладовой (для вещей, съестных припасов и т. п.)» [ТСУ URL]) и др.

Например: а) «Наверху было всего четыре ***комнаты*** и кухня. Две из этих ***комнат*** занимал сам Крылушкин, в третьей жила его кухарка Пелагея Дмитревна» («Житие одной бабы» URL); «А скучно станет, вот с Митревной поболтай, ко мне приди, вот тут же через Митревнину ***комнату***» («Житие одной бабы» URL); «–Настасьюшка! – сказал, войдя в ***комнату***, Крылушкин» («Житие одной бабы» URL); «Старик посмотрел на Настю, встал, погладил ее по голове и пошел спать на свою железную кровать, а Настя пошла в свою ***комнату***» («Житие одной бабы» URL); «...и стал жить с нею в том ***чуланчике***, где мать с сестрою жили» («Житие одной бабы» URL); «– Молчать! – крикнул Костик и, оттолкнув сестру ногою в угол ***чулана,*** вышел вон» («Житие одной бабы» URL); «...опять с известными церемониями уложила Настю в ее холодной супружеской ***спальне***» («Житие одной бабы» URL); «Домна шарила руками по всем углам, звала Настю, искала ее в ***чулане…***» («Житие одной бабы» URL); «Домна лучины не бросила и вышла с нею в ***сени;*** влезла с нею на потолок, зашла в ***чулан***, заглянула в ***пуньку***...» («Житие одной бабы» URL);

б) «Походит, походит Катерина Львовна по пустым ***комнатам*** ...» («Леди Макбет Мценского уезда» URL); «Борис Тимофеич, и вернулся на ***вышку***» («Леди Макбет Мценского уезда» URL); «Сидела раз Катерина Львовна у себя на ***вышке*** под окошечком...» («Леди Макбет Мценского уезда» URL); «Катерина

Львовна от нечего делать рано повечерила, открыла у себя на ***вышке*** окошечко...» («Леди Макбет Мценского уезда» URL); «Много было в эти ночи в ***спальне*** Зиновия Борисыча ...» («Леди Макбет Мценского уезда» URL); «Когда они вернулись в ***спальню,*** тонкая румяная полоска зари прорезывалась на востоке...» («Леди Макбет Мценского уезда» URL); «– Ничего, – отвечал, поворачиваясь из ***передней*** в ***сени,*** приказчик» («Леди Макбет Мценского уезда» URL);

в) «... и видит Аркадий, что у дверей моей ***каморочки*** стоят шесть человек...» («Тупейный художник» URL); «Только с Аркадием Ильичом ничего этого не сделали, потому что он как вскочил в мою ***каморочку***...» («Тупейный художник» URL); «…а придучи к себе в ***каморку***...»; «У нас это так было, что в деревянной постройке мы, девицы, на втором ***жилье*** жили, а внизу была большая высокая ***комната*** ...» («Тупейный художник» URL); «Под всем домом были подведены потайные ***погреба***, где люди живые на цепях, как медведи, сидели» («Тупейный художник» URL).

Из приведённых выше примеров видно, что автор подробно описал и разделил жилую среду разных классов. У обыкновенных крестьян нет “дома”, “комнаты”, “спальни”, “детской” – такие лексемы или конкретные ЛСВ полисемантов характерны лишь для описании жилья героев, представляющих имущих, богатых людей. А у персонажей из простых людей, крестьян, наёмных работников у купцов для жилья предназначены *сарай, амбар, каморочка, сени*. Н.С. Лесков демонстрирует точное и глубокое знание жизни, которое проявляется в различном фактическом материале, позволяющем правдиво изобразить ту или иную картину.

3) Наименования хозяйственных построек, помещений, не предназначенных для постоянного обитания человека.

Н.С. Лесков представил в ранних прозаических произведениях быт широко, поэтому использовал названия помещений, соприкасающихся с жилыми в условиях аграрной страны: *конюшня* («Постройка, помещение, в котором содержатся лошади» [ТСУ URL]), *овин* («с.-х. Строение, приспособленное для огневой сушки хлебов в снопах перед молотьбой» [ТСУ URL]), *пунька* (уменьш.

к *пуня* – «Сарай для хранения сена, мякины или для других хозяйственных надобностей») [ТСУ URL], *сарай* («Крытое хозяйственное строение для различного имущества, обычно без потолочных перекрытий») [РСС], *сеновал* («Сарай или помещение над конюшней или хлевом для хранения сена» [ТСУ URL]). Например: «Костик спал в господской ***конюшне***...» («Житие одной бабы» URL); «В ***овине*** тоже было холодно» («Житие одной бабы» URL); «Сваха тоже выпила и, взяв штоф под мышку, вышла с фонарем вон и затворила за собою ***пуньку***» («Житие одной бабы» URL); «Пришла Варвара с дружками к ***пуньке,*** отперла замок...» («Житие одной бабы» URL); «Варвара отворила двери, и все вошли в ***пуньку***» («Житие одной бабы» URL); «Опять отворили двери, и все ввалились в тесную ***пуньку***» («Житие одной бабы» URL); «Люди в кухне поужинали и расходились по двору спать: кто под ***сараи,*** кто к ***амбарам***, кто на высокие душистые ***сеновалы***» («Леди Макбет Мценского уезда» URL).

4) Наименования пространств и сооружений иного типа при жилье.

Эти номинации указывают на единство территории обитания людей в конкретном месте (на купеческом или крестьянском дворе, в дворянской усадьбе – у графа) и зависимость разных её участков от хозяйственной деятельности. В семантике данных слов очевиден компонент ‘территория’ (локус), имплицитным является ‘жильё’: *двор* («Внутренний участок земли, расположенный между домовыми постройками одного владения» [ТСУ URL]); обл. *задворок* и *задворка* («Задняя часть двора» [ТСУ URL]); *плетень* («Изгородь из сплетённых прутьев, ветвей» [РСС]); *подворотня* («Доска для закладыванья пространства между створками ворот и землей»; соответствующее пространство под воротами [ТСУ URL]) и др. Например: «…Насте сгородили новую, просторную пуньку на ***задворке***, где корм складывали, потому что на ***дворе*** уж тесно было»; «Как раз за тою стеною ***задворка***, к которому была пригорожена Настина пунька, пролегала дорожка, отделявшая ***задворок***...»; «В ***избе*** уснули, а Степан пролез в ***подворотню***...» («Житие одной бабы» URL).

Номинативный потенциал единиц с семаникой ‘жильё, жилище’ обеспечивает достоверность описания в ней быта русского народа в XIX веке.

Однако слова рассматриваемой ЛСГ называют не только помещения, предназначавшиеся по традиции для проживания человека, но и сооружения, в разной степени приспособленные для этого или вовсе непригодные, обитание в которых – испытание физическое и нравственное, что обусловлено прежде всего суровым климатом России.

Именно с рассказом о том, как тяжело приходилось Насте жить, ютясь, в холодных, неприспособленных для нормального быта постройках, в погубивших её здоровье и рассудок нечеловеческих условиях, связаны трагические страницы повести «Житие одной бабы» и формирование у читателя образа страдалицы, чьё кроткое житие в тяжёлом труде и без согревающей душу любви представляет содержание этого произведения Н.С. Лескова. См.: «***Чуланчики*** *такие, вроде деревенских* ***часовен****, погородят из хворостового плетня, либо просто на дворе, либо под* ***сараем****, и это называют* ***пуньками****...*» («Житие одной бабы» URL); «*А в* ***чулане*** *холод, и слезы как падают, так смерзнут...*» («Житие одной бабы» URL). Контекстуальные партнёры *погородить* (см. обл. *городить* – «Ставить забор, ограду; огораживать»), *хворостовый* – ‘из хвороста’, где *хворост* – «Сухие, отпавшие тонкие сучья, ветви» [ТСУ URL], указывают на непрочность и недолговечность, незащищённость от погодных условий жилья героини, что поддерживает и прямая характеристика *холод*, и образ замерзающих на лице в момент горестного плача слёз. Это вызывает сочувствие у читателя, что предполагала прагматическая установка писателя.

Сцены трагической жизни «разжалованной» крепостной актрисы Любови Онисимовны также изображаются с использованием номинаций помещений и площадей, не предназначенных для нормального обитания человека – рядом со скотиной, при ней: «…при своем же графском доме в ***телячьей избе***... "Это вон там было", – поясняла Любовь Онисимовна, указывая рукою по направлению к самому отдаленному углу *полуразрушенных серых заграждений*. ***На скотном дворе*** она очутилась потому, что была под сомнением, не сделалась ли она вроде сумасшедшей?» («Тупейный художник» URL). Лексико-фразеологические средства как контекстуальные партнёры неоднословной номинации *телячья изба*

указывают на назначение построек, помещений (*скотный двор* – ‘для содержания скота’) и формируют негативнооценочный фон контекста (*загражде́ние* – «загороженье, загражденье окончат. загород м. загородка, заграда ж. об. действ. по знач. глаг. || Загород, загородка, заграда, загорода или загородь ж. всякое загороженное место» [ТСД URL]; *серый* – «Цвета, который получается из смешения чёрного с белым» [ТСУ URL] с имплицитной негативнооценочной коннотацией, так как серый цвет у деревянных построек указывает на их ветхость, возможно, запущенность).

Как мы установили, у слов рассмотренной ЛСГ, отражающих фрагмент русской языковой картины мира «Жильё» (см. *Таблицу 1*), актуализируется, развивается оценочный потенциал, пейоративные коннотации. Такие номинации позволяют Н.С. Лескову не только обрисовать реалистические картины быта, но и дать имплицитную оценку трагическому положению дел, указать на тяготы повседневной жизни русского человека, особенно при крепостном праве.

3.3. О фрагменте языковой картины мира «Продукты питания и внутреннего потребления» в отражении текстами ранних произведений Н.С. Лескова

Жизнь народа в её полноте, без прикрас, стала самым важным предметом изображения Н.С. Лескова. К острым, насущным проблемам простого народа, прежде всего крестьян, писатель стремился привлечь внимание читателей, способных сочувствовать и помогать, решать проблемы народного образования, культурно-нравственные и духовно-религиозные, медицины и гигиены, угнетения женщины и т. д. Он неоднократно писал о голоде в своей публицистике [Головачева 2016, с. 379-380] и таких произведениях, как «Юдоль» (в позднем периоде творчества) [Леденёва 2022, с. 196-199, 220] и др.

3.3.1. Наименования пищи в текстах Н.С. Лескова раннего периода творчества

Слова, называющие традиционную русскую пищу (включая напитки), относятся к средствам бытописания. Они позволяют представить культуру еды и питья в крестьянской или купеческой среде, если оттуда избраны автором герои

произведения, узнать, что было ежедневным блюдом, что готовили для праздников или особых событий: свадьбы, похорон или крестин, а также показать трагедии голодных: «Угощенье было богатое: ***пироги, щи со свежиной, похлёбка с потрохами, гуси жареные, солонина духовая с хреном, гусиные полотки,*** а после ***закуски*** разные: ***орехи, подсолнухи, столбики с инбирем*** и ***круглые пряничк,*** а детям ***коньки пряничные***» («Житие одной бабы» URL).

Общие наименования *еда*, *пища* («То, что едят и пьют с целью насыщения, что служит для питания» [ТСУ URL]) нами отмечены, как и семантико-стилистические синонимы *кушанье* («Яство, снедь, блюдо, ежа, еда; сев. выть, южн. зап. страва, потрава» [ТСД URL]), *угощение* («Пища, питье, которыми угощают» [ТСУ URL]). Они включены в картотеку исследования. Общее наименовние *питье* также выделено («Всего было довольно: ***питья,*** и ***еды,*** и гостей званых; не было только веселья да радости» («Житие одной бабы» URL) и др.), однако наименования *напиток* не отмечено, и это относим к свидетельствам бытописательной точности, любви Н.С. Лескова к деталям, подробностям – известной идиостилевой особенности. Например: «…и она повезла сама в поле ***пищу***… («Житие одной бабы» URL); «*У* нас есть поверье, что влюбленная женщина всегда пересолит ***кушанье***, которое готовит» («Житие одной бабы» URL); «***Угощенье*** было богатое…» («Житие одной бабы» URL). Также в произведениях «Житие одной бабы», «Леди Макбет Мценского уезда», «Тупейный художник» мы выделили около 40 глагольных предикатов, объединённых семантикой ‘пища’.

Н.С. Лесков использует слова, называющие время приёма пищи и в переносном метонимическом значении саму пищу, еду в этот период: *обед* («Приём пищи, обычно приуроченный к середине дня, в отличие от завтрака и ужина || То же, совместно с приглашенными или как способ общественного празднования, чествования кого-чего-нибудь. 2. Самая пища, приготовленная для этой еды» [ТСУ URL]), *полдник* («(обл.) Завтрак, еда в полдень» [ТСУ URL]), *ужин* («1. Приём пищи, приуроченный к вечеру, в отличие от завтрака и обеда. 2. Самая пища, приготовленная для этой еды» [ТСУ URL]). Например: «Прокудин

запросил их к себе на ***обед***…» («Житие одной бабы» URL); «Настя пошла домой, чтобы готовить завтра ***обед»*** («Житие одной бабы» URL); «Повезла Настя ***обед»*** («Житие одной бабы» URL); «***Обед*** у Прокудиных в этот день был прескверный» («Житие одной бабы» URL); «После ***обеда*** запрягли трое саней парами и стали собираться ехать к Настиным господам на поклон» («Житие одной бабы» URL); «Отошёл незатейливый ***ужин»*** Степан перед ***полдниками*** пришёл на Прокудинский загон попросить квасу»; «…а на другой вечер, перед самым ***ужином***, приехал к Прокудиным Костик» («Житие одной бабы» URL).

Слова, называющие виды пищи, относятся в «Русском семантическом словаре» [РСС] к фрагменту языковой картины мира «Продукты питания и внутреннего потребления». Само слово ***пища*** важно для отражения особенностей национальной ментальности, потому что в русском языке оно используется не только для того, чтобы назвать «то, что едят и пьют с целью насыщения, что служит для питания» [ТСУ URL], то есть поддерживает тело, биологическую жизнь, здоровье, силу, энергию (еда и питьё / напитки), но и то, что «питает душу и служит развитию человеческой личности» [Колесов 2014, с. 21], иными словами, метафорически осмысляется как нечто, укрепляющее дух.

В русском языке слова, называющие пищу – еду, образуют лексико-семантическую группу (ЛСГ). В текстах ранних произведений писателя «Житие одной бабы», «Леди Макбет Мценского уезда», «Тупейный художник», которые принесли Лескову большую известность, сделали его имя в литературе знаменитым, используются названия видов пищи и питья / напитков. В лингвистике их называют по отношению друг к другу согипонимами. Это лексика, связанная родовидовыми отношениями.

Рассмотрим данные лексико-фразеологические средства и определим их номинативно-стилистический потенциал.

Когда говорят о традиционной русской пище, то вспоминают поговорку: «Щи да каша – пища наша». Например: «Настя ***щи*** пересолила так, что их в рот нельзя было взять, а ***кашу*** засыпала такую густую, что она ушла из горшка в печке» («Житие одной бабы» URL).

Но Лесковым использованы не только эти номинации блюд русской кухни. Многие названия образованы с помощью метонимического переноса **продукт > блюдо из него; продукт > сосуд, ёмкость для него.**

Лесковым реалистично упоминается главное блюдо русского стола – *хлеб* («1. Пищевой продукт, выпекаемый из муки, растворенной в воде. 2. Такой продукт в виде изделия какой-н. определённой формы» [ТСУ URL]), который сопровождал (традиционно и сейчас) приём любой пищи и мог быть единственной едой бедных в течение дня): «…отвечал Прокудин, нарезывая большие ломти ***хлеба*** с ковриги, которую он держал между грудью и левою ладонью» («Житие одной бабы» URL); «– Ешь! – сказал Костик, подвинув к сестре ломоть ***хлеба***, на котором лежала писаная ложка» («Житие одной бабы» URL); «...проговорила кузнечиха, ставя на стол чугун с горячим картофелем, солонку и ***хлеб***» («Житие одной бабы» URL)

Хлеб мог иметь разную форму, в том числе быть в виде *ковриги*. Это областное, принятое в народе наименование ‘большого хлеба округлой формы’: «...на столе лежали ***ковриги***, закрытые белым закатником, и пахло свежеиспечённым ***хлебом***...» («Житие одной бабы» URL).

В переносном значении слово *хлеб* обозначает «содержание, иждивение» [ТСУ URL], что отражают фразеологзмы: «...говорит, что она *не даром мой* ***хлеб*** *ест*...» («Житие одной бабы» URL). ‘Ценностный’ компонент в семантике слова *хлеб* указыват на высокий потенциал единицы как средства, участвующего в создании картин бытописания и отражающего высокую оценку, почтительное отношение к этому продукту питания в культуре русского народа.

Отметим, что лесковские контексты указывают на то, что особое значение *хлеб* (*хлебец*) имеет в религиозных обрядах: «– Она мне *благословенного хлебца* от всенощной обещалась» («Леди Макбет Мценского уезда» URL). Данный контекст включает название церковной службы — *всенощная* («(церк.). Вечерняя церковная служба у православных христиан» [ТСУ URL]), поэтому становится понятным, что высокая значимость такого *хлеба* (*хлебца*) для православных связана с благословением, совершенным над ним в храме.

Словоупотребление *благословенного* ***хлебца*** отражает традиции населения России и имеет важность для культурологического анализа текстов автора.

Мучные и крупяные изделия действительно составляли важную часть рациона русского человека, что ясно из лесковских зарисовок быта. Писатель не раз упоминает *кашу,* уменьш. *кашица* («Кушанье из крупы, варёной в воде или молоке» [ТСУ URL]) как одно из сытных, плотных блюд, подававшихся и как гарнир в домах с достатком, купеческих: «Настя сидела за масленой ***кашей*** и жареным когутом и ни к чему не прикасалась» («Житие одной бабы» URL); «...повели молодых за брачный стол есть когута жареного и *пшённую* ***кашу*** *с коровьим маслом*» («Житие одной бабы» URL); «Поел Борис Тимофеич на ночь *грибков* с ***кашицей***...» («Леди Макбет Мценского уезда» URL).

Сладким мучным блюдом для угощения преимущественно детей служил *пряник* («Сладкое печенье на меду или патоке с какими-нибудь пряностями» [ТСУ URL]) – лакомство, выпекавшееся в разной форме, например, похожим на коня, что подчеркнул Н.С. Лесков: «…а детям ***коньки пряничные***» («Житие одной бабы» URL).

Используются в текстах названия продуктов питания растительного происхождения и видов еды из них, как правило, безыскусной, употребляемой простым народом: *грибочки, капуста, картофель / картошечка, огурец* и др. Это блюда простого приготовления – продукты требуется отварить или обжарить, а для долгого хранения – засолить (*грибы, капусту, огурцы*), что умели в каждом доме: «Ты б, Авдотья, нам ***картошечек*** сварила позавтракать» («Житие одной бабы» URL); «Поели ***картофель***, помолились богу и сказали спасибо хозяйке» («Житие одной бабы» URL); «Вот выпьем да ***капусткой*** закусим, тогда и дело будет» («Житие одной бабы» URL); «Исай Матвеевич с Костиком выпили по третьему пропускному стаканчику, – закусили остатком ***огурца*** и сели в стороне, чтобы не мешать бабам убирать со стола» («Житие одной бабы» URL); «...умер Борис Тимофеич, да и умер, поевши ***грибков***, как многие, поевши их, умирают» («Леди Макбет Мценского уезда» URL).

В этой группе наименований также *орехи, подсолнухи, инбирь*

(современное – *имбирь*), которые употреблялись как *закуски* («1. Различные кушанья, преимущественно для возбуждения аппетита перед основной едой (обедом или ужином). 2. То, чем заедают выпитое или съеденное» [ТСУ URL]), предназначались для подачи гостям, как лакомство. Например: «…а после ***закуски*** разные: ***орехи, подсолнухи,*** столбики с ***инбирем***…» («Житие одной бабы» URL); «...и водки и ***закусок*** с собой принесли, да Настя наотрез сказала, что не пустит их и чтоб этого в другой раз не было» («Житие одной бабы» URL); «...кошель с ***пирогами*** и старую накладную...» («Житие одной бабы» URL); «...прислонясь к косяку, шелушила ***подсолнечные зернышки***» («Леди Макбет Мценского уезда» URL).

Отнесём к закускам и угощениям *мёд* («Сладкое густое вещество, вырабатываемое пчёлами из цветочных соков» [ТСУ URL]) – он был доступным сладким блюдом: ««Потчевали Настю и ***капустой*** и ***мёдом***, но она ничего не хотела есть...» («Житие одной бабы» URL); («Житие одной бабы» URL); «...и винца из свекрового погреба попито, и сладких ***сластей*** поедено...» («Леди Макбет Мценского уезда» URL).

Продукты животного происхождения (*молоко, масло, яйцо, мясо птицы* и *животных, рыба*) и русские блюда из них в крестьянском обиходе были в основном праздничными, поэтому Лесков не часто указывал их наименования в рассматриваемых прозаических произведениях.

Так, *молоко* упоминается как средство для восстановления сил больного человека: «Он [целитель] ей не давал никакого лекарства, только ***молока*** велел пить как можно больше» («Житие одной бабы» URL); «***Сливки*** тут-то я на окне поставила…» («Леди Макбет Мценского уезда»URL). *Сливки* указывают на достаток в купеческом доме.

Коровье масло (из жирных сливок) с присущей стилю писателя точностью упоминается в качестве продукта, поддерживающего вкус особых блюд, подаваемых в торжественных случаях – на свадьбе, причём молодожёнам: «… повели молодых за брачный стол есть когута жареного и пшённую кашу с ***коровьим маслом***» («Житие одной бабы» URL).

Мясная пища – это, как правило, горячие блюда. Писатель называет среди них *похлёбку* («Жидкая пища, которую хлебают, суп (но не щи)» [ТСУ URL]), используя областное просторечное слово для названия этой непритязательной еды, а также традиционные русские *щи* («Жидкое кушанье, суп с рубленой капустой» [ТСУ URL]), которые могли быть и постными, т. е. без мяса, но в качестве праздничного блюда, в составе угощения варились с использованием *свежины* ('свежее мясо'), *солонины* («Засоленная впрок говядина» [ТСУ URL]), *свинины* («Свиное мясо как пища» [ТСУ URL]), *потрохов* («Употребляемая в пищу часть внутренностей животных (птицы и рыбы, редко других животных)» [ТСУ URL]) и т. д. Например: «…крикнул Прокудин на семейных и начал хлебать из чашки ***щи*** с жирною ***свининою*** ...» («Житие одной бабы» URL).

Куры и гуси подавались жареными тоже не в момент обыденной трапезы крестьянина, что писатель отметил: «Угощенье было богатое: пироги, ***щи*** со ***свежиной***, ***похлебка с потрохами***, ***гуси жареные***, ***солонина*** духовая с хреном, ***гусиные полотки*** …» («Житие одной бабы» URL).

В этих зарисовках сохранены традиции приёма гостей, их потчевания. Так, ***полоток*** («(спец.) Половина засушенной, солёной или копчёной птицы, рыбы» [ТСУ URL]) был в обыденных условиях принадлежностью господского, а не крестьянского стола.

Особого внимания заслуживают упоминания Н.С. Лесковым пищи, которая отвечает обрядовой стороне русской жизни. Так, писатель представляет еду на Масленицу – праздник проводов зимы, после которого начинается православный Великий пост. Обычай сохранился и в настоящее время. На Масленицу всю неделю пекли блины, веселились, посещали гостей, ели жирную, масленую, молочную пищу, яйца, рыбу, икру. А мясные блюда были уже под запретом. Н.С. Лесков это достоверно отразил, указывая такое блюдо, как *молочная лапша* ('суп на молоке с заправкой лапшой', а *лапша* – «тесто из пшеничной муки, тонко раскатанное, изрезанное полосками и высушенное» [ТСУ URL]). Например: «На масленице, наигравшись и накатавшись, народ сел ужинать, и у Прокудиных вся семья уселась за стол. Только что стали есть

молочную лапшу, дверь отворилась, и вошел Гришка» («Житие одной бабы» URL).

Подробно описана Н.С. Лесковым еда на свадьбе, о чём уже говорилось выше. Нужно подчеркнуть особую точность, связанную с использованием слова ***когут*** (областное и украинское название *петуха*), подчёркивающего, что молодожёнам подавали жареное мясо именно петуха, что символизировало плодородие [Капише URL]: «Настя сидела за масленой кашей и жареным ***когутом*** и ни к чему не прикасалась» («Житие одной бабы» URL).

К данной ЛСГ можно отнести наименования отходов, в том числе иногда применяемых в пищу, о чём свидетельствуют контексты Н.С. Лескова: *жмых* («(с.-х.). Остатки семян масличных растений после выжимания из них масла, избоина. Льняные и подсолнечные жмыхи обычно идут на корм скоту» [ТСУ URL]), *подсолнечная лузга* («(спец.). Шелуха семян — отход маслобойной промышленности» [ТСУ URL]; в быту – ‘шелуха, остатки семечек подсолнуха после их употребления’): «...обсыпать через калитку прохожего молодца ***подсолнечною лузгою***...» («Леди Макбет Мценского уезда» URL).

Контекстуальные партнёры слова *жмых* указывают на его пищевую ценность в определённых условиях («*по нужде к муке подмешивают»*), значимость в хозяйстве («*денег дали … и* ***жмыхи»****, «бил масло…* ***из-за жмыха*** – ‘цель работы’), что проявляет предикат *дорог* – ‘нужный, важный’, ‘ценный’, имплицитно ‘трудности жизни, бедность’ : «Он бил масло из чужой конопли из-за платы да из-за ***жмыха***…»(«Житие одной бабы» URL); «...***жмых*** *дорог* в хозяйстве: им и лошадей кормят и свиней, да и люди его, по нужде, к муке подмешивают» («Житие одной бабы» URL); «Отвезли Настю к солдату, и денег дали, и муки, и ***жмыхи***, и масла» («Житие одной бабы» URL).

Контекстуальными партнёрами номинаций пищи выступают глагольные предикаты, называющие процесс приёма, поглощения, т.е. употребления продуктов питания. Самыми частотными, по нашим наблюдениям, закономерно оказываются глаголы *есть / поесть* (см.: ЛСВ-1 «Принимать пищу, употреблять в пищу», причём глагол *поесть* имеет оттеночный ЛСВ-2 «Съесть немного»

[ТСУ URL]): «Нет, брат, силушки моей нет. Не хочу я ***есть***» («Житие одной бабы» URL); «***Поел*** Борис Тимофеич на ночь грибков с кашицей, и началась у него изжога» («Леди Макбет Мценского уезда» URL). Отмечено и единичное употребление синонимичного *кушать* с актуализированной мелиоративной семантикой ‘вежливое приглашение’, ‘забота’: – ***Кушай***, невестушка! – сказал Прокудин, а Костик опять скрипнул зубами, и Настя через великую силу стала ужинать. («Житие одной бабы» URL).

Все глагольные предикаты можно подразделить с учётом характера выражения семы ‘употребление’. Так, прямое обозначение процесса еды, с эксплицитной семой ‘употребление’: *есть, поесть, поедать; вечерять* («обл. Ужинать» [ТСУ URL]) / *повечерять*; *ужинать* («Есть ужин, принимать пищу, есть что-нибудь в качестве ужина» [ТСУ URL]) / *поужинать; хлебать* («1. Есть (жидкое), черпая ложкой. 2. Пить большими глотками» [ТСУ URL])*; закусить* («Поесть немного, наскоро, недосыта или вообще поесть. 2. Заесть чем что-нибудь выпитое или съеденное» [ТСУ URL]); *жевать* («1. Размельчать, растирать зубами и движениями языка. 2. Есть, кушать (прост. фам.)» [ТСУ URL]), *укусить* («Откусить, ухватить зубами (прост.)» [ТСУ URL]). Глагол *заморить* указывает на отсутствие пищи, голодание («Постепенно извести голодом, плохим обращением, лишениями (разг.)» [ТСУ URL]) Например: «Что ты малого-то ***заморила***? – спросила Настя, гладя по голове мальчика, который ***жевал*** данную ему Настей пышку» («Житие одной бабы» URL); «Мальчик ничего не отвечал и, дернув носом, опять ***укусил*** конец пышки» («Житие одной бабы» URL).

Имплицитное указание на приём пищи связано с изображаемой автором ситуацией: *собирать завтрак; угощать / угостить; потчевать* («Угощать, предлагать кому-нибудь съесть или выпить» [ТСУ URL]); *давать / дать*; *готовить* (обед); *шелушить* (подсолнечные зернышки); *заказать* (обед); с оценкой качества еды: «Настя щи ***пересолила*** так, что их ***в рот нельзя было взять***, а кашу засыпала такую густую, что она ушла из горшка в печке» («Житие одной бабы» URL).

Потенциал лексико-фразеологических единиц рассмотренных ЛСВ очевиден: они тонко раскрывают у Н.С. Лескова систему русских народных представлений о важности и достоинствах разного рода пищи, причём не только обыденной и праздничной еды, но и такой, которую используют в голодное, нестабильное время (*жмых* употребляют при *нужде* – «Недостаток в необходимом, бедность, нищета» [ТСУ URL]). Контекстуальные партнёры этих средств идиолекта Н.С. Лескова – средства предикации – отражают традиции приёма пищи, пития, гостеприимства, угощения; среди них мы отмечаем областные (диалектные), просторечные.

3.3.2. Наименования напитков во фрагменте языковой картины мира «Продукты питания и внутреннего потребления» у Н.С. Лескова

В рассматриваемых текстах выявлены также лексико-фразеологические средства, называющие напитки и составляющие соответствующую ЛСГ.

1) С одной стороны, представляются *напитки алкогольные, хмельные*, приём которых связан с традицией застолья, народного гулянья, в чем состоит их номинативно-оценочный потенциал (положительнооценочные в этой функции, имплицитная сема ‘праздник, гулянье’, потенциально – ‘отдых’): *брага* («Род домашнего пива» [ТСУ URL]), *водка* / уменьш. разг. *водочка* («Алкогольный напиток, разбавленный водою винный спирт; хлебное вино» [ТСУ URL]), *настойка* («Водка, настоенная на ягодах, плодах, травах» [ТСУ URL]); *пиво* («Слабый алкогольный пенящийся напиток, приготовляемый обычно из ячменного солода» [ТСУ URL]), *сыченый мёд* («Лёгкий спиртной напиток, приготовляемый из пчелиного мёда» [ТСУ URL], подслащённый мёдом напиток; «Сыченые меда, составленные, передвоенные на меду» [ТСД URL]). Например: «Григорий выпил стаканов шесть ***браги*** <…> потому что ***брага*** была хмельная, разымчивая» («Житие одной бабы» URL); «А мужики охотно портят вкусную хлебную ***брагу*** винной подмесью, потому что с подмесью она крепче, “сногсшибательнее”» («Житие одной бабы» URL); «Не пей – это ***водка***» («Тупейный художник» URL); «При этом, разумеется, было и выпито вдоволь и

водки, и ***пива***, и домашней ***браги***, и ***меду сыченого***» («Житие одной бабы» URL); «…заставив молодого выпить стакан ***водки***, повела его к Насте» («Житие одной бабы» URL); «он торговал и овсом, и ***водкой...***» («Житие одной бабы» URL); «В пуньке она опять налила ***водки*** и поднесла Насте» («Житие одной бабы» URL); «... а барыня сняла со шкафа бутыль с зоревой настойкой и нацедила два графинчика ***водки***» («Житие одной бабы» URL); «Между тем стали потчевать ***водкою*** поезжан, и начались приговорки: “горько”» («Житие одной бабы» URL); «– На этом пароме, сказывают, кто-то ***водку*** держит....» («Леди Макбет Мценского уезда» URL); «…сидели, ***водочку*** вместе попивали» («Житие одной бабы» URL); «– А ***водочки*** нет? – спросил кузнец» («Житие одной бабы» URL); «Как же ***водочки***-то ты не припасла?» («Житие одной бабы» URL); «– Ну а ***водочки*** и я б уж выпила: мочи нет холодно, – прозвенела Сонетка» («Леди Макбет Мценского уезда» URL); «...а барыня сняла со шкафа бутыль *с* зоревой ***настойкой*** и нацедила два графинчика ***водки***» («Житие одной бабы» URL).

2) С другой стороны, Н.С. Лесков использует для описания традиций еды и питья русского народа наименования безалкогольных напитков: *вода* («Прозрачная, бесцветная жидкость, которая в чистом виде представляет собою химическое соединение кислорода и водорода» [ТСУ URL]; 'основное питьё человека'); *квас* / уменьш.-ласкат. разг. *квасок* («Русский напиток, приготовляемый из солода, воды и различных сортов хлеба || шипучий напиток из ягод или фруктов» [ТСУ URL]); *чай* / уменьш.-ласкат. разг. *чаёк* («Деревцо Thea bohea et viridis, чайное дерево или подсушенные листья его и самый настой этих листьев, напиток» [ТСД URL]), *(кислые) щи* («Напиток, род шипучего кваса» [ТСУ URL]). Номинативно-оценочный потенциал этих единиц идиолекта связан не только с положительнооценочными коннотациями, реализацией потенциальной семантики ‘жажда’, но и ‘традиция’, потому что герои, по замыслу писателя, добивающегося правдивости изображения согласно прагматической установке реалиста, употребляют национальные напитки, которые обязаны уметь приготовить в каждом русском доме (*квас, щи (кислые щи), самовар / самоварчик* в метонимическом разговорном ЛСВ).

Например: «***Вода*** еще не остыла в самоваре, из которого Зиновий Борисыч распаривал отравленным ***чаем*** свою хозяйскую душеньку, и пятно вымылось без всякого следа» («Леди Макбет Мценского уезда» URL); «Да ты небось ***квасу***-то не горазда делать» («Житие одной бабы» URL); «Да, а то уж Москву увидишь с вашего ***квасу***, – заметил Степан» («Житие одной бабы» URL); «Степан перед полдниками пришёл на Прокудинский загон попросить ***квасу***» («Житие одной бабы» URL); «– Настасья, где ***квас***?» («Житие одной бабы» URL); «– Где ***квас*** дел? – спросила Настя» («Житие одной бабы» URL); «– Отбей завтра, Настя, свежего ***кваску***-то, – говорила Домна» («Житие одной бабы» URL);«…в семь часов напился ***чайку*** и, положив в карман свои письма, ушёл из дома» («Житие одной бабы» URL); «...два кувшина тащит со ***щами*** да с ***квасом***, на другой руке у неё ребёнок сидит, а другое дитя бежит издали, отстало и плачет» («Житие одной бабы» URL).

Итак, из текстов ранней прозы Н.С. Лескова можно узнать о многих видах пищи, которую использовали русские люди непривилегированных сословий. Больше всего слов, называющих пищу, включая напитки, использовано в повести «Житие одной бабы». Тексты писателя позволяют убедиться в том, что он стилистически оправданно, с установкой на точность и реалистическую достоверность употреблял их наименования, создавая канву жизни своих героев, сообщая о семейном укладе, еде в обиходе, рассказывая о традициях угощения по торжественным поводам. Среди этих номинаций есть некоторые разговорные, просторечные (*водочка, квасок, чаёк, самоварчик*), указывающие на то, что писатель стремился создать речевые партии персонажей с помощью подлинно народного слова. Фрагмент языковой картины мира «Продукты питания и внутреннего потребления» в текстах Н.С. Лескова расцвечен такими номинациями, они указывают на особенности авторского словаря и стиля.

Однако в текстах литератора есть широко известные, принадлежащие узусу языковые единицы ЛСГ слов с семантикой ‘пища и напитки’, которые реализуют свой номинативно-оценочный потенциал в соответствии со стилистической задачей изображения картин жизни разных сословий. Слово *чай* характеризуется

высокой культурной маркированностью и информативностью в русской лингвокультуре. Уже с XVII века в России появилась любовь к этому напитку, пришедшему в мир из Китая (заимствование из китайского языка, имеющее в его диалектах общепризнанный вид Cha 茶; см.: [Гун Лэй 2018, с. 511]), и его любили пить не только дворяне. Чай и чаепитие связаны с различными аспектами образа жизни и культуры, включая искусство, литературу, где сцены чаепития представляются многими авторами. «Чай и чаепитие представляет явление национальной этнокультуры многих народов, суть которого из века в век всегда остается неизменной», репрезентирующие этот фрагмент национальной культуры единицы языка «обладают богатой семантикой и служат ключом к пониманию многих характерных особенностей русской языковой картины мира» [Морозова 2021, с. 233; ср. Yee L. K. 2023; Несина 2014; Лю Ш., Арсентьева 2012], что особенно интересно в сравнительном плане [Витковская, Дань Н. 2015; Ни Ц., Иосифова 2022].

Мы выделяем слово *чай* среди частотных в текстах ранних произведений Н.С. Лескова, где слово оно участвует в воссоздании бытовой картины «чай пить» в различных планах. Например: «...Машу мать оставила в наказание без ***чая*** и послала спать часом раньше обыкновенного, и в постельке высекла» («Житие одной бабы» URL).

Судя по приведённым контекстам, фрагмент традиционной русской бытовой культуры «чай пить» выступает как показатель уклада жизни и её ритма в текстах выдающегося реалист: «Встанут свекор с мужем ранёхонько, напьются в шесть часов утра ***чаю,*** да и по своим делам» («Леди Макбет Мценского уезда» URL); С присущей его идиостилю точностью Н.С. Лесков указывает на время, место, другие обстоятельства, когда было принято членами русской семьи пить *чай,* по каким причинам пьют *чай*: утолить жажду, получить удовольствие, принять гостей [Ни Ц., Иосифова 2022, с. 88]. Чай герои писателя пьют и в момент сбора семьи, и для проведения времени в одиночестве: «... пора идти в сад ***чай*** пить, а встать никак не может <...> поправила измятую перину и пошла в сад ***чай*** пить» («Леди Макбет Мценского уезда» URL); «…и уселась на ковре под

цветущею яблонью ***чай*** пить» («Леди Макбет Мценского уезда» URL).

Важным атрибутом чаепития является в русской культуре *самовар* (уменьш. разг. *самоварчик*) – «1. Металлический прибор для кипячения воды с топкой внутри, наполняемой угольями» [ТСУ URL] – это металлический сосуд для кипячения воды с краном и внутренней топкой – высокой трубкой, наполняемой древесными углями: «***Самовар,*** – говорит, – под яблонью глохнет» («Леди Макбет Мценского уезда» URL); «***Самовар*** небось поставить?» («Леди Макбет Мценского уезда» URL).

В произведениях Н.С. Лескова слово *самовар* и его уменьшительно-ласкательное разговорное однокоренное *самоварчик* обычно используются для предварения ситуации «пить чай». Например: «Не в службу, а в дружбу, раздуй, молодка, ***самоварчик.*** Польюсь я чайку» («Житие одной бабы» URL); «Настя схватила с лежанки чистенький ***самоварчик***, нащепала косарем лучинок, зажгла их и, набросав в ***самовар***, вынесла его на лестницу» («Житие одной бабы» URL); «***Самовар*** ставила, – отвечает она спокойно» («Леди Макбет Мценского уезда» URL); «Катерина Львовна опять выбежала ***самовар*** взять и опять заскочила к Сергею....» («Леди Макбет Мценского уезда» URL).

Метонимический ЛСВ слова *самовар* («2. перен., только ед. Чаепитие» [ТСУ URL]) тоже способствует реалистическому, детализированному отображению фрагмента русской культуры «чай пить» в текстах писателя:

«– Ну, а как же теперь быть? – спрашивал Катерину Львовну Сергей Филипыч, сидя с нею ночью за ***самоваром***» («Леди Макбет Мценского уезда» URL).

С употреблением слов, отражающих ситуацию чаепития, связано движение сюжета вследствие выбора персонажами решительных действий, трансляция авторской интенции, демонстрация точного понимания прозаиком среды обитания его героев. *Чай, самовар* и изображение ситуации «чай пить» указывают на достаток, в большинстве случаев несут имплицитный положительнооценочный заряд, проявляют в характерах героев тяготение к обычаю, традициям жизни русского народа, в чем видится их потенциал. Все эти

слова позволяют представить культуру чая в крестьянской или купеческой среде, если оттуда избраны автором герои произведения, узнать, что было ежедневным напитком, что готовили в обычной жизни XIX века.

Как мы установили, среди контекстуальных партнёров наименований различных напитков частотным является многозначный глагол *выпить, попить, пить* («1.Принимать, проглатывать какое-н; употреблять в качестве напитка. 2. Принимать, проглатывать вино, спиртной напиток.3. Постоянно употреблять спиртное, пьянствовать» [БТС URL]). Например: «Он ей не давал никакого лекарства, только молока велел ***пить*** как можно больше» («Житие одной бабы» URL); «Настя и ***пила*** молоко от крылушкинской коровы, как воду, сплошь все дни, и среды, и пятницы» («Житие одной бабы» URL); «Всю эту ночь у Прокудиных ***пили*** да гуляли, и поснули, где кто ткнулся, где кому попало» («Житие одной бабы» URL).

Прямое обозначение процесса питья осуществляется в исследованных текстах с помощью глагольных предикатов с эксплицитной семой ‘употребление’: *вылопать* (прост., обл. – «сожрать, истрескать: охлестать, выпить, выдуть» [ТСД URL]) *попивать* («1. что. Пить понемногу, изредка. 2.без доп. Пьянствовать понемногу, запивать» [ТСУ URL]); *пригубить* («1. что. Прикоснуться губами к краю чего-нибудь (какого-нибудь сосуда), пробуя что-нибудь (преим. вино). 2. чего и без доп. Отпить немного, отведать» [ТСУ URL]); *суслить* («Пить медленно, причмокивая (обл.)» [ТСУ URL]); *напиться* («1. Попить вдоволь, удовлетворить жажду. 2. Выпив алкогольных напитков, стать пьяным» [ТСУ URL]); *пососать*; *напоить* («Дать напиться кому-нибудь. || Дать пить вина до опьянения» [ТСУ URL]). Например: «Сливки тут-то я на окне поставила: беспременно он, подлый, у меня *их* ***вылопает***. Выгнать его» («Леди Макбет Мценского уезда» URL); «Я сразу весь плакон ***выпила.*** Противно было, но спать без того не могла, и на другую ночь тоже… ***выпила***… и теперь без этого уснуть не могу, и сама себе плакончик завела и винца покупаю…» («Тупейный художник» URL).

В рассказе «Тупейный художник» Н.С. Лесков неоднократно использует

образный глагол *пососать*, синонимичный *выпить* (‘употребить алкоголь’) и градационный к нему *отсосаться* (‘много выпить, чтоб спастись, заглушив душевную боль’), передавая глубочайшую трагедию сломленной жестокой судьбой героини и вызывая к ней сочувствие, жалость, сострадание: «Теперь и не могу – надо мне это, а ты не пей, пока можно, а меня не суди, что я ***пососу,*** – очень больно мне» («Тупейный художник» URL); «…я тебе, как ночь придёт, все расскажу, а теперь ещё ***пососу***… ***Отсосаться*** надо… жжёт сердце» («Тупейный художник» URL); «…и, вижу, опять стоя ***пососала*** из плакончика и опять его спрятала…» («Тупейный художник» URL); «…облей уголь – ***пососи***...» («Тупейный художник» URL); «Тут Любовь Онисимовна остановилась и, считая свой сказ досказанным, вынула из кармана пузыречек и «помянула», или «***пососала»*** («Тупейный художник» URL). Глагол *пососать*, имеющий в своём лексическом значении компонент ‘водка’, актуализируемый контекстуально, становится символом крушения надежд и потери смысла жизни, реализуя образный и оценочный потенциал. Глагол *пососать*, несомненно, отражает прагматические установки писателя, который показывает трагическое положение русской женщины при крепостном праве.

Имплицитные указания на употребление какого-либо напитка даётся писателем с помощью обрисовки ситуации: *взять рюмку; польюсь я чайку; самовар ставить; налить* («Вливая, наполнить (сосуд жидкостью)» [ТСУ URL].

Итак, из текстов ранней прозы Н.С. Лескова можно узнать о многих видах пищи, которую использовали русские люди непривилегированных сословий. Больше всего слов, называющих пищу, включая напитки, использовано в повести «Житие одной бабы» (см. Таблицу 2). Тексты писателя позволяют убедиться в том, что он стилистически оправданно, с установкой на точность и реалистическую достоверность употреблял наименования пищи и напитков, создавая канву жизни своих героев, сообщая о семейном укладе, еде в обиходе, рассказывая о традициях угощения по торжественным поводам.

Среди этих номинаций есть стилистически сниженные, на что указывают приведённые в толкованиях лексикографические пометы. Следовательно,

писатель стремился создать речевые партии персонажей с привлечением подлинно народного слова.

Фрагмент языковой картины мира «Продукты питания и внутреннего потребления» в текстах Н.С. Лескова расцвечен народно-разговорными единицами, они указывают на особенности авторского словаря и стиль.

Перспективой исследования данного материала является рассмотрение слов в роли предикатов, обозначающих процессы приготовления пищи и напитков.

3.4. Наименования одежды в текстах Н.С. Лескова раннего периода творчества как одно из средств изображения героев

Произведения Н.С. Лескова сохранили для современных русских и зарубежных читателей немало ценных свидетельств блестящего мастерства бытописания этого автора. Среди них средства изображения персонажа – ресурсы портретирования. Благодаря использованным в текстах номинациям, репрезентирующим фрагмент языковой картины мира «Одежда», можно составить представление еще об одной грани жизни русского человека в XIX веке.

Н.С. Лескова называют историком быта и этнографом, как мы уже подчёркивали [Клишина 2011; Цзян Юань 2019; ср.: Леденёва 2015, с. 7-8]. Но вернее было бы говорить о том, что точность, «мероориентированность», стремление к детализации – важные черты идиостиля писателя, которые уже в ранних прозаических произведениях проявились как основа их художественно-стилистического своеобразия и средство раскрытия характеров героев – мужчин и женщин, русских типов [см.: Леденёва 2000, с. 34], будучи обусловленными особенностями авторского творческого мышления, чертами его языковой личности. «Возможность овладения языковым знанием заложена биологической природой человека на уровне генетики, психофизиологии и реализуется в социуме под влиянием многих факторов» [Герасименко 2019, с. 30].

Одни единицы у Н.С. Лескова призваны прямо отобразить статус, род деятельности изображаемых героев, бытовавший в России, который был некогда известен, а затем забыт: «...он был ”***тупейный художник***”, то есть парикмахер и гримировщик, который всех крепостных артисток графа “рисовал и причесывал”» («Тупейный художник» URL); «…***тупейный художник*** был красавец и “всем нравился”» («Тупейный художник» URL). *Тупейный художник*, согласно контексту, по значению в одноименном лесковском рассказе шире того смыслового объёма, который предложен этому неоднословному наименованию – фразеологизму – словарной трактовкой («Тупейный художник (парикмахер)» [ТСУ URL]). Это лесковская идиолектема (как это определяется [Леденёва 2022, с. 284]) – «узнаваемое» в качестве принадлежности конкретного идиолекта слово или фразеологизм, признак авторского идиолекта и идиостиля, прецедентный феномен, его имя.

Другие лексико-фразеологические единицы, рассмотренные нами в п. 3.2. диссертации, использованы как формирующие атмосферу, в которой развивается событийная канва, разворачивается жизнь героев с её коллизиями. Это позволяет автору представить характер через описание среды, обозначить особенности какого-либо социального сословия российского общества в изображаемую эпоху. См. о купеческой среде: «***Дом*** Измайловых в нашем городе был не последний: торговали они крупчаткою, держали в уезде большую ***мельницу*** в аренде, имели доходный ***сад*** под городом и в городе ***дом*** хороший. Вообще ***купцы*** были зажиточные» («Леди Макбет Мценского уезда» URL); «На ***дворе*** после обеда стоял пеклый жар, и проворная муха несносно докучала. Катерина Львовна закрыла окно в ***спальне ставнями*** и ещё шерстяным ***платком*** его изнутри завесила, да и легла с Сергеем отдохнуть на высокой купеческой ***постели***...» («Леди Макбет Мценского уезда» URL); «Сергей снёс Зиновия Борисыча в ***погребок***, устроенный в ***подполье*** той же каменной ***кладовой***, куда ещё так недавно запирал самого его, Сергея, покойный Борис Тимофеич, и вернулся на ***вышку***» («Леди Макбет Мценского уезда» URL). Контексты такого рода многочисленны в ранней прозе писателя.

Национально-культурный компонент привлекает внимание исследователей [ср.: Антошин 1947; Головачева 2018; Леденёва 2013; Михеева 2008; Леденёва 2017, с. 31–37]. Жильё, пища, одежда, средства передвижения – то, что в каждой национальной картине мира представляет человеческие потребности, необходимые для существования и выживания народа в неких климатических условиях, имеет отличительные особенности на конкретном культурно-историческом этапе, следовательно, обусловливает своеобразие языковой картины мира через систему средств её репрезентации, имеет связь с ментальностью. Например: «...она привыкла к простоте и свободе: пробежать бы с вёдрами на реку да покупаться бы в ***рубашке*** под пристанью или обсыпать через калитку прохожего молодца подсолнечною лузгою…» («Леди Макбет Мценского уезда» URL).

Фрагмент русской языковой картины мира «Одежда» не мог не быть представлен системой номинаций в реалистических текстах ранней прозы Н.С. Лескова, единицы наименования одежды необходимы автору для воссоздания правдивой социальной картины, достоверного портрета персонажа как представителя определённой среды и уровня достатка.

Одежда – показатель культурный, сословный и символический; она выполняет и сакральную функцию, что связано с обрядовой стороной народной жизни [см.: Киселева, Поташова 2018, с. 43], а всё это привлекало внимание художника слова [ср.: Полетаева 2017] при изображении героев произведений.

Одежда вызывает интерес в этнокультурном и социально-историческом отношении, а средства её номинации тесно связаны с эпохой бытования реалий, поэтому среди них в узусе есть и ныне устаревшие слова, и авторские неологизмы [Цзян Юань 2020б, с. 49–56]. Важно, что Н.С. Лесков, демонстрируя идиостилевое качество точности, использует, как мы наблюдали, среди других номинаций названия частей, деталей одежды, её отделки. Например:

«Я ***полой*** тебя прикрою, так что не заметят» («Леди Макбет Мценского уезда» URL) – «Свешивающаяся нижняя часть распашной одежды, край, борт» [ТСУ URL];

«...и вдруг перед самыми её глазами показался статный русый парень, в белой рубашке с красными ***ластовицами***…» («Житие одной бабы» URL) – «ластовицы, ластовки, платочек, четырехугольные, разноцветные вставки под мышкою у русских мужских рубах. *Русская рубаха без цветных ластовок не живёт*» [ТСД URL];

«…надели панёву с мишурным ***позументом*** и синей ***прошвой*** спереди…» («Житие одной бабы» URL). В контексте упомянут элемент отделки *мишурный позумент*, где *мишурный* – ‘прил. к *мишура*’ («Изделие из медной проволоки, а также посеребрённых и позолоченных полосок, идущее на золотое шитьё (спец.)» [ТСУ URL]), *позумент* – «(от франц. passement — оторочка). Шитая золотом или мишурой тесьма, служащая для оторочки одежды, мягкой мебели и пр.» [ТСУ URL]). Кроме этого, названа деталь одежды *прошва* – «(спец. и прост.). Прошивка, узкая полоска кружева, ткани или кожи, вшитая, вставленная между чем-нибудь» [ТСУ URL]. С помощью данных номинаций прозаик воссоздаёт в контексте вид традиционной праздничной – свадебной – одежды русской крестьянки. Значения данных слов содержат этнокультурный компонент, реалистически отражают социальный статус персонажа.

Среди средств представления одежды укажем и образное, завуалированное описание, за которым скрывается трагедия крепостных актрис – игрушек-рабынь в руках барина-владельца: «…*убрать* обречённую девушку после театра «***в невинном виде святою Цецилией», и во всем в белом, в венке и с лилией в руках символизированную innocence*** доставляли на графскую половину» («Тупейный художник» URL). Такое описание одежды (см.: *убрать* – «5. кого-что. Украсить, придать кому-чему-нибудь нарядный вид.‖ Одеть надлежащим образом, в надлежащее платье» [ТСУ URL]) позволяет Н.С. Лескову представить мир графской усадьбы, крепостного театра благодаря возбуждаемому в контексте компоненту ‘фальшивый’ и отрицательной оценке.

Историко-культурную ценность представляют номинации традиционных видов одежды, с нашей точки зрения. Они позволяют воссоздать характер эпохи. История Китая насчитывает пять тысяч лет и поэтому у китайцев не только

древняя одежда, но и современная одежда, они сильно отличаются, кроме того, одежды каждой династии также различны. Возьмём платье Cheongsam в качестве примера. Cheongsam (ципао), традиционные костюмы китайских женщин в мире, известны как китайская национальная квинтэссенция и женская национальная одежда. Cheongsam (ципао) был сформирован в 1920-х годах и стал самой популярной женской одеждой во второй половине XX века. Cheongsam (ципао) не выглядит как повседневная одежда, а были выбран в качестве церемониального костюма.

Описание жизни в России при крепостном праве и сразу же после его отмены имеет особое значение для осмысления эволюции жизни русского народа, развития его ментальности. Русская одежда различалась прежде как дворянская и крестьянская. Последняя была очень простая и скромная, и в повести «Житие одной бабы» это отражается при создании портретных зарисовок, в конкретных описаниях деталей одежды людей средней руки, а также бедных – крепостных крестьян. Например: «Барин надел *ватный кашемировый* ***халат*** и подпоясался…» («Житие одной бабы» URL). Так, *халат* («Домашняя одежда, запахивающаяся или застёгивающаяся сверху донизу» [РСС]) у Н.С. Лескова – это одежда дворянская, что подчёркивается указанием субъекта *барин. Сюртук* же («уменьш. *сюртучок*, -чка, м. || унич. сюртучишко: длинная (до колен) мужская верхняя одежда, обычно приталенная» [РСС]), как показывает писатель, мог носить чиновник, купец, свободный человек, имеющий дело.

Таковым представлен Н.С. Лесковым старичок Крылушкин – купец, а впоследствии целитель-травник: «– Не искупаться ли? – .... дойдя до речки, да тут же снял свой синий ***сюртук***, разобрался совсем да искупался и седую голову мылом вымыл» («Житие одной бабы» URL). Ср.: «Чиновник, опытный в обращении с заключёнными, пришёл в форменном ***сюртуке*** и в сопровождении четырёх солдат» («Житие одной бабы» URL). Употребляются эти номинации Н.С. Лесковым в строгом соответствии со стилистическими задачами указать на определённый социальный тип и поэтому используются как нечастотные:

халат – одно, *сюртук* – два употребления.

Единицы рассматриваемого семантического пространства являются значительной по составу лексико-семантической группой (ЛСГ) внутри лексико-семантического поля (ЛСП) бытовой лексики и относятся друг к другу как согипонимы при гипероними *одежда*, несущем ядерную сему (или гиперсему), присутствующую в значении каждой из конкретных номинаций.

Слова можно классифицировать с опорой на «Русский семантический словарь», выделяя, помимо общих наименований, лексические единицы, именующие верхнюю одежду и носильное бельё, одежду для улицы, различая её виды в зависимости от материала, способа изготовления, функции, разделяя по гендерному и возрастному основаниям и т. д.

Следует самостоятельно учитывать слова, называющие головные уборы, обувь, аксессуары, детали и части одежды. Отдельные номинации, относящиеся к устаревшей лексике, историзмам для современного адресата, нуждаются в комментариях с позиций лингвокультуры и истории, истории моды. См.: «парень… в высокой *шляпе* ***гречишником***» («Житие одной бабы» URL) – *гречишник*, или *гречневик* – ‘род шляпы; сделанный в форме цилиндра вяленый крестьянский летний мужской головной убор’.

Узуальное семантическое пространство единиц с компонентом значения ‘одежда’ является весьма разветвлённым. Идиолект языковой личности в его представлении текстами не должен полностью соответствовать узусу в силу особенностей формирования в процессе жизненной эволюции автора [Леденёва 2000, с. 3–4, 9–12]. Исследуемая ЛСГ включает слова, представляющие различные подгруппы: *веретье* (‘мешковина, грубая ткань’) – квалифицируется нечто способное укрыть тело – по характеру материала; *тулуп* («Длинная и широкая шуба, обычно нагольная (не крытая материей), уличная одежда» [РСС]) – тёплая зимняя одежда, служащая также одеялом, а *белый тулуп* – свадебный зимний наряд; *платок / платочек* («Кусок ткани, обычно квадратный, повязываемый на голову или надеваемый на верхнюю часть туловища, преим. женщинами» [ТСУ URL]), *повязка* («Узкий кусок ткани, лента, которую

обвязывают вокруг пояса, руки, головы» [ТСУ URL; РСС]), *шляпа* («1. Мужской головной убор с тульей, преим. круглой, и полями. 2. Женский головной убор» [ТСУ URL]) – головные уборы.

Например: «Раздела Варька Настю в холодной пуньке, положила её в холодную постель и одела ***веретьем***, а сверху двумя ***тулупами»*** («Житие одной бабы» URL); «..а Настя сидела на полу в тёмном уголке, закутанная в белом ***веретье***» («Житие одной бабы» URL).

Представляется, что фактор частоты употребления конкретных слов ЛСГ служит показателем распространения, традиционности того или иного вида одежды, ведь писатель должен был указать её в разных ситуациях, описывая различных персонажей.

Скромная и нежная Настя, главная героиня повести «Житие одной бабы», родилась в бедной семье, из-за жадности своего брата, вышла за того, кто её не любит и кого она не любит, с самого начала брака её прежние мечты были разрушены, и поезд жизни также шёл в направлении трагедии. Подробное бытописание Лескова направлено не только на то, чтобы обрисовать реалистические картины быта крестьян в XIX веке, но и дать имплицитную оценку трагическому положению женщины из простого народа, указать на тяготы повседневной жизни русской бабы в то время.

При этом ядерный гипероним – полисемант *одежда* («1. только ед. Совокупность предметов (из ткани, меха, кожи), которыми покрывают, одевают тело. || То же, не считая белья, обуви и головных уборов; платье. 2. только мн. То, что надето на ком-нибудь, во что одет кто-нибудь (поэт. книж.)» [ТСУ URL]) – оказался средством, которое используется Н.С. Лесковым безотносительно к прямой характеристике персонажей: а) в цитате из церковного песнопения: «Крылушкин … сильным ещё, но тоже немножко уже дребезжащим голосом запел: “Чертог твой вижду, Спасе мой! украшенный, и ***одежды*** не имам, да вниду в онь”» («Житие одной бабы» URL); б) как собирательное: «Катерина Львовна и выкинула Сергею за окно его обувь и ***одежду***...» («Леди Макбет Мценского уезда» URL).

Собирательное *одёжа* писателем тоже не используется, по нашим наблюдениям, в изучаемых произведениях, однако отмечены другие общие обозначения: *костюм* («Одежда, платье» [РСС]), *облачение* («Одежда служителей культа во время богослужения (церк.)» [ТСУ URL]; ср. переносное, ироническое, со сниженной оценкой, негативнооценочной коннотацией – ‘какая-то одежда’, ‘неопределённый, странный наряд’), *туалет* («Наряд, одежда» [ТСУ URL]), *убор* («То, во что одеваются, что надевают на себя, наряд (книж.)» [ТСУ URL]); единожды представлено слово *наряд* («Одежда, костюм» [РСС]), также выступающее в системе общих наименований одежды.

Необходимо рассмотреть наиболее важные в стилистическом отношении номинации одежды, которые реализуют в тексте свой номинативно-оценочный потенциал. Об этом можно судить по тому, как Н.С. Лесков осуществлял представление персонажей, их портретирование.

В данном отношении наиболее значимыми стилистически и в лингвокультурном отношении кажутся номинации лёгкой верхней одежды.

Прежде всего, это однокоренные единицы *рубашка*, *рубашечка*, *рубашонка, рубашоночка*, *рубаха* – традиционная русская народная одежда, которая упоминается Н.С. Лесковым в повести «Житие одной бабы» в ключевых характеристиках. Это одежда, закрывающая верхнюю часть тела. Все однокоренные производные восходят к исконному русскому слову *рубаха:* «Суф. производное от общеслав.**robъ*. Ср. диал. *руб* “одежда из грубой ткани”, сербо-хорв. *руб* “шов”, н.-лужицк. *rub* “грубая ткань”, “одежда”, латышск. *Rŭobs* “зарубка”, нем. *Rant* “край, кайма”. Ср. *подрубить* “подшить”. *Рубаха* буквально “подрубленная одежда (с каймой)”» [ЭСШ URL].

Мужская *рубашка*, женская *рубашка* – наименование лёгкой кофты, как правило, прямой, из грубой или тонкой ткани, с широким рукавом, нередко с вышивкой. Например: «... но даже сам пристально смотрел вслед девкам, когда они летом проходили мимо окон в белоснежных ***рубахах*** с красными прошвами» («Житие одной бабы» URL).

Из-за условий жизни в то время *рубашка* / *рубаха* была основной одеждой

для мужчин и женщин, что показывает Н.С. Лесков: «Смотрит, бабочка идет в одной ***рубахе***…» («Житие одной бабы» URL); «... а по столбу из-под невесткина окна тихо-тихохонько спускается книзу *красная* ***рубаха*** молодца Сергея» («Леди Макбет Мценского уезда» URL);

«***Рубашка*** на нём была мокра от росы, а свита была связана кушаком» («Житие одной бабы» URL); «…то вдруг пропадала, бегала в одной ***рубашке*** по полям, звала Степана и принимала за него первого встречного мужчину» («Житие одной бабы» URL); «…и видали её пробегавшею через поля в одной ***рубашке***» («Житие одной бабы» URL); «...обогрела, надела на неё чистую ***рубашку*** вместо её лохмотьев и вымыла ей щелоком голову» («Житие одной бабы» URL); «... пробежать бы с ведрами на реку да покупаться бы в ***рубашке*** под пристанью...» («Леди Макбет Мценского уезда» URL).

В семантике слова *рубашка / рубаха* актуален гендерный, этнокультурный компонент, судя по использованию Н.С. Лесковым. См. указание на женскую одежду (показатели в контексте – называющие обладателей этой одежды номинации *девка* / множ. *девки*, имена собственные *Катерина Львовна, Настя*, местоимение *она*, включая косвенные формы, др.: «А относительно девичьих нарядов сказали, что девки на Гостомле «спокона века» ходили в одних вышитых ***рубашках*** и что это ничему не вредит; что умная девка и в одной ***рубашке*** будет девкою, а зрячая, во что её ни одень, прогорит, духом» («Житие одной бабы» URL); «Катерина Львовна быстро спрыгнула в одной ***рубашке*** с постели и открыла окошко. В это же мгновение свита Катерины Львовны взлетела ей на голову, и по ее спине, закрытой одной суровою ***рубашкою*** («Леди Макбет Мценского уезда» URL), загулял во всю мужичью мочь толстый конец вдвое свитой веревки» («Леди Макбет Мценского уезда» URL). То же можно сказать и о показателях того, что рубаха – мужская одежда (*старик*, имя собственное *Сергей*, местоимение *он,* в том числе в формах косвенных падежей): «…блуждал старик в пёстрой ситцевой ***рубашке*** по тихому дому» («Леди Макбет Мценского уезда» URL); «Сергей обнял молодую хозяйку и прижал её твердую грудь к своей *красной* ***рубашке»*** («Леди Макбет Мценского уезда» URL).

Разговорное слово, диминутив *рубашечка* с уменьшительно-ласкательными коннотациями использован для указания на детскую одежду (*девочка, ребёнок, личико* и др.): «Теперь он [ребёнок] лежал твёрдый, замёрзший. На нём уже была надета ***рубашечка,*** которую ему сшили и прислали Настины подруги, арестантки бродяжного отделения» («Житие одной бабы» URL); «Поставила барыня девочку на пол; подняла ей подольчик ***рубашечки,*** да и ну её валять ладонью…» («Житие одной бабы» URL).

Ношение рубашки мужчинами писатель отображает как факт обыденный, отмечая деталями описания, что в мужском традиционном костюме она сочетается со *свитой / свиткой* (*свитка*. Искон. суф. уменьшит.-ласкат. образование от общеслав. *съвита* «одежда», производного от *съвити* «свить, соткать», ср. церковнослав. *съвито* “полотно”») и *кушаком* (*кушак* – «Пояс или опояска, широкая тесьма, либо полотнище ткани, иногда с бархатом по концам, для обвязки человека в перехвате, по верхней одеже» [ТСД URL], «матерчатый широкий и длинный пояс» [РСС]):

«***Рубашка*** на нём была мокра от росы, а ***свита*** была связана ***кушаком***» («Житие одной бабы» URL).

Рубашка / *рубаха* как вид женской одежды требовала ношения с *паневой* (*панева* – «Род домотканной шерстяной клетчатой или полосатой юбки, поверх которой посреди вшивается или надевается кусок материи» [ТСУ URL]) или *юбкой.* См. *юбка*: «Заим. в XVI в. (в форме юпка) из польск. производное от jupa «женская кофточка, куртка» < ср.-в.-нем. juppe, восходящего – через франц. и итал. посредство – к арабск. jubba ‘род одежды’») [ЭСШ URL]. *Юбка* – «Женская одежда, закрывающая фигуру от талии книзу» [РСС]: «Увидев малютку, Настя, кажется, забыла свое горе. Она его не спускала с рук и заворачивала в свою ***юбку»*** («Житие одной бабы» URL).

Указание на эту одежду отражает реалистическое портретирование в повести Н.С. Лескова. Так, старик запечатлён в *рубашке*, разные женские образы показаны в одежде *рубашка с юбкой*: «…беловолосого старика в ситцевой розовой ***рубашке,*** распевавшего вдохновенные песни, и стройную

Настю в белой как снег ***рубашке*** и тяжелой шерстяной ***юбке*** ярко-красного цвета» («Житие одной бабы» URL)» «…и как лежала в одной ***рубашке*** да в белых ***юбках***, так и пошла по тихому» («Житие одной бабы» URL); «… а жена вышла на двор в одной ***рубахе*** и в красной шерстяной ***юбке»*** («Житие одной бабы» URL).

Писатель с высокой степенью достоверности через оценки в речевых партиях персонажей показывает, что ношение *рубашки / рубахи* женщиной *без юбки* допускается в русской традиции (а) юным, детским возрастом, (б) позволительно в домашней обстановке, а в иных случаях служит показателем (в) неадекватного поведения, болезни, нарушения бытовых установок или (г) крайней бедности. Лесковские контексты всё это запечатлели в соответствии с традициями, воспринятыми литератором.

Например: (а) «Да не то, ребятушки! а ведь нехорошо смотреть-то на большую девку, как идёт в одной ***рубашке,*** – говорил барин» Здесь в речевой партии барина прямо указывается, что *большие*, т. е. взрослые, девки не должны ходить в одной рубашке без юбки.

(б) «Полно тебе, – сказала кузнечиха. – Отойди от неё, дай ей одеться-то. Ведь она не махонькая; не вставать же ей при мужиках в одной ***рубахе»*** («Житие одной бабы» URL). Описывается сцена пробуждения ото сна, когда Насте надо встать с постели, где она спала по-домашнему, в одной рубахе.

(в) «Смотрит, бабочка идет в одной ***рубахе***, два кувшина тащит со щами да с квасом, на другой руке у неё ребёнок сидит, а другое дитя бежит издали, отстало и плачет. “Мама! мама! ножки устали, ой, мама!” – кричит ребенок, а мать идет, будто не слыша его плача. Не то это с сердцов, не то с усталости, а может, с того и с другого…» («Житие одной бабы» URL). Повествование Н.С. Лескова о неадекватном поведении вследствие усталости, болезни содержит указание на его причину: *с сердцов* – ‘от огорчения’, *от усталости.*

«То она сидела спустя голову, молчала и, как глухонемая, не отвечала ни на один вопрос, то вдруг пропадала, бегала в одной ***рубашке*** по полям, звала Степана и принимала за него первого встречного мужчину» («Житие одной бабы» URL).

Предикаты *бегать, молчать, пропадать*, указывающие на непоследовательные, нелогичные действия Насти, свидетельствуют о расстройстве её психики.

(г) «Где она бродила и чем питалась, никто не знал. Говорили только, что она совсем обносилась, и видали ее пробегавшею через поля в одной ***рубашке»*** («Житие одной бабы» URL). О крайней бедности свидетельствует контекстуальный партнёр – предикат *обноситься* – «Износить, потрепать платье» [ТСУ URL].

Итак, наблюдение над использованием писателем-реалистом наименований одежды, в частности, слова *рубаха / рубашка,* подтверждает справедливость мысли, что вещи, одежда при раскрытии образов героев важны, потому что «заряжены» «человеческим началом» [см.: Топоров 1995, с. 61–62] и позволяют разглядеть в персонаже какой-то тип русского человека, характер, судьбу. Этот фрагмент русской языковой картины мира антропоцентричен.

Мы отметили, что в повести Н.С. Лескова «Житие одной бабы», посвящённой горькой женской судьбе, номинации одежды отражают авторскую прагматику точности в изображении людей, уклада их быта, обычаев, вследствие чего ядерная зона фрагмента русской языковой картины мира «Одежда» не представлена в соответствии с художественной установкой, а периферийные (конкретные) номинации используются писателем активно при характеризации персонажей, прежде всего главной героини Насти.

Номинации одежды выступают в контексте в сопровождении предикатных единиц. Ядерным является многозначный глагол *одевать* / *одеть* («1. Облечь в какую-нибудь одежду. || Покрыть, закутать чем-нибудь для тепла. 3. кого-что. Снабдить одеждой, помочь кому-нибудь завести одежду. || Сшить кому-нибудь одежду» [ТСУ URL]), который используется в различных формах (*одеться, одет* и т. д.). Например: «***Одевали*** её к венцу, песни пели, косу девичью расчёсывая под честной венец» («Житие одной бабы» URL); «...положила её в холодную постель и ***одела*** веретьем, а сверху двумя тулупами» («Житие одной бабы» URL); «Настя совсем ***одетая***: в паневе, в фартуке и в повязке» («Житие одной бабы» URL). Характеризуя действия персонажей, Н.С. Лесков употребляет глаголы *надевать*

/ *надеть* («1. что на кого-что. Покрыть, облечь чем-нибудь кого-что-нибудь, приладить что-нибудь к кому-чему-нибудь, покрывая, облекая. 2. что. Облечь себя во что-нибудь, покрыть себя чем-нибудь (какой-нибудь одеждой, частью костюма» [ТСУ URL]), и они более употребительны в этой функции: «Настя ***надела*** поданное ей колечко, а сама бледная как смерть» («Житие одной бабы» 1958, с. 21); «Приехал представиться государю из своей деревни брат графа, который был еще собой хуже, и давно в деревне жил, и формы не ***надевал***, и не брился…» («Тупейный художник» URL) и др.

Используются Н.С. Лесковым и антонимичные единицы, среди которых нейтральные стилистически узуальные глаголы *раздеть* («Снять с кого-нибудь одежду» [ТСУ URL]), *снять* («2. что с кого-чего. Раздевая кого-нибудь, освободить от того, что было надето, убрать то, что было надето. || что, со словами "с себя" и без них. Раздеваясь, освободить себя от того, что быль надето, убрать то, что было надето» [ТСУ URL]) и др. Например: «***Раздела*** Варька Настю в холодной пуньке...» («Житие одной бабы» URL); «А как все представление окончилось, тогда ***сняли*** с меня платье герцогини де Бурблян и одели Цецилией...» («Тупейный художник» URL).

Автор ввёл «подслушанные» в народе устаревшие, разговорные и диалектные слова, придающие контексту оригинальность, реализующие свой экспрессивный потенциал. Например: *разобраться* (см. *убраться* – «Одеться, украситься, нарядиться (обл., поэт.)» [ТСУ URL]; ср. *разоблачиться* – «Снять с себя ризу, облачение (церк.). || Раздеться, снять с себя одежду (разг. шутл.)» [ТСУ URL]) – сов. к «разбираться, южн. и зап. доныне значит раздеваться» [ТСД URL] «…дойдя до речки, да тут же снял свой синий сюртук, ***разобрался*** совсем да искупался и седую голову мылом вымыл» («Житие одной бабы» URL); *сбросить* – «разг. Снять с себя» [ТСУ URL]: «Сергей понёс за нею ковёрчик и блузу, которую она, расшалившись, ***сбросила***» («Леди Макбет Мценского уезда» URL).

Использование таких языковых ресурсов (узуальных и внелитературных лексико-фразеологических средств с экспрессивным потенциалом) Н.С. Лесковым оказалось прагматически целесообразным для яркого и убедительного,

вызывающего интерес и сохраняющего достоверность изображения обыденной жизни непривилегированных сословий.

Для представления реалий XIX века, картины мира, понимания тонких лесковских характеристик через «вещный мир» необходим, как убеждаемся, описательный комментарий слов ЛСГ «Одежда», прежде всего при подготовке изданий для иностранной аудитории. В этом заключается практическая значимость наших разысканий. Замена любого гипонима на гипероним *одежда* стилистически недопустима. Прагматическая установка писателя на точность и детализацию изображения персонажей определяет потенциал данных номинаций в прозаических произведениях раннего периода творчества.

3.5. Наименования транспорта в системе бытописательных лексико-фразеологических ресурсов

В приведённом выше исследовании мы рассмотрели наименования жилья, а также пищи, одежды. В данном параграфе рассматривается отражение фрагмента русской языковой картины мира «Транспорт» в проекции текстов XIX века Н.С. Лескова. Под языковой картиной мира (ЯКМ) лингвисты понимают «исторически сложившуюся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженную в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [Зализняк URL]. ЯКМ включает в себя множество фрагментов, одним из которых является «Транспорт».

Данный фрагмент ЯКМ нельзя назвать в достаточной степени изученным. Лингвистами анализируется профессиональная терминология транспорта как компонент профессиональной ЯКМ, концепт «Транспорт» как явление лингвокультуры [например: Тарасова 2017; Чернышова 2020]. В то же время «Транспорт» как фрагмент ЯКМ, реализованной в каком-либо произведении национальной художественной литературы, исследован недостаточно [Цзян Юань 2021, с. 210-213].

Мы убеждены в справедливости синхронно-диахронного подхода к

лексико-фразеологическим средствам идиолекта писателя, потому что каждая языковая личность – феномен своего времени и социального развития [см.: Караулов 1987]. Н.С. Лесков хорошо знал те виды транспорта, которые использовались в России в изображаемый его прозой период [ср.: Леденёва 2022, с. 66], и это служит дополнительным показателем идиостилевого качества точности.

Анализ материалов картотеки позволяет утверждать, что реализация этого фрагмента русской языковой картины мира осуществляется наименованиями, которые можно отнести к бытовым и которые связаны – в первую очередь – с гужевым транспортом: *воз, подвода, телега* и т. д.

Благодаря таким номинациям писатель представляет картину жизни русских крестьян XIX века, добивается создания реалистических зарисовок действительности.

Наше внимание привлекают «особенности концептуализации действительности, объективированные в культурно маркированных лексических единицах, обозначающих средства передвижения» [Тарасова с. 94] и представляющих фрагмент русской ЯКМ.

Транспорт важен во всём мире, писатели неоднократно представляли перемещения героев в пространстве России, по её сложным дорогам, например, Н.В. Гоголь – Чичикова.

Выделим основные номинации транспортных средств, которые использованы Н.С. Лесковым. Наиболее широко они представлены в повести «Житие одной бабы».

Контексты показывают, что основным средством передвижения в отражаемый текстами ранних произведений прозаика период является *гужевой* транспорт («2. Производимый живой тягой, гужом по сухопутным дорогам (о перевозке)», где *гуж* – «спец. 1. Петля в упряжи, которою соединяют хомут с оглоблями и дугой. 2. Гужевой транспорт» [ТСУ URL]), Следовательно, актуальными единицами для репрезентации транспорта служат *бричка, дрожки, кибитка, телега, тройка:*

бричка – «Лёгкая колёсная повозка, иногда крытая» [ТСУ URL]. Например: «Сделалось это дело; привез Костик молодую жену от венца в барской ***бричке…»*** («Житие одной бабы» URL);

дрожки – «Лёгкий открытый рессорный экипаж» [ТСУ URL]. Например: «Крылушкин выглянул в окно и увидел у своих ворот трое ***дрожек*** и человек пятнадцать людей, между которыми блестела одна каска» («Житие одной бабы» URL); «…и трое ***дрожек*** взъехали на зелёный двор Силы Ивановича» («Житие одной бабы» URL);

кибитка – «1. Крытый экипаж, повозка. 2. У кочевых народов: переносное жилище» [ТСУ URL]. Например: «Посадили ее в господскую ***кибитку***, обвешанную красными платками, и к церкви привезли» («Житие одной бабы» URL);

телега – «1. Четырёхколёсная повозка для перевозки грузов живой тягой» [ТСУ URL]. Например: «Отстряпалась Настя; старик запряг ей ***телегу***, и она повезла сама в поле пищу» («Житие одной бабы» URL).

У полисеманта *тройка* только третий ЛСВ слова связан с фрагментом ЯКМ «Транспорт»: «3. Упряжка в три лошади» [ТСУ URL]. Например: «…а вкруг – тьма промежная, и коней ***тройка*** лихая мчится, и не знаю куда» («Тупейный художник» URL).

Тройку относят к российским этнокультурным феноменам, не имеющим аналогов ни в одной из стран мира [ср.: Макарова 2018, с. 132-134]. Потенциал этой номинации связан с актуальным семантическим компонентом ‘быстрая езда’ (см. *лихая* – ‘скорая’, ‘удалая’; *мчится*, словоформа глагола *мчаться* – «Очень быстро ехать, нестись» [ТСУ URL]) и положительнооценочными коннотациями, потенциально – с градосемой [Колесникова 2018] ‘очень’.

Тройка не использовалась в бедном крестьянском хозяйстве; из контекста следует, что это средство передвижения седоков с ямщиком или собственное у обеспеченного населения: «И вдруг тут мы по льду какую-то речку перелетели, и впереди что-то вроде жилья засерело и собаки залаяли; а *ямщик* еще ***тройку*** нахлестал…» («Тупейный художник» URL). См. *ямщик* – «Возница, кучер на

почтовых, ямских лошадях» [ТСУ URL].

Н.С. Лесков в использует в повести «Житие одной бабы» диалектизм *колесни*, представляющий номинацию вида *дрог* – (*дроги* – «Простая трясучка для езды в поле, на охоту, без кузова; колесница для отвозу покойников») [ТСД URL]. Для пояснения этого малоизвестного слова, которое можно отнести к единицам безэквивалентной лексики, литератор делает примечание в тексте: «Колесни – дроги»: «Перед самою церковью под горой колокол и стал, ***колесни*** завязли в грязи – никак его не вытащить» («Житие одной бабы»URL). Диалектизм зафиксирован В.И. Далем в качестве курского областного слова: «Колесни ж. мн. кур. дроги, роспуски, нижняя часть телеги, без ящика» [ТСД URL].

Автор отображает, что гужевой транспорт был разнообразным, в соответствии с функциями его и потребностями трудовой деятельности (перевозка грузов, людей и т.д.). Поэтому фрагмент ЯКМ «Транспорт» в его ранних прозаических произведениях детализирован, поскольку транспортные средства отличаются различными деталями: «Крылушкин узнал также по *воловой дуге* полицмейстерские ***дрожки***» («Житие одной бабы» URL).

Лексические единицы, с помощью которых реализуется в повести фрагмент русской ЯКМ «Транспорт», можно отнести к бытовым, связанным с каждодневой жизнью и обыденными занятиями русских людей, в том числе в разное время года

Средством передвижения, связанным с описываемой автором средой в зимнее время года, являются *сани* (уменьш. *санки*) – зимняя повозка: «Полозья, на коих скользит, едеть груз по наклонному или вообще по гладкому пути; скользучие полозья, замест колес. || Зимняя, езжалая повозка на полозьях» [ТСД URL]. Например: «Вечером запрег Прокудин ***сани*** и отправил гостей домой» («Житие одной бабы» URL); «После обеда запрягли трое ***саней*** парами и стали собираться ехать к Настиным господам на поклон» («Житие одной бабы» URL); «Настю с мужем посадили на задние ***сани***...» («Житие одной бабы» URL); «За коноплями, где была выставлена несвоженная пенька, показались ***сани***» («Житие

одной бабы» URL); «...ямщик ещё тройку нахлестал и сразу на один бок ***саней*** навалился, скособочил их, и мы с Аркадием в снег вывалились, а он, и сани, и лошади, все из глаз пропало» («Тупейный художник» URL); «Рассадились мы все на трое ***саней***...» («Тупейный художник» URL); «Очень скоро доскакали и как впали на графский двор, так я и не видала тех ***саней***, на которых Аркашу везли, а меня взяли в своё прежнее место и все с допроса на допрос брали…» («Тупейный художник» URL).

Достоверность лесковских описаний проявляется в указании на то, что движение на санях связано с появлением *санного пути*: «Снежок в эту осень рано выпал; к Михайлову дню уж и ***санный путь*** стал» («Житие одной бабы» URL). Это выражение, которое мы относим к фразеологизмам (фразеологическое сочетание), традиционно и устойчиво в XIX веке характеризует возможности перемещения зимой в России по снегу на санях (*санный* – «прил. по значению связанное с употреблением саней» [ТСУ URL]).

Лошадь (уменьш.-ласкат. *лошадка*) является движущей силой для любого крестьянского транспорта: «Показалась ***телега*** на гнедой ***лошади***» («Житие одной бабы» URL). Количество лошадей в хозяйстве крестьянина свидетельствовало об уровне благосостояния. Н.С. Лесков неоднократно использовал номинацию *лошадь* для характеристики ситуации перемещения: «На ***лошади,*** что ль?» («Житие одной бабы» URL); «Стал Костик без жены все разъезжать по ночам верхом на барской ***лошади*** к своим приятелям...» («Житие одной бабы» URL); «Костик ничего не ответил и повёл ***лошадей***...» («Житие одной бабы» URL); «…и ***лошади***, всё из глаз пропало» («Тупейный художник» URL); «А продрогшие ***лошадки*** бежали частой трусцой и скоро добежали до избы с резным коньком и ставнями» («Житие одной бабы» URL).

На необходимость лошади как обеспечения транспортного средства указывают различные контекстуальные партнёры. Таким является предикат *запрячь (запречь) / запрягать* («Закладывать, заложить; впрягать, впрячь; привязывать посредством упряжи лошадь или иное упряжное животное к повозке» [ТСД URL]): «“Эй, Домка, не бреши!” – ***запрег лошадь*** и поехал к

Костику, а на другой вечер, перед самым ужином, приехал к Прокудиным Костик» («Житие одной бабы» URL); «…***запряжённые*** пегою ***лошадью***, и на них сидел человек…» («Житие одной бабы» URL). С помощью данного средства идиолекта автора в тексте зафиксировано хорошо известное русскому народу представление о том, что сани, телеги и другие виды транспорта перемещаются лошадью.

Об использовании *лошади* как транспортного средства свидетельствует предикат *ехать* и его однокоренные производные («Двигаться, перемещаться при помощи каких-нибудь средств передвижения» [ТСУ URL]): «Часа через полтора Костик ***ехал*** с кузнецом на его ***лошади***, а сзади в других санях на ***лошади*** Прокудина ***ехал*** Вукол и мяукал себе под нос одну из бесконечных русских песенок» («Житие одной бабы» URL).

Глагол *править* в качестве предиката актуализирует в семантике ЛСВ-3 слова *лошадь* компонент ‘транспортное средство’ (*править* – «Направлять движение кого-чего-нибудь, давать направление движению кого-чего-нибудь» [ТСУ URL]): «Переднею ***лошадью правил*** кузнец Савелий...» («Житие одной бабы» URL); «…***лошадью правил*** Гришка...» («Житие одной бабы» URL).

Из многочисленных описаний автора видно, что лошади как средство передвижения играли очень важную роль в жизни народа в XIX веке.

В произведении «Леди Макбет Мценского уезда» отмечаем номинацию, соответствующую фрагменту ЯКМ «Транспорт», *паром* («Плоскодонное судно или плот, передвигающийся посредством каната, протянутого от одного берега к другому, для постоянной переправы людей, экипажей, грузов и т. д. через реку или озеро» [ТСУ URL]), с помощью которой достоверно, эстетически оправданно и в соответствии с прагматической установкой автора на показ силы характера и глубины трагедии представлена картина гибели главной героини – Катерины Измайловой. Например: «Партия промокших и продрогнувших арестантов медленно подошла к перевозу и остановилась, ожидая ***парома***» («Леди Макбет Мценского уезда» URL); «Подошёл весь мокрый, тёмный ***паром***; команда начала размещать арестантов» («Леди Макбет Мценского

уезда» URL); «– На этом ***пароме***, сказывают, кто-то водку держит, – заметил какой-то арестант, когда осыпаемый хлопьями мокрого снега ***паром*** отчалил от берега и закачался на валах расходившейся реки» («Леди Макбет Мценского уезда» URL).

Различные лексико-фразеологические единицы, обозначающие транспорт, могут соседствовать в тексте, создавая целостную картину жизни в движении. Фрагмент русской ЯКМ XIX века «Транспорт» представлен в ранних произведениях Н.С. Лескова с помощью лексем преимущественно бытового характера, а именно – наименований гужевого транспорта, являвшегося неотъемлемым условием существования в России XIX века. В результате в повести формируется представление о такой важной части жизни русского крестьянства, как движение, перемещение в пространстве. Перспективой исследования фрагмента ЯКМ в отражении текстами ранних произведений Н.С. Лескова представляется осмысление концепта «Пространство» и его вех.

Выводы по 3 главе

1. Разговорные, просторечные и диалектные лексико-фразеологические единицы, характеризующие социальный тип героя – крестьянина, купца, однодворца и т. д. – и окружающую его обстановку, служат средствами изображения русской жизни в прозе раннего периода творчества Н.С. Лескова, используются для создания реалистических образов, что подтверждает проведённый анализ. Наше исследование позволяет утверждать, что для этого, безусловно, служат ресурсы ЛСГ с семантикой ‘пища’, ‘жильё’, ‘одежда’, ‘транспорт’.
2. Произведения замечательного русского писателя Николая Семёновича Лескова сохраняют для современных читателей много культурно-исторических, этнографических сведений об устройстве русского быта, о народных обрядах и обычаях, в том числе о питании, одежде, транспорте. Их доносят лексико-фразеологические ресурсы, которые отражают соответствующие фрагменты русской языковой картины мира в текстах.
3. Номинации помещений, в том числе жилых, одежды и пищи, которые

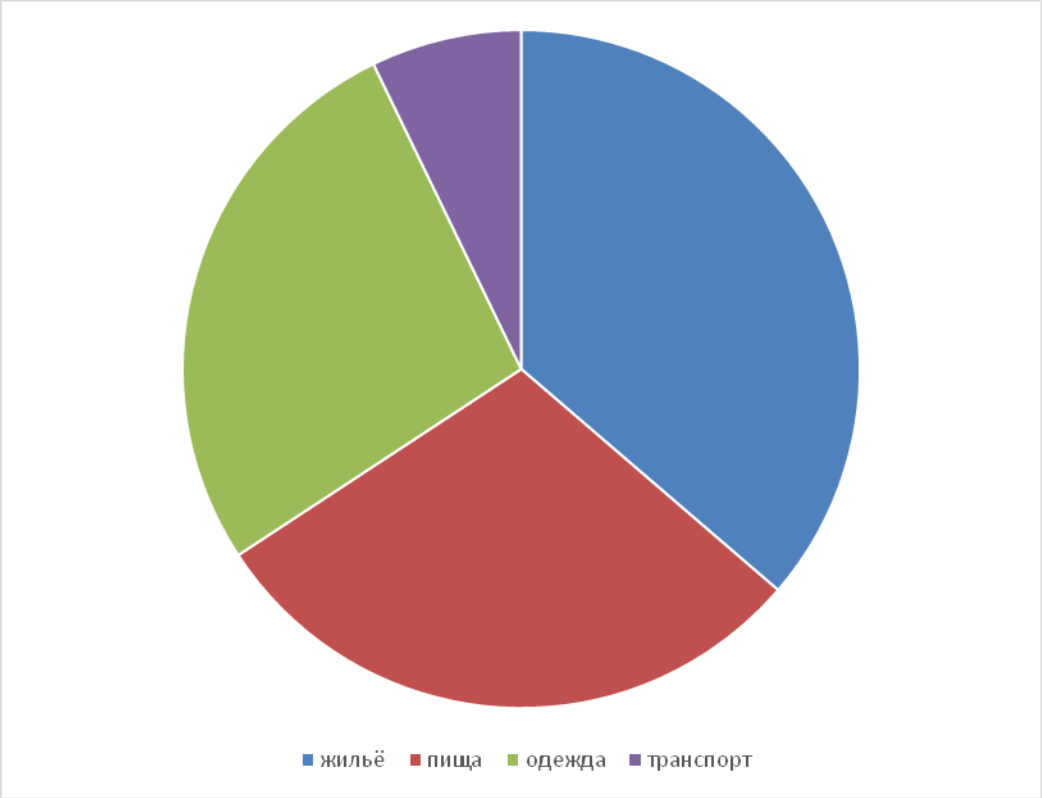
использованы Н.С. Лесковым в его ранних произведениях, позволяют представить культуру еды, костюма, бытоустройства в крестьянской или купеческой среде, воссоздать в исторической ретроспективе картину жизни русского народа, сохраняя её своеобразие в отношении концепта «Русский быт».

4. Фрагмент языковой картины мира «Продукты питания и внутреннего потребления» в текстах Н.С. Лескова расцвечен областными, просторечными номинациями, прагматически целесообразно и стилистически точно введенными; они указывают на особенности авторского идиолекта и идиостиля — бытописательную точность. Больше всего слов, называющих пищу, включая напитки, использовано в повести «Житие одной бабы».
5. С выбором единиц наименования пищи и напитков связано представление традиций приёма гостей, их потчевания, изображение обрядовой стороны русской жизни, что имеет культурологическое значение. Потенциал обследованных номинаций связан с отображением особенностей характера персонажа («Леди Макбет Мценского уезда», «Тупейный художник»).
6. Самостоятельную важность в лингвокультурном аспекте имеет осмысление и оценка потенциала безэквивалентной лексики (*брага, когут, панёва* и др.), составляющей этнографический фон произведений Н.С. Лескова, что ценно для переводов с ориентацией на зарубежного читателя из Китая.
7. В Китае имя русского писателя Николая Семёновича Лескова массовому читателю знакомо не очень хорошо, хотя отдельные знаменитые произведения его переведены, прокомментированы, подверглись литературоведческому и лингвистическому анализу китайских специалистов. Этот писатель оставил глубокий след в русской литературе, потому что он был ярким, самобытным, избравшим путь «против течений», то есть оригинальным в выборе тем и проблем, героев, независимым в оценке описанных событий, поэтому заслуживает представления названной аудитории читателей, интересующихся историей и культурой России, что будет способствовать укреплению межкультурной коммуникации.

8. Наиболее важными в стилистическом отношении номинациями одежды в текстах Н.С. Лескова стали такие, с помощью которых писатель осуществлял представление персонажей, их портретирование, характеризует перипетии судьбы (*камариновые серьги*, *веретье*, *повязка, рбашка / рубаха, белый тулуп*). Потенциал таких лексико-фразеологических ресурсов убедительно использован при создании образа Насти Прокудиной («Житие одной бабы»).

9. В создании трагедийной атмосферы особая роль принадлежит лексике с семантикой ‘чувство’, его ‘переживание’ («Житие одной бабы», «Леди Макбет Мценского уезда»).

Рис. 1. Соотношение составов лексико-семантических групп



Заключение

Язык произведений Николая Семеновича Лескова поистине богат народными словами, которые в творчестве этого мастера стали яркой приметой своеобразия идиолекта и реалистичности идиостиля. Наследие, оставленное этим писателем, поражает своей значимостью и является неотъемлемой частью не только русской литературы, но и мировой культуры. Так, в Китае его прославленные в России повести, рассказы переведены, исследуются, а их образы и сохраняемая текстами культурно-историческая информация о жизни и традициях русского народа в XIX веке, передаваемая системой средств номинации, вызвали интерес и продвинули китайское лесковедение в XXI веке.

Определяя актуальность и практическую значимость нашего диссертационного исследования, мы руководствовались возможностью в перспективе сделать свой вклад в изучение и подготовку текстов писателя для публикации с лингвистическим комментированием в Китае.

При определении объекта и предмета нашего диссертационного исследования мы руководствовались тем, какие тексты привлекают внимание с тематической стороны, идейно-художественным своеобразием, идиостилевой палитрой и требуют работы с использованными для отражения определённых фрагментов картины мира лексико-фразеологическими единицами с их номинативным и оценочным потенциалом (жизнь купечества, судьба женщины, русский быт, транспорт, пища и др., представленные описанными в диссертации ЛСГ). Осмысление номинаций помещений, одежды и пищи даёт возможность представить культуру еды, костюма, бытоустройства. В этом плане тщательной словарной работы потребовали диалектизмы, просторечные единицы, внелитературная лексика, безэквивалентная лексика, которые затрудняют восприятие и толкование авторских смыслов для инокультурной и иноязыковой аудитории. Номинативно-оценочный потенциал лексико-фразеологических средств идиолекта Н.С. Лескова показал свои возможности в процесссе создания ярких художественных образов, отражающих одобряемое или порицаемое

прозаиком в человеке и устройстве жизни, передающих его оценку черт национального характера, бытового уклада, осуждение положения народа (крестьянства прежде всего) до отмены крепостного права в России.

Принадлежащие феномену русской классической литературы XIX века очерк «Леди Макбет Мценского уезда», повесть «Житие одной бабы», рассказ «Тупейный художник», на концептуальном и проблемно-тематическом уровне связанный с повестью обращением к жизни при крепостном праве, были избраны для изучения потому, что в их текстах проявились важнейшие черты идиостиля, освещённые в работах советских и российских лесковедов, чьими трудами мы пользовались как базовыми.

Всё это произведения малых жанров, обращенные к теме народа, проникнутые гуманистическим пафосом, тексты которых свидетельствуют о мастерстве Н.С. Лескова в области бытописательной прозы и психологизме как реалиста, показывающего русского человека в трагических обстоятельствах – их виновником или жертвой. Произведения объединяет прагматическая установка Н.С. Лескова-гуманиста на правдивое изображение народной жизни и стремление вызвать сострадание к беззащитным и угнетённым. Мы подтвердили её справедливость в ходе исследования и охарактеризовали средства языка, выявляющие данную установку, оценки автора (анализ лексико-фразеологических средств номинации и предикации, оценки с семантикой ‘чувство’). Этим мы наглядно продемонстрировали, что изучение языка художественной литературы, художественного текста актуально для современной лингвистики, филологии в целом, потому что истолкование с синхронно-диахронных позиций номинаций реалий, вербализаторов концептов, средств воплощения ведущих тем и образов даёт представление не только о репертуаре единиц идиолекта, но и говорит о своеобразии языковой личности автора (в соответствии с данной в трудах Ю.Н. Караулова моделью).

Осмысляя те разработки, которые были выполнены по произведениям Н.С. Лескова в Китае, мы установили достоинства его текстов, которые привлекают китайских лесковедов, обратившихся к проблематике,

идейно-эстетической стороне творчества этого самобытного писателя, к его языку и стилю. Анализируя тематику и проблематику трудов учёных, определили концептуальное содержание, которое формируется у антропонима ***Лесков*** как имени концепта русской литературы, культуры. Ядерными компонентами этого антропонимического концепта следует считать два взаимосвязанных – 'русский' («прил. к Россия и Русь») и 'писатель' («человек, пишущий литературные произведения»), а также 'классическая литература', имплицитно и фоново — 'известность', 'мастерство', ассоциируемое с особенностями состояния литературного процесса того времени. Об этом свидетельствует, например, название работы «Разгадка “самого русского *русского писателя*”: Комментарий к Лескову: образ и искусство» [Чжэн Сяотин, 2022] с акцентом на этно- и культуроспецифичный компонент 'русский', а также полиаспектное изучение его творчества как яркого мастера и классического писателя [см.: Луань Синь, 2020; Донг Чуньчунь, 2012].

Компонент 'мастерство' проявляет себя в содержании данного концепта вследствие обращения китайских учёных к образному строю произведений, канонам идиостиля, сложившейся художественной эстетике изображения типов [Луань Синь, 2021], следовательно, нужно назвать важными составными компонентами концепта «Лесков» такие: 'создание ярких типов и характеров', 'новаторство в генристике', 'поиски необычных форм повествования' (лесковский сказ [см.: Ян Юбо, 2004а,б, 2005]), 'глубокое проникновение в национальный характер и строй жизни разных слоев русского общества'. Компонент 'мастерство' неразрывно связан с реалистическими методами творчества, правдивым отображением жизни в текстах ('реализм'), что повлияло на лесковскую эстетику ('эстетика точности') [Луань Синь, 2020; Леденёва, Цзян, 2018, с. 176–177].

Рассмотрено отношение писателя к религии, ощущаемое в его любви к персонажам из мира священнослужителей, праведникам из народа под влиянием понятий и категорий православия. Таким образом, в рефлексии китайских исследований последних лет в содержании концепта «Лесков» нашли отражение

компоненты 'православие', 'праведники', 'традиции'.

Антропонимический концепт «Лесков» демонстрирует свойства, которые присущи ономастическим концептам: он является многогранным, ёмким, культурнообусловленным, допускающим различные интерпретации, детерминирован в своём содержании энциклопедическими, научными – знаниями.

Считаем перспективным дальнейшее изучение идиолекта и идиостиля писателя, охват других произведений раннего периода творчества, которые представляются наиболее значимыми для исследований кросскультурного характера, межъязыковых, восполняющих лакуны русского лесковедения и формирующих новые стороны концепта «Лесков» в Китае за счёт углубления внимания к этому мастеру слова.

Список литературы

Источники

1. Лесков Н.С. Житие одной бабы. – М.: Гослитиздат, 1958. – 128 с.; [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/text_1863_zhitie_odnoy_baby.shtml (Дата последнего обращения: 28.03.2023).
2. Лесков Н.С. Леди Макбет Мценского уезда. [Электронный ресурс] URL: https://ilibrary.ru/text/439/index.html (Дата последнего обращения: 28.03.2023).
3. Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11-ти тт. – М.: ГИХЛ, 1958.
4. Лесков Н.С. Тупейный художник. [Электронный ресурс] URL: https://ilibrary.ru/text/1156/p.1/index.html (Дата последнего обращения: 28.03.2023).

Словари

5. Алешина Л.В. Словарь новообразований Н. С. Лескова. – М.: Изд-во «ФЛИНТА», Изд-во «Наука», 2017. – 704 с.
6. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1969. – 608 с.
7. Большой словарь русских поговорок. [Электронный ресурс] URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/proverbs/ (В тексте БСРП) (Дата обращения 01.12.2022)
8. Большой толковый словарь русского языка/ под ред. Кузнецова С.А. – М.: СПб.: Норинт, 2000. [Электронный ресурс] URL: http://словарь-толковый.рф/словарь-кузнецова. (В тексте БТС URL)
9. Даль В.И. Пословицы русского народа: В 2 тт. – М., 1989. – 433 с.
10. Диброва Е.И. и др. Словарь языка Михаила Шолохова. / Гл. ред. Е.И. Диброва. – М.: ООО «ИЦ “Азбуковник”», – 2005. – 964 с.
11. Михельсон М.И. Ходячие и меткие слова: Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). – М., 1997. – 624 с.

12. Национальный корпус русского языка: Сайт: URL: [http://www.ruscorpora.ru /searchmain.html] (В тексте НКРЯ)
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка /под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Сов. энциклопедия, 1975. – 922 с. [Электронный ресурс] URL: http:// slovarozhegova.ru/. (В тексте СО URL)
14. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений /РАН. Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. Т. II: Имена существительные с конкретным значением. Всё создаваемое руками и умом человека (населённые места, обрабатываемые участки, дороги; вещественные продукты труда; организации и учреждения). названия предметов по форме, состоянию, составу, местонахождению, употреблению. – М.: Азбуковник, 2000. – XXXII, 762 с: ил (97 схем). (В тексте РСС)
15. Словарь русских синонимов: [Электронный ресурс] URL: http://www.classes.ru/all-russian/russiandictionary-synonyms.htm
16. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. [Электронный ресурс] URL: http://feb-web.ru/feb/mas/ mas-abc/0encyc.htm. (В тексте МАС URL)
17. Словарь синонимов русского языка – онлайн подбор: [Электронный ресурс, сайт] URL: [https://sinonim.org/ sinonim.org]
18. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
19. Толковый словарь русского языка /под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935–1940. [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/ushakov/%D0% B6%D0%B0%D0%BB%D0%BA%D0%B8%D0%B9 (В тексте ТСУ URL)
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. /Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд.: Прогресс, 1987.
21. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: 13560 слов: Т. 1–2. – М.: Рус. яз., 1993.

22. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прозерпина, 1994. – 400 с. [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/shansky/рубаха (В тексте ЭСШ URL)

Список использованной литературы

23. Аверинцев С.С. Филология // Большая советская энциклопедия / Изд. 3-е. Т. 27. [Электронный ресурс] URL: http://www.philologos. narod.ru/texts/aver_philol.htm (Дата обращения 20.02.2020)
24. Александров О.А., Андреева О.А. Универсальные концепты в когнитивной системе человека // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2010. – №3 (7). – С. 26–29.
25. Алёшина Л.В. Роль «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. д\Даля в изучении языка Н.С. Лескова // Дали Даля: Сборник статей по материалам Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, посвященной 220-летию со дня рождения В.И. Даля и Дням славянской письменности и культуры. – Белгород, 2021. – С. 10–14.
26. Андреева Д.В. О некоторых особенностях репрезентации ситуации чаепития в произведениях Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова // Современные тенденции развития этнопедагогики в образовательном пространстве мира: Сборник научно-методических статей по итогам Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения академика РАО Г.Н. Волкова. – Чебоксары, 2022. – С. 394–399.
27. Аношкина В.Н. Русская литература второй трети XIX века: в 2 ч. Часть 1. / В.Н. Аношкина, Л.Д. Громова, В.Б. Катаев, И.П. Щеблыкин, А.А. Демченко, Л.М. Крупчанов. – М.: Юрайт, 2018. – 235 с.
28. Аношкина В.Н. Русская литература второй трети XIX века: в 2 ч. Часть 2. / В.Н. Аношкина, Л.Д. Громова, В.Б. Катаев, И.П. Щеблыкин, А.А. Демченко, Л.М. Крупчанов. – М.: Юрайт, 2018. – 406 с.

29. Аношкина В.Н. Русская литература последней трети XIX века: в 2 ч. Часть 1./ В.Н. Аношкина, Л.Д. Громова, В.Б. Катаев, А.П. Ауэр, Р.А. Гальцева, И.Б. Роднянская, А.А. Демченко. – М.: Юрайт, 2018. – 444 с.
30. Антошин Н.С. Язык и народно-бытовая лексика и фразеология в рассказах Н.С. Лескова : Дис. … канд. филол. наук, б. м., 1947. – 300 с.
31. Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2-х тт. Том 1. Лексическая семантика (синонимические средства языка). – М.: Школа «Языки русской культуры, 1995. – 768 с.
32. Арутюнова Н.Д. Будущее в языке //Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2011. – С. 5-12.
33. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека: Субъект – предикат – связка; Сравнение – метафора – метонимия; Истина – правда – судьба; Норма – аномалия; Стихия – воля. – М. : Языки русской культуры, 1998. – I-XI, 896 с.
34. Арутюнова Н.Д. Номинация и текст // Языковая номинация. Виды наименований. – М.: Наука, 1977. – С. 304–357.
35. Баженова А.П. Английское слово в палитре стилистических средств Н.С. Лескова-публициста: Автреферат дис. … канд. филол. наук (10.02.01). – М., 2020. – 18 с.
36. Баженова А.П. Прагматико-стилистический потенциал имени актуалемы спиритизм и однокоренных производных (на материале ранней публицистики Н. С. Лескова) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2019. – №2. – С. 8–19.
37. Баженова А.П., Леденёва В.В. Прецедентные имена Роберт Оуэн и Нью-Ланарк в ранней публицистике Н.С. Лескова // Верхневолжский филологический вестник. – 2019. – № 4 (19). – С. 123–129. DOI 10.24411/2499-9679-2019-10600
38. Барковская Ю.В., Леденёва В.В. Частотность как идиостилевой показатель («И математика может быть полезной…» Е.Д. Поливанов) // Седьмые

Поливановские чтения. Сб. статей: В 2-х ч. – Ч. 2. – Смоленск: СГПУ, 2005. – С. 103–106.

39. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности [Электронный ресурс] URL: http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/1.html (Дата обращения 05.04.2018)
40. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. –М.: Искусство,1986. – 446 с.
41. Березина О.С. Типология женских образов в романе Н.С. Лескова «На ножах» // Вестник Марийского государственного университета. – 2016. – № 4 (24). – С. 81–84.
42. Берзегова Л.З., Хачмафова З.Р. Языковые особенности представления женского образа в художественном дискурсе // Научно-методическое обеспечение преподавания иностранных языков на неязыковых факультетах в свете теории и практики межкультурной коммуникации: Межвуз. сб. – Майкоп: Электронные издательские технологии, 2018. – С. 28–31.
43. Блохина О.А. Особенности функционирования фразеологизмов в очерке «Леди Макбет Мценского уезда» Н. С. Лескова // Приоритеты современной филологической науки в осмыслении поликультурного пространства: Сб. мат. Всерос. науч.-практ. конф.; отв. ред. Р.Р. Лукманова. – Уфа: БГУ, 2018. – С. 221-225.
44. Богаевская К.П. Хронологическая канва жизни и деятельности Н. С. Лескова // Н. С. Лесков. Собрание сочинений : В 11 тт. – М.: ГИХЛ, 1958. – Т. 11. – С. 799–834.
45. Большаков В.П. Культура как форма человечности: Учеб. пособие. – Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2000. – 92 с. [Электронный ресурс] URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Bolsch/03.php (Дата последнего обращения - 20.08.2020).
46. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. – М. : Наука, – 1982. – С. 7–85.

47. Бычкова Е.А., Стебунова А.Н. Образ женщины в пословицах и поговорках русского языка // Язык и культура: Сб. научн. тр. V Республиканской научн. конф. – Макеевка: ДНАСиА, 2019. – С. 261–264.
48. Вайрах Ю.В., Казорина А.В. Сиволика образ воды в очерке Н.С. Лескова "Леди Макбет Мценского уезда" // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2016. № 8(62): в 2-х ч. Ч. 1. – С. 22–24.
49. Ван Бинсюнь. Исследование о художественных характеристиках "Левши" // Советская литература. – 1989 – № 6. – С. 53–55. 王炳训．谈谈《左撇子》的艺术特色【J】．苏联文学，1989，(6).53-55.
50. Ван Цзюнь. Творчество Лескова и народная литература: дис... канд.. наук. / Шанхайский университет иностранных языков, –Шанхай, –2007. – 212 с. 汪雋．列斯科夫的创作与民间文学[D]．上海外国语大学，2007.
51. Ван Шуфу. Н.С. Лесков // Русский язык. – 2005. – №1. – С. 39–42.王树福．尼·谢·列斯科夫【J】．俄语学习，2005，(1). 39–42.
52. Ван Шуфу. Повествование – порождение своеобразной этнической повествовательной асаны // Иностранная литература. – 2010 – № 5. – С. 70–80. 王树福．讲述体——一种民族化叙事体式的生成[J]．外国文学，2010，(5)
53. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
54. Видуэцкая И.П. Между двумя юбилеями (Итоги изучения творчества Н. С. Лескова за последние 25 лет и задачи, стоящие перед исследователями его творчества в настоящее время) // Н. С. Лесков в пространстве современной филологической мысли (К 175-летию со дня рождения). – М. : ИМЛИ РАН, 2010. – С. 3–10.
55. Видуэцкая И.П. Творчество Лескова а движении стилей русской литературы XIX в. (К постановке вопроса) // Юбилейная международная конференция по гуманитарным наукам, посвященная 70-летию Орловского государственного университета: Материалы. Выпуск I: Н.С. Лесков. – Орёл: Орловский государствнный университет, 2001. – С. 7–10.

56. Виноградов В.В. Наука о языке художественной литературы и её задачи (на материале русской литературы). – М., 1958. – 51 с.
57. Виноградов В.В. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии// Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М. : Наука, 1977. – С. 69–94.
58. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX в. – М. : ВШ, 1982. – 528 с.
59. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. – М. : ГИХЛ, 1961. – 613 с.
60. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М., 1963. – 255 с.
61. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 221–256, 443–467.
62. Винокур Г.О. О языке художественной литературы: Учеб. пособ. для филол. спец. вузов. / Сост. Т.Г. Винокур; Предисл. В.П. Григорьева. – М.: ВШ: 1991. – 448 с.
63. Витковская Л.В., Дань Н.Ассимиляция концепта «ЧАЙ» в русской и английской культурах // Вестник Пятигорскго государственного лингвистического университета. – 2015. – № 4. – С. 159–164.
64. Владимирова Т.Н. Русская языковая личность: экзистенциально-онтологическое измерение // Языковая личность: аспект изучения : Сборник научных статей памяти члена-корреспондента ВАН Юрия Николаевича Караулова / Под ред. И.В. Ружицкого, Е.В. Потёмкиной. – Москва: МАКС Пресс, 2017. – С. 66-81.
65. Войлова К.А. Судьба просторечия в русском языке. – М.: МПУ, 2000. – 303 с.
66. Вэй Лин. Трагическая судьба Савелия: Краткое обсуждение «Соборяне» Лескова // Журнал Пекинского университета (издание по философии и социальным наукам). – 1991. – № 4. – С. 71–75. 魏玲. 萨维利的悲剧性的命运——略论列斯科夫的《大堂神父》【J】. 北京大学学报(哲学社会科学版), 1991, (4).71-75.

67. Герасименко Н.А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование: монография. – М. : Изд-во МГОУ, 2012. – 292 с.

68. Герасименко Н.А. Грамматика на службе развития речи и речевой культуры // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2019. №2. – С. 28–34.

69. Герасименко Н.А. Оформление связи между главными членами бисубстантивного предложения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2015. – № 4. – С. 14–17.

70. Герасименко Н.А. Текст с секретом // Текст остаётся текстом? (круглый стол) / Лошаков А.Г., Папуша И.С., Беглова Е.И., Бойцова О.Ю., Ширинянц А.А., Гуторов В.А., Халикова Н.В., Симашко Т.В., Швецова В.М., Герасименко Н.А., Шаповалова Т.Е., Муратова Е.Ю., Акулова А.А., Леденёва В.В., Артамонова Ю.Д. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2017. № 2. – С. 45–48. URL: www.evestnik-mgou.ru

71. Герасименко Н.А. Хронотоп нереального в художественном тексте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2013. – № 6. – С. 15–18.

72. Гехтляр С.Я., Маханова Г.Е. Языковая реализация деривационного потенциала репрезентантов концепта «СКУКА» (на материале художественных произведений и писем А.П. Чехова) // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 283-289.

73. Головачева О.А. Коннотативные единицы – репрезентанты идиостиля Н.С. Лескова-публициста раннего периода творчеств // Мир Н. С. Лескова: поэтика, прагматика, стилистика: сборник докладов участников Национальной научнопрактической конференции, посвященной 190-летию со дня рождения Н. С. Лескова (г. Брянск, Брянская область, 18 февраля

2021 г.) / Под ред. А.В. Антюхова, О.А. Головачевой, И. И. Киютиной, Н.В. Трошиной. – Брянск: РИСО БГУ, 2021. – С. 20–28.

74. Головачева О.А. Национально-культурный компонент в заголовках и текстах публицистических произведений Н. С. Лескова 60-х гг. XIX века // Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция: Материалы Международного форума русистов / Под ред. С.Н. Стародубец, В.Н. Пустовойтова. Новозыбков, 2018а. – С. 544–551.
75. Головачева О.А. Нравственные проблемы публицистики Н.С. Лескова 60-х годов XIX века. Языковые средства отражения позиции автора: Монография. – Брянск: «Брянское областное полиграфическое объединение», 2011. – 168 с.
76. Головачева О.А. О языке и стиле произведений Н.С. Лескова, посвященных «женскому вопросу» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – 2009. № 2. – С. 3–11.
77. Головачева О.А. Окказионализмы – признаковые слова в идиолекте Н.С. Лескова: монография. – М.: ИНФРА-М, 2018б. – 130 с.
78. Головачева О.А. Прагматико-стилистический потенциал слова Н.С. Лескова (Язык публицистики 60-х годов XIX века): Дис. … докт. филол. наук. – Брянск: БГУ имени академика И. Г. Петровского, 2016. – 538 с.
79. Головачева О.А. Прагматико-стилистический потенциал слова Н.С. Лескова (Язык публицистики 60-х годов XIX века): Автореферат дис. …докт. филол. наук. – Смоленск, 2016. – 38 с.
80. Горелов А.А. Н.С. Лесков и народная культура. – Л. : Наука, – 294 с.
81. Горький А.М. О языке писателей-классиков. Из письма к О. Анзимировой от 28 июня 1927 г.// Русские писатели о языке. – Л.: Учпедгиз, – 1955. – С. 364.
82. Гун Лэй. Слова китайского происхождения в составе концепта Чай // Вестник Башкирского университета. – 2018. – Т. 23, №2. – С. 510–513.
83. Дашевская Е.И. Средства предикации в романе В. Пелевина «Generation П» и их художественно-стилистическое использование: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2007. – 22с.

84. Диброва Е.И. Категории художественного текста // Художественный текст: структура, семантика, стилистика: Сборник научных статей к юбилею Е. И. Дибровой / Отв. редактор Л.Г. Чапаева. – М. : РИЦ МГГУ им. М. А. Шолохова, 2013. – С. 10–31.

85. Диброва Е.И. Коммуникативно-когнитивная модель текстопорождения // Семантика языковых единиц: Доклады V Международной конференции. Т. 2. –М., 1996. – С. 133–139.

86. Диброва Е.И. Пространство текста в композитном членении // Структура и семантика художественного текста: Докл. VII Междунар. конф. М., 1999. – С. 91–138.

87. Дин Лян. Анализ градации в повести «Леди Макбет Мценского уезда» // Евразийские гуманитарные исследования (китайский и русский языки). – 2021. – № 1. – С. 79–85. 丁梁.《姆岑斯克县的麦克白夫人》中层递辞格 [J]. 欧亚人文研究（中俄文）79–85.

88. Дмитриев Д.В. Средства номинации и предикации, реализующие тему поэта и поэзии в лирике А.А. Фета // Вестник Московского финансово-юридического университета. – 2014. – №2. – С. 226–234.

89. Дмитриев Д.В. Лексико-фразеологические средства выражения философских взглядов в прозе А.А Фета // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2012. – № 3. – С. 54–58.

90. Добрыв А.П. О Лескове // Биографии русских писателей: среднего и нового периодов: составил А.П. Добрыв. Столичная типография, 1900. – 534 с. [Электронный ресурс] URL: https://www.literaturus.ru/2016/07/kritika-leskov-nikolaj-semenovich.html (Дата обращения 10.12.2018).

91. Дон Чуньчунь. Лесков и русские национальные культурные традиции – с точки зрения “Святой человек” // Журнал университета Линьи. – 2012. № 5. – С. 50–52. 董春春. 列斯科夫与俄罗斯民族文化传统——从列斯科夫笔下的“圣人题材”作品谈起【J】. 临沂大学学报，2012，(5). 50-52.

92. Дурылин С.Н. «Весь в Россию». – «Николай Семенович Лесков. Личность. Творчество. Религия». Исследование. Часть 1. Рукопись. Автограф в тетради. РГАЛИ. Ф.29809. Оп. 1. Ед. хр. .9. – С. 43.
93. Душенкова Т.Р. Понятие МӧЗМОН – ТОСКА в удмуртском языке // Вестник угроведения. – 2016. – № 1 (24). – С. 30-35.
94. Дыханова Б.С. Символизация факта в «пейзаже» лесковских «Полунощников» // Юбилейная международная конференция по гуманитарным наукам, посвященная 70-летию Орловского государственного университета: Материалы. Выпуск I: Н.С. Лесков. – Орёл : Орловский государственный университет, 2001. – С. 81–91.
95. Дыханова Б.С. В зазеркалье волшебника слова: поэтика «отражений» Н.С. Лескова. – Воронеж : ВГПУ, 2013. – 204 с.
96. Елистратов В.С., Ружицкий И.В. Атопоны в текстах Н.С. Лескова: Словарные материалы // Языковая личность: аспект изучения : Сборник научных статей памяти члена-корреспондента ВАН Юрия Николаевича Караулова / Под ред. И.В. Ружицкого, Е.В. Потёмкиной. – Москва: МАКС Пресс, – 2017. – С. 123–136.
97. Жаркова О.С. Образность «белых слов» в поэме С. Есенина «Анна Снегина» [Текст] // Русский язык: номинация, предикация, образность: Межвуз. сб. научн. тр. – М.: МГОУ, 2003. – С. 124–127.
98. Жэнь Гуансюань. Краткая история русской литературы: монография; изд. 1-е. Изд-во Издательство Пекинского университета. 2009. – 496 с. 任光宣主编. 俄罗斯文学简史【M】. 北京：北京大学出版社，2009.
99. Жэри Катрин. Социально-лингвистические аспекты речи в сказах Н.С. Лескова // Юбилейная международная конференция по гуманитарным наукам, посвященная 70-летию Орловского государственного университета: Материалы. Выпуск I: Н.С. Лесков. – Орёл: Орловский государствнный университет, 2001. – С. 126–136.

100. Захарова Ю.Г. Потенциальная лексика в письмах Н.С. Лескова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2018. – № 6 (416). – С. 62–67.
101. Ильинская Т.Б. Ирония как вид комментария у Н.С. Лескова // Верхневолжский филологический вестник. – 2019. – № 3 (18). – С. 16–221.
102. Калинина А.А. Антропоним как основной тип ономастических концептов (на материале русской паремиологии) // Восточнославянская филология. Языкознание. – 2021. –№ 13 (39). – С. 46–52.
103. Каракуц-Бородина Л.А. Языковая личность Владимира Набокова как автора художественного текста: лексический аспект : На материале русскоязычной прозы : автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Башкирский гос. ун-т. – Уфа, 2000. – 20 с.
104. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
105. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
106. Караулов Ю.Н.; Красильникова Е.В. Русская языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 3–8.
107. Карташова Е.Н. Имя как средство репрезентации образа женщины в прозе В.М. Шукшина / Е.Н. Карташова // Восточноукраинский лингвистический сборник им. Е.С. Отина: Сб. научн. тр. – Горловка, 2019. – С. 203–207.
108. Кашкарева А.П. Типология женских образов в романе Н.С. Лескова «Некуда» // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 18. – № 2 (151). – С. 146-154.
109. Киселева В.И. Мужское имя собственное как основной тип ономастического концепта в русских паремиях //Актуальные проблемы филологии. Материалы международной научно-практической конференции молодых ученых. – Екатеринбург, – 2022. – С. 71–76.

110. Киселева И.А., Поташова К.А. Семантика и поэтика русского костюма в «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина // Проблемы исторической поэтики. – 2018. Т. 16. №2. С. 36–48.
111. Клишина О.Н., Клишина О.С. Н.С. Лесков как историк быта и этнограф // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота. – 2011. №7 (13): в 3 ч. Ч. II. – С. 105–110.
112. Ковина Т.П. По страницам романа «Дворянское гнездо»: особенности идиостиля И.С. Тургенева : монография. – Москва : Инфра-М, 2018. – 183 с
113. Кожин А.Н. О стилевой ориентации средств языка // Русский язык: Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. Виноградовские чтения. IX–X. – М. : Наука, 1981. – С. 61–71.
114. Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. – М.: ВШ, 1982. – 223 с.
115. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1983. – 223 с.
116. Колесникова С.М. Градуальность в системе русского языка: монография. – М.: ФЛИНТА, 2018. – 232 с.
117. Колесов В.В. ГРУСТЬ-ТОСКА в русском языковом сознании // Мир русского слова. – 2017. – № 3. – С. 5–13.
118. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 152 с. (Лингвистическое наследие XX века)
119. Кочеткова Т.В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры : Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 1999. – 53 с.
120. Кочеткова Т.И. Словосложение как средство номинации и предикации в современном русском языке [Текст]: Монография. – Оренбург: ОГПУ, 2004. – 234 с.
121. Красных В.В. Современная научная парадигма: лингво-когнитивный подход// Русский язык: исторические судьбы и современность: II Междунар. конгресс исследователей рус. яз. М., 2004. – С. 120–121.

122. Крылова М.Н. Образ женщины в творчестве В.Т. Шаламова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2021. – № 1 (40). – С. 75–81.

123. Крылова М.Н. Образ женщины в современном русском компаративе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2020. – № 1. – С. 143–150.

124. Куланина О.В. Стилистические функции диалектизмов в языке произведений Н. С. Лескова : Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1999. – 23 с.

125. Курьянович А.В. Электронное письмо как функционально-стилевая разновидность эпистолярного жанра в пространстве современной коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. Вып. 2 (76). – Томск. – 2008. – С. 44–49.

126. Кучерская М.А. Лесков: Прозеванный гений. – М.: Молодая гвардия, 2021. – 624 с.

127. Лабко В.А. Стратегии передачи специфики ономастического пространства романа-хроники Н.С. Лескова «Соборяне» при переводе на английский и французский языки //Филологические нрауки. Вопросы теории и практики. – 2020. Т. 13. – №4. – С. 159–163

128. Лабко В.А. Особенности перевода авторских неологизмов с русского языка на французский на примере повести Н.С. Лескова «Полунощники» // Актуальные проблемы совремных гуманитарных наук: Материалы Международной конференции молодых учёных. 2015. – С. 364–368.

129. Лагузова Е.Н. Описательные обороты с заимствованными абстрактными именами в современном русском языке // Русский язык: история, диалекты, современность (вып. XV): Сб. науч. статей по материалам докладов и сообщений. – М.: МГОУ, 2016. – С. 221–226.

130. Лагузова, Е.Н., Эль-Амари, О.Н. Составные предикаты в современном русском деловом письме [Текст] // Верхневолжский филологический вестник . – 2018. - № 1. – С. 112–114.

131. Ланская О.В. Концепты «свет» и «тьма» как отражение пространства в творчестве Ю.П. Кузнецова // Язык. Словесность. Культура. – 2012. – № 2-3. – С. 137-149. URL : [Аналитика РОДИС: http://www.publishing-vak.ru/index.htm] (Дата последнего обращения 15.12.2018)

132. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка. – М.: ВШ, 1975. – 325 с.

133. Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. – Л.: Худ. лит., 1974. – 285 с.

134. Леденёв Ю.И. Антропоцентрические и социоцентрические аспекты языка и речи // Антропоцентрическая парадигма в филологии : материалы Международной научной конференции. – Ч. 2. Лингвистика. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. – С. 3–10.

135. Леденёва В.В. «Вещный мир» в зеркале идеографического словаря автора // Авторская лексикография и история слов: К 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина» / Отв. ред. Л.Л. Шестакова. М.: Азбуковник, 2013. С. 217–222.

136. Леденёва В.В. Концептуализация ипостаси человеческого бытия «дух» в проповеди «О бессмертии» Священноисповедника Луки (Войно-Ясенецкого) [Электронный ресурс] // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сборник научных трудов. – Вып. 9 / отв. ред. Т. В. Симашко. – Москва; Северодвинск: «БИБКОМ», 2019. – С. 28–34. URL: https://narfu.ru/sf/sevgi/problem-concept

137. Леденёва В.В. Лексические приметы «русского контура» в произведениях Н.С. Лескова 90-х годов// VIII Крымские Пушкинские Международные чтения «Русь-Россия и Великая степь». – Симферополь, 1999. – С. 95-98.

138. Леденёва В.В. Особенности идиолекта Н. С. Лескова : монография; изд. 2-е, испр. и доп. – М.: ООО «Постатор», 2022. – 462 с.

139. Леденёва В.В. Особенности идиолекта Н. С. Лескова. М.: МПУ, 2000. – 187 с.

140. Леденёва В.В. Слово Лескова. М.: ИИУ МГОУ, 2015. – 260 с.

141. Леденёва В.В., Цзян Юань. О стилистическом потенциале слова скука // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сб. научных трудов по итогам международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Войловой К.А.(г. Москва, 1 марта 2018 г.) / отв. ред. О. В. Шаталова; ред. колл. В. В. Леденёва, Т. М. Фадеева, Е. Д. Звукова. – М.: ИИУ МГОУ, 2018. – С. 175-182.

142. Леденёва В.В. Индивидуальное и общее в идиолекте Н. С. Лескова: Лексический состав эпистолярных текстов 90-х годов XIX века: Словарь. В 2-х кн. Кн. 1. – М.: МГОУ, 2007а. – 451 с.

143. Леденёва В.В. Индивидуальное и общее в идиолекте Н. С. Лескова: Лексический состав эпистолярных текстов 90-х годов XIX века: Словарь. В 2-х кн. Кн. 2. – М.: МГОУ, 2007б. – 276 с.

144. Леденёва В.В. Полисемия в авторском словаре и проблема восприятия текста иностранными читателями//Сопоставительное изучение и преподавание русского языка как иностранного: лингвистический, литературоведческий и лингводидактический аспекты: коллективная монография /отв. ред. О.В. Шаталова, ред. кол. В.В. Леденёва, Л.Ф. Алексеева. М.: ИИУ МГОУ, 2018. – С. 47-58.

145. Леденёва В.В. Предикатный «конвой» в персонажной зоне повести «Островитяне» Н.С. Лескова [Текст]// Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвященной памяти д.филол.н. профессора Войловой К.А. (г. Москва, 25 февраля 2019 г.) / отв. ред. О.В. Шаталова, ред. колл.: И.А. Иванова, Т.М. Фадеева, Е.Д. Звукова, Т.В. Степаненкова. – М.: ИИУ МГОУ, 2019. – С. 128–134.

146. Лекант П.А. Современный русский язык. Синтаксис : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М. : Изд. центр «Академия». 2014.– 490 с.

147. Лекант П.А. Предикативная структура предложения // Средства выражения предикативных значений предложения. – М.: МОПИ, 1983. – С. 3–11.

148. Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям. – М.: ГИХЛ, 1954. – 683 с.

149. Лесков Н.С. Житие одной бабы (Из Гостомельских воспоминаний) [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru (Дата последнего обращения 26.03.2023)

150. Ли Джичи. Недоразумение между Толстым и Лесковым // Русская литература и искусство. – 1981. № 4. – С. 135 李纪慈. 托尔斯泰和列斯科夫的误会【J】. 俄罗斯文艺,1981, (4). 135

151. Либан Н.И. Кризис христианства в русской литературе и русской жизни// Н.И. Либан. Избранное: Слово о русской литературе: очерки, воспоминания, этюды. – М.: Прогресс-Плеяда, 2010. – С. 427–434.

152. Либан Н.И. Творчество Н.С. Лескова (60-80-х годов Х1Х века) // Н.И. Либан. Избранное: Слово о русской литературе: очерки, воспоминания, этюды. – М. : Прогресс-Плеяда, 2010. – С. 355–426.

153. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность от теории словесности к структуре текста: антол. / Ин-т народов России [и др.]; под общ. ред. В.П. Нерознака. – М., 1997. – С. 280–287.

154. Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература. – Л., 1981. – С. 158–165.

155. Лихачев Д.С. Слово о Лескове // Литературное наследство. Т. 101: Неизданный Лесков. Кн.1. – М.: Наследие, 1997. – С. 9–18.

156. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном // Преодоление времени: важные мысли и письма. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – С.7–126

157. Лошаков А.Г. И слово это было текстом… (Заметки о «-Тексте», Сверхтексте и их типологии //Лошаков А.Г., Папуша И.С., Беглова Е.И., Бойцова О.Ю., Ширинянц А.А., Гуторов В.А., Халикова Н.В., Симашко Т.В., Швецова В.М., Герасименко Н.А., Шаповалова Т.Е., Муратова Е.Ю., Акулова А.А., Леденёва В.В., Артамонова Ю.Д. ТЕКСТ ОСТАЁТСЯ ТЕКСТОМ? (КРУГЛЫЙ СТОЛ). Вестник Московского государственного

областного университета. 2017;(2):10. https://doi.org/10.18384/2224-0209-2017 - 2-806 – С. 3–8.

158. Луань Синь. Интерпретация и механизм: Соборяне и мессианское сознание // Иностранные языки и преподавание иностранных языков. – 2019. – № 307. – С. 139–145. 栾昕.阐释与机制: 《大堂神父》与“弥赛亚”意识[J].外语与教学, 2019(307):139–145.

159. Луань Синь. Лесков: Жизнь и творчество: Изд. 1-е. – М. : Изд-во Хэйлунцзянского университета. 2020. – 212 с. 栾昕.列斯科夫:生活与创作[M].哈尔滨:黑龙江大学出版社, 2020.

160. Луань Синь. Лесков: Образ и искусство: Изд. 1-е. – М. : Изд-во Хэйлунцзянского университета. 2021. – 232 с.栾昕.列斯科夫:形象与艺术[M].哈尔滨:黑龙江人民出版社, 2021.

161. Луань Синь. Эстетика и реальность: поэтика "остранения" пространства в языке и творчестве Лескова // Русский язык в Китае. – 2020. – Т. 39, – № 4. – С. 61–67. 栾昕.审美与现实: 列斯科夫语言艺术中的空间“陌生化”诗学[J].中国俄语教学, 2020(4): 61–67.

162. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство «Ось-89», 2009. – 560 с.

163. Лю Гэ, Цуй Вэй. О русских номинации и семантических деривациях // Исследования иностранных языков – 1994 . № 1

164. Лю Ш., Арсентьева И.И. Чай в России // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия : сборник Восточного центра. – 2012. – № 11. – С. 134–141. [Электронный ресурс] URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17659606

165. Майгур Н.В., Иерей Сергий (Тимошок), Купавская А.А. Агиоантропонимы «ВЕРОНИКА» и «ВИКТОРИЯ» как ономастические символы концепта «ЦЕЛОМУДРИЕ» // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». – 2016. № 4. – С. 662–669.

166. Максимчук Н.А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении: Автореф. дис…. д-ра филол. наук. – Смоленск, 2002. – 42 с.

167. Маркадэ Ж.К. Творчество Н.С. Лескова. Романы и хроники / Пер. с франц. А. И. Поповой, Е.Н. Березиной, Л.Н. Ефремова, М.Г. Сальман. – СПб. : Академический проект, 2006. – 478 с.

168. Маркелова Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке: Монография. – М. : МГУП, 2013. – 300 с.

169. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М., 2001. – 208 с.

170. Маслова В.А. Филологический анализ поэтического текста. М.: Изд-во Юрайт, 2019. – 179 с.

171. Матезиус В.О системном грамматическом анализе // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967. – С. 226–238.

172. Маханова Г.Е. Экзистенциальная составляющая концепта «СКУКА» // Вестник Брянского государственного университета. – 2016. – № 3 (29). – С. 153–155.

173. Меренкова Д.Е. Перевод окказиональной лексики Н.С. Лескова на английский язык // Казанская наука. – 2016. № 2. – С. 72–74.

174. Меренкова Д.Е. Способы передачи сказовой манеры Н.С. Лескова с русского на английский язык: Автореферат дис. … канд. филол. наук (10.02.20). – М., 2009. – 23 с.

175. Мир Н.С. Лескова: поэтика, прагматика, стилистика: Сборник докладов участников Национальной научнопрактической конференции, посвященной 190-летию со дня рождения Н.С. Лескова (г. Брянск, Брянская область, 18 февраля 2021 г.) / Под ред. А. В. Антюхова, О.А. Головачевой, И.И. Киютиной, Н. В. Трошиной. – Брянск: РИСО БГУ, 2021. – 434 с.

176. Миронова В.Г. Функционирование разговорных единиц в произведениях Н.С. Лескова (Сказовая форма повествования). Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1985. – 18 с.

177. Михеева А.А. О концепте «Любовь» в романе Н.С. Лескова «Обойденные» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – № 3. М.: Изд-во МГОУ. – 2007. – С. 104-107.

178. Михеева А.А. Средства изображения быта в романе Н.С. Лескова «Обойденные» // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: грамматика и текст: Межвуз. сб. научн. тр. – М.: МГОУ, 2005. – С. 220–222.

179. Михеева А.А. Художественно-стилистические функции средств номинации и предикации в романе Н.С. Лескова «Обойденные»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. –17 с.

180. Михеева А.А. О роли экстралингвистических факторов в номинации // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: средства и способы выражения: Межвуз. сб. научн. тр. – М.: МГОУ, 2004. – С. 194-196.

181. Михеева А.А., Леденёва В.В. Идиолектема обойденные как смысловая доминанта романа Н.С. Лескова // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: средства художественной образности и их стилистическое использование в тексте: Межвузовский сборник научных трудов, посвященный 85-летию профессора А.Н. Кожина.– М.: МГОУ, 2004. – С. 308-313.

182. Мюллер де Морог И. Марфа и Мария. Образ идеальной женщины в творчестве Лескова // Проблемы исторической поэтики. – 1998. – № 5. – С. 442–453.

183. Морковкин В.В. Идеографические словари. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 71 с.

184. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). – М.: ИРЯП, 1997. – 414 с.

185. Морозова Г.В. Изучение тематических групп на занятиях по речевой практике в иностранной аудитории // Terra Rusistica: Сборник материалов Первого международного форума молодых русистов. Сост. Е.В. Ковалых, С.В. Лукьянова, Н.С. Молчанова. – Псков, 2021. – С. 233–237.

186. Мухин М.Ю. Лексическая статистика и идиостиль автора: корпусное идеографическое исследование (на материале произведений М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова): Автореферат дис. … докт. филол. наук (10.02.19). – Екатеринбург, 2011. – 43 с.

187. Мяо Линчжу перевод. Горький. История русской литературы: Изд. 1-е. – М. : Изд-во Шанхайское издательство переводов. 1979. – 601 с. 高尔基. 俄国文学史【M】. 缪灵珠译. 上海：上海译文出版社 1979

188. Н.С. Лесков в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста, публ. воспоминаний О. А. Фрибес, А.Е. Зарина и Е.И. Зариной, коммент. Л.И. Соболева; публ. фрагментов дневника С.И. Смирновой-Сазоновой и коммент. к ним Л.С. Даниловой и В.В. Соминой; предисл. А.М. Ранчина. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. (Серия «Россия в мемуарах»). – 832 с.

189. Найденова Н.С., Лабко В.А. Художественный текст как палимпсест: трудности перевода (на примере перевода повести Н.С. Лескова «Полунощники» на английский и французский языки) // Сибирский филологический журнал. – 2018. – № 2. – С. 264–275.

190. Несина И.И. Понятие «чай» и связанные с ним заимствования из китайского в лексико-семантическом поле русского языка // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 5–2. – С. 28–33.

191. Ни Ц., Иосифова В.Е. Концепт «Чай» в китайской и русской культурах // Научные труды Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского. Материалы докладов. Сер. «Гуманитарные науки, 2022». –Калуга. 2022 . – С. 84–90.

192. Николина Н.А. Филологический анализ текста : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности "Русский язык и литература". – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Москва. Академия, 2007. – 268 с.

193. Никульникова Я.С., Каминская Э.А. Особенности стиля и языка Н.С. Лескова // The Scintific Heritage. – 2021. – № 60-3 (60). – С. 51–54.

194. Новиков Л. А. Значение эстетического знака // Избранные труды. Том II. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. – М., 2001. – 844 с.

195. Новикова-Строганова А.А. «Слово, которое проповедуем…»: К 120-летию памяти Н.С. Лескова. [Электронный ресурс] URL: https://spbda.ru/publications/a-a-novikova-stroganova-k-120-letiyu-pamyati-n-s-leskova/ 2015

196. Орлов А.С. Язык русских писателей. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1948. – 192 с.

197. Полетаева В.В. Одежда как отражение социальной структуры российского общества первой половины XIXвека (на примере костюма дворянского и крестьянского сословия) // Научные достижения и открытия современной молодежи: сборник статей победителей международной научно-практической конференции: в 2 частях. – Пенза: Изд-во "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г.Ю.), 2017. – С. 302–304.

198. Попова И.М., Кольцов Д.А. Функциональность «чужого слова» в художественном тексте (на материале очерка Н.С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда») // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. – 2012 . – № 2 (40). – С. 280–285.

199. Потёмкина Е.В., Ружицкий И.В. Homo Increpans: бранная лексика в речи персонажей Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова. Статья первая // Stephanos. – 2019. – № 03 (35). – С. 78-89. DOI 10.24249/2309-9917-2019-35-3-78-89

200. Пузырёва Л.В. Мотив чаепития в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: Сборник статей по материалам III Всероссийской научной конференции молодых учёных. Под общей редакцией: Ж.А. Храмушина, А.С. Поршнева, Л.А. Запевалова, А.А. Ширшикова; Уральский федеральный университет, кафедра иностранных языков Физико-технологического института. – Екатеринбург, 2013. – С. 147–153.

201. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета. – М.: Флинта, Наука, 2010. – 328 с.

202. Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. [Электронный ресурс] URL: https://thelib.ru/books/t_b_radbil/yazykovye_anomalii_v_hudozhestvennom_tekste_andrey_platonov_i_drugie-read-7.html

203. Робустова В.В. О когнитивной ономастике // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 1. Язык. Познание. Культура. – С. 41–49.

204. Робустова В.В. Ономастическая лексика как способ вербализации концептов // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 2. – С. 20–30.

205. Рождественский Ю.В. Общая филология – М.: Фонд "Новое тысячелетие", 1996. – 325 с.

206. Розанов В.В. Собрание сочинений /Под общ. ред. А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 1994. – 493 с.

207. Рябиничева Т.Н. Образ улицы в повести «Шинель» Н.В. Гоголя: аспекты номинации и предикации [Текст] // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2010. – № 2. – С. 98–102.

208. Святославский А.В. Художественный текст Михаила Пришвина: лингвостилистический аспект: Монография. – М.: МПГУ, 2019. – 163 с.

209. Сироткина Т.А. Ономастические концепты в художественном сознании автора // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2013. – № 18. – С. 174–176.

210. Смоленский Н.И., Песоцкий В.А., Алпатова Т.А., Халикова Н.В., Леденёва В.В., Ларионов А.Э., Багдасарян В.Э., Бруз В.В. Художественно-образное и научное (научно-историческое) постижение действительности: проблема соотношения (круглый стол) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2017. – №4. – С. 14-67. DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-14-67.

211. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-90-е годы XIX в. – М.-Л.: Наука, 1965. – 565 с.

212. Сороченко Е.Н. Концепт «СКУКА» и его лингвистическое представление в текстах романов И.А. Гончарова: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Ставропольский гос. университет. – Ставрополь, 2003. – 20 с.

213. Способы номинации в современном русском языке [Д.Н. Шмелев, А.Ф. Журавлев, О.П. Ермакова и др.; Отв. ред. Д.Н. Шмелев]. – М.: Наука, 1982. – 296 с.

214. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения: Семиотическая грамматика. – М. : Высшая школа, 1981. – 183 с.

215. Столярова И.В. Лесков и Россия // Н.С. Лесков. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Т. 1. – М.: ТЕРРА, 1996. – С. 7-100.

216. Столярова И.В. На пути к перерождению: человек в прозе Н.С. Лескова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. – 327 с.

217. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: Изд. группа «Прогресс», «Культура», 1995. 624 с.

218. Троицкий В.Ю. Россия Лескова: Русская идея и русский характер (к вопросу о методологии исследования) // Н.С. Лесков в пространстве современной филологической мысли (К 175-летию со дня рождения). – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – С. 31–42.

219. Тюхова Е. В. Новые книги о Н.С. Лескове (к 175-летию писателя) // Лесковский сборник – 2007. Орел : Орловский гос. ун-т, 2007. – С. 347–360.

220. Уртминцева М.Г., Шавлюк О.Ю. Древнерусский пролог и особенности его интерпретации в языке Н.С. Лескова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2022. – № 4. – С. 198–203.

221. Усачева В.С. Ономастическое пространство в произведении Н.С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» // Филология и лингвистика в современном мире: Материалы I Междунар. научн. конф. – М.: Буки-Веди, 2017. – С. 26–29.

222. Флоренский П.А. Имена. Часть 1. Имена (ономатология). – М., Изд-во Мысль, 2000. [Электронный ресурс] URL: http://www.agnuz.info/app/webroot/library/211/173/ (Дата обращения: 20.03.2023)

223. Хазимуллина Е.Е., Фомина Ю. С. Концепт «русский» в сознании студентов вузов г. Уфы // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: Сб. науч. тр. Вып. 2. – Архангельск : ПГУ им. М. В. Ломоносова, 2005. – С. 43–50.

224. Хализев В.Е. Художественный мир писателя и бытовая культура (на материале произведений Н.С. Лескова) // Континент 1981: теоретико-литературные исследования. – М.: Наука, 1982. – С. 110–145.

225. Халикова М.В. Характеристики этнокультурных антропонимических образов и их место в различных классификациях концептов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 5 (97). – С. 236–241.

226. Халикова Н.В. Роль стилистического приёма в создании образа автора // Литература в школе. – 2020а. – № 4. – С. 81–91.

227. Халикова Н.В. «Человек за текстом»: к вопросу о методике обучения лингвистическому анализу категории «образ автора» // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2019. – № 4(22). – С. 13. DOI 10.34680.2411-7951.2019.4(22).13

228. Халикова Н.В. Формальная и семантическая структура словесного образа «ветер дует» в текстах произведений И.А. Бунина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2020б. № 4. – С. 51–59. https://doi.org/10.18384/2310-7278-2020-4-51-59

229. Халикова Н.В. Категории художественного текста в их отношении к категориям языка // Текст остаётся текстом? (Круглый стол) / Лошаков А.Г., Папуша И.С., Беглова Е.И., Бойцова О.Ю., Ширинянц А.А., Гуторов В.А., Халикова Н.В., Симашко Т.В., Швецова В.М., Герасименко Н.А., Шаповалова Т.Е., Муратова Е.Ю., Акулова А.А., Леденёва В.В.,

Артамонова Ю.Д. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2017. – № 2. – С. 29–32. URL: www.evestnik-mgou.ru

230. Халикова Н.В. Образно-метафорическое пространство термина в языке научных текстов В.В. Виноградова // Русский язык в школе. – 2018;79(9): – С. 61-66. URL: https://doi.org/10.30515/0131-6141-2018-79-9-61-66

231. Хлупина М.А. Особенности языковой личности С.А. Довлатова: автореф. Дис. … канд. филол. наук. – М.: МГОУ, 2015. – 25 с.

232. Цао Цзинхуа. История русской и советской литературы (том 1): монография; изд. 1-е. Изд-во Хэнаньской образовательной прессы, 1992. – 642 с. 曹靖华主编. 俄苏文学史(第一卷)【M】. 郑州：河南教育出版社 1992.

233. Цао Цзинхуа. История русской литературы (том 1) : монография; изд. 1-е. Изд-во народной литературы, 1989. – 424 с. 曹靖华主编. 俄国文学史(第一卷)【M】. 北京：人民文学出版社 1989.

234. Цзян Юань. Номинация как область современных лингвистических разысканий // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2019 [Электронный ресурс] : сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой памяти профессора П. А. Леканта (г. Москва, 19 ноября 2019 г.) / ред. колл.: Н. Б. Самсонов (отв. ред.) и др. – Электрон. текстовые дан. (8,70 Мб). – М. : ИИУ МГОУ, 2019а. – С. 349-352. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

235. Цзян Юань. Об изучении языка и стиля Н.С. Лескова в Китае // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2019б. – № 2. – С. 45–51. DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-45-51

236. Цзян Юань. Отображение короткого счастья в трагической жизни средствами номинации и предикации в очерке «Леди Макбет Мценского

уезда» Н.С. Лескова // Верхневолжский филологический вестник. – 2020а. –№1. – С. 66–72.

237. Цзян Юань. Отражение фрагмента русской языковой картины мира ‘одежда’ в бытовых номинациях повести Н.С. Лескова «Житие одной бабы» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2020б. – № 3. – С. 49–56.

238. Цзян Юань. Отражение фрагмента русской языковой картины мира ‘жилье’ в бытовых номинациях повести Н.С. Лескова «Житие одной бабы» // Русский язык: история, диалекты, современность: сборник научных статей по материалам докладов и сообщений конференции /отв. ред. Л.Ф. Копосов; сост. Л.Ф. Копосов, Ю.В. Коренева, О.В. Ряховская. – Вып.XVIII. – М.: ИИУ МГОУ, 2019в. – С. 287–293.

239. Чечулина Л.С. Реализация предикативного потенциала имени прилагательного // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург, 1999. – С. 131–135.

240. Чжан Фэнь. Исследователь русского духовного мира – Лесков и его язык. // Рединг – 2010. – № 9. – С. 96–104.张芬. 俄罗斯精神世界的漫游者——列斯科夫及其语言【J】. 读书, 2010, (9).

241. Чжан Хунхао. Лесков. //Советская литература. – 1981. – № 7. – С. 59–61.张洪榛. 列斯科夫 【J】. 苏联文学, 1981, (7).

242. Чжэн Сяотин. Разгадка «Самого русского русского писателя»: Комментарий к Лескову: образ и искусство // Журнал Муданьцзянского института образования. – 2022. – № 3. – С. 27–30. 郑晓婷.解密“最俄国的俄国作家”-评《列斯科夫：形象与艺术》 [J].牡丹江教育学院学报, 2022(3):27–30.

243. Чэнь Си. Тип и смысловые характеристики номинации // Русский язык в Китае. – 2003. № 1.

244. Чэнь Фу. Переведенные заметки: «Соборяне»: монография; изд. 1-е. Изд-во Издательство иностранной литературы. –1984. – 120 с. 陈馥. 译后记. 载《大堂神父》【M】. 北京：外国文学出版社，1984.

245. Чэнь Фу. Перевод Лесков: «Соборяне»: монография; изд. 1-е. Изд-во Издательство иностранной литературы. –1984. – 440 с. 列斯科夫. 大堂神父【M】. 陈馥译. 北京：外国文学出版社 1984

246. Чэнь Цзе. Классика и личность. Дискуссия о воплощении русских культурных традиций в творчестве Лескова // Цзяньнаньская литература. – 2011. – № 9. – С. 71 陈洁. 经典与个性——试论俄罗斯文化传统在列斯科夫作品中的体现【J】. 剑南文学，2011，(9).

247. Шаповалова Т.Е. От временной обобщённости к вневременности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: «Русская филология». – 2013. – № 4. – С. 18–21.

248. Шаповалова Т.Е. Темпоральная семантика поэтического высказывания [Электронный ресурс]: монография. – Электрон. текстовые дан. (7,28 Мб). – Москва : ИИУ МГОУ, 2020. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

249. Шведова Н.Ю. Типы контекстов, конституирующих многоаспектное описание слова // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. Виноградовские чтения. XI. – М.: Наука, 1982. – С. 142–154.

250. Швецова В.М. Голографичность как свойство художественного текста // Текст остаётся текстом? (Круглый стол) / Лошаков А.Г., Папуша И.С., Беглова Е.И., Бойцова О.Ю., Ширинянц А.А., Гуторов В.А., Халикова Н.В., Симашко Т.В., Швецова В.М., Герасименко Н.А., Шаповалова Т.Е., Муратова Е.Ю., Акулова А.А., Леденёва В.В., Артамонова Ю.Д. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2017. – № 2. – С. 40–44.

251. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.

252. Щемелинина И.Н. Номинация князь в русской языковой картине мира (по данным сочинения Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича») // Язык и текст. – 2015. – Т. 2. №4. – С. 6–13. Сайт: URL: http://psyjournals.ru/langp

253. Щенина Т.Е. Психологические аспекты обвиняемой-женщины в художественном образе (на примере творчества Н.С. Лескова) // Культура: управление, экономика, право. – 2009. – № 3. – С. 6–9.

254. Щербак А.С. Когнитивные основы региональной ономастики. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012а. – 319 с.

255. Щербак А.С. Ономастические категории: соотношение языковых и когнитивных структур // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, – 2012б. – № 4. – С. 78–83.

256. Эйхенбаум Б. «Чрезмерный» писатель (К 100-летию рождения Н. Лескова) // Эйхенбаум Б. О прозе: Сб. ст. / Сост. и подгот. текста И. Ямпольского; Вступ. ст. Г. Бялого. – Л.: Худож. лит. Ленингр. отд., 1969. – С. 327–345. URL: [http://feb-web.ru/feb/classics/critics/eixenbaum/eih/eih-327-.htm]

257. Ю Лиде. Исследование маргинальной темы «Соборяне» с точки зрения многостороннего характера Савелия // Писатель. – 2008. – № 2. – С. 111.于立得. 从萨维利的多边性格看《大堂神父》边缘主题【J】. 作家, 2008, (2)

258. Ю Лиде. Исследование русского национального характера в произведении Лескова: Дис... канд.. наук. – М. Сычуаньский университет, 2005. – 212 с. 于立得. 试析列斯科夫笔下的俄罗斯民族性格[D]. 四川大学, 2005

259. Ю Лиде. Настойчивость преследования, безнадежность борьбы; Анализ персонажей «Соборяне» // Южный журнал – 2008. – № 2. – С. 93–94.于立得. 追求的执着, 抗争的无望——《大堂神父》人物解读【J】. 南方论刊, 2008(2).

260. Язык художественной литературы: традиционные и современные методы исследования. Сборник научных статей по материалам международной

конференции памяти Н.А. Кожевниковой. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. – 795 с.

261. Ян Юбо. Анализ стилистического оформления повествовательного произведения Лескова // Журнал Шанхайского педагогического университета (издание по философии и социальным наукам). – 2019. – № 307. – С. 56–61. 杨玉波. 列斯科夫讲述体小说文体辨析【J】. 上海师范大学学报(哲学社会科学，2005，(2).

262. Ян Юбо. Исследование стиля произведения Лескова: Дис... канд. наук. / Шанхайский университет иностранных языков. – Шанхай, 2005. – 273с. 杨玉波. 列斯科夫小说文体研究【D】. 上海师范人学，2005.

263. Ян Юбо. Краткое содержание создания романа Лескова // Журнал Университета Цицикар (издание по философии и социальным наукам). – 2007. – № 1. – С.19–21.杨玉波. 列斯科夫小说创作综述【J】. 齐齐哈尔大学学报(哲学社会科学版)，2007(1).

264. Ян Юбо. Размышления Лескова о национальной трагедии и её трагических персонажах в произведении "Леди Макбет Мценского уезда" // Журнал Университета Цицикар (издание по философии и социальным наукам) – 2004. – № 4. – С. 9–12. 杨玉波. 列斯科夫的民族悲剧思想及其悲剧性人物——从《姆岑斯克县的麦克白夫人》谈起【J】. 齐齐哈尔大学学报(哲学社会科学版)，2004，(4)

265. Ян Юбо. О стилистических особенностях произведений Лескова // Журнал университета Суйхуа – 2007. – № 6. – С. 77-80.杨玉波. 论列斯科夫小说的文体特征【J】. 绥化学院学报，2007,(6).77-80.

266. Ян Юбо. Об искусстве повествования от первого лица в романах Лескова // Журнал социальных наук университета Цзямуси. – 2004. – № 1. – С. 66–68. 杨玉波. 论列斯科夫小说中的第一人称叙事艺术【J】. 佳木斯大学社会科学学报，2004，(1). 66-68.

267. Fusco A. "Lady Macbeth of Mtsensk District": A Tale Wavede On A Terrific Natural Scenary // Studia Humanitatis. – 2015. –№ 3. С. 17.

268. Kripke S. Naming and Necessity. – Cambridge, MA : Harvard UP, 1980. – 288 p. WooordHunt [Электронный ресурс] URL: http://wooordhunt.ru/word/boredom

ПРИЛОЖЕНИЕ

Конкорданс лексико-фразеологических единиц, составляющих картотеку исследования

Слово/ фразеологизм	Контекст употребления
азям	«Смотрю, два мещанина в синих ***азямах*** держат за руки бабочку молоденькую...» («Жит.»)[1]
амбар	«Из-за ***амбара*** выступила Настя и назвала его по имени» («Жит.»).
амбар	«Люди в кухне поужинали и расходились по двору спать: кто под сараи, кто к ***амбарам***…» («ЛМ»).[2]
амбар	«Красная-раскрасная, поправила она, сидя на мерке, свалившуюся с плеча шубку и тихо пошла из ***амбара***...» («ЛМ»).
амбар	«Тут тоже посидит, поглазеет, как у ***амбаров*** пеньку вешают или крупчатку ссыпают…» («ЛМ»).
амбар	«На дворе так светло и крепко дышится, а на галерее у ***амбаров*** такой хохот веселый стоит» («ЛМ»).
амбар	«…и к утру он умер, и как раз так, как умирали у него в ***амбарах*** крысы…» («ЛМ»).
амбар	«…луна спряталась за крутую крышу высоких ***амбаров***…» («ЛМ»).
амбарчик	«Настя испугалась, отбежала за ***амбарчик***…» («Жит.»).
амуры идут	«…сказывают, – говорил он, – будто у нее с ихним приказчиком Сережкой по всякую минуту ***амуры идут***...» («ЛМ»).
анбарчик	«Выдерет конопли, обмолотит, ссыплет в ***анбарчик***, и черт ему не брат…» («Жит.»).
ангел небесный	«Всегда Настя была добрая и кроткая, а тут, в эти три недели, совсем точно ***ангел небесный*** стала» («Жит.»).
апартаменты	«И живут в этих ***апартаментах***, пока детвора пойдёт» («Жит.»).
бахрома	«В притворе церковном свахи завернули ей косу под белую женскую повязку с красной бумажной ***бахромой***...» («Жит.»).
башмак	«…да мне вот стоптанный Сонеткин ***башмак*** милее ее рожи, кошки эдакой ободранной…» («ЛМ»).
бедность	«…характер был пылкий, и, живя девушкой в ***бедности***, она привыкла к простоте и свободе» («ЛМ»).
бежать (о лошади)	«А продрогшие лошадки ***бежали*** частой *трусцой* и скоро добежали до избы с резным коньком и ставнями» («Жит.»).
бежать трусцой	«А продрогшие лошадки *бежали* частой ***трусцой*** и скоро добежали до избы с резным коньком и ставнями» («Жит.»).
белое	«Аркадию убрать обречённую девушку после театра «в невинном виде святою Цецилией», и ***во всем в белом***, в венке и с лилией в руках символизированную innocence доставляли на графскую половину» («ТХ»).[3]
бельё	«То же самое находили прачки, мывшие ***белье*** на учеников О ского благородного мужского пансиона » («Жит.»).
благодушествовать	«Становой сидел у раскольницы Меланьи и ***благодушествовал*** с нею за наливкой» («Жит.»).

[1] Н.С. Лесков. «Житие одной бабы», URL

[2] Н.С.Лесков. Леди Макбет Мценского уезда», URL

[3] Н.С. Лесков. «Тупейный художник», URL

бледный как смерть	«Настя надела поданное ей колечко, а сама ***бледная как смерть***» («Жит.»).
блуза	«Сергей понёс за нею ковёрчик и ***блузу***, которую она, расшалившись, сбросила» («ЛМ»).
блуза	«...отвечала Катерина Львовна и, привставая, начала надевать *распашную ситцевую* ***блузу***» («ЛМ»).
брага	«При этом, разумеется, было и выпито вдоволь и водки, и пива, и домашней ***браги***, и мёду сычёного» («Жит.»).
брага	«Григорий выпил стаканов шесть ***браги***, а Настя и полстакана не могла выпить, потому что брага была хмельная, разымчивая» («Жит.»).
брага	«…***брага*** была хмельная, разымчивая» («Жит.»).
брага	«Григорий выпил шестой стакан ***браги***, словно развеселился и стал все засовывать руку за спину жене, стараясь её как бы обнять» («Жит.»).
брага	«У нас в такую ***брагу*** пенного вина подбавляют...» («Жит.»).
брага	«...свашенька Варвара поусердствовала для молодых и, отняв для них ***браги*** в особый кубан...» («Жит.»).
брага	«Без привычки таки этой ***браги***, сыченой с пенником или с простой полугарной водкой, никак нельзя пить » («Жит.»).
брага сыченая	««Без привычки таки этой *браги,* ***сыченой*** *с пенником* или с простой полугарной водкой, никак нельзя пить » («Жит.»).» («Жит.»).
брага хлебная	«А мужики охотно портят вкусную ***хлебную брагу*** винной подмесью, потому что с подмесью она крепче, «сногсшибательнее» («Жит.»).
бричка (барская)	«Сделалось это дело; привёз Костик молодую жену от венца в *барской* ***бричке***…» («Жит.»).
бумага	«Выложила Настя свои заветные ручники, на которых красной и синей ***бумагой*** были вышиты петухи, решётки, деревья и павлины, и задумалась над этими ручниками» («Жит.»).
бурка	«...он оглянулся на едущего верхом сморчка *в* ***бурке*** и в военной фуражке с кокардой и добавил…» («ЛМ»).
бурка	«…у него под ***буркой*** по крайности дождём не пробирает» («ЛМ»).
в огонь, в воду, в темницу и на кресть	Катерина Львовна теперь готова была за Сергея ***в огонь, в воду, в темницу и на крест»*** («ЛМ»).
валенки	«Его баранья шапка, волосы, борода, тулуп и ***валенки*** представляли одну сплошную белую массу» («Жит.»).
валенки	«Захар дал Степану три целковых и шесть гривен медью, тулуп для Насти, старые ***валенки***…» («Жит.»).
валять	«Поставила барыня девочку на пол; подняла ей подольчик рубашечки, да и ну её ***валять*** *ладонью*, – словно как и не своё дитя родное» («Жит.»).
венок	«Аркадию убрать обречённую девушку после театра «в невинном виде святою Цецилией», и во всем в белом, ***в венке*** и с лилией в руках символизированную innocence доставляли на графскую половину» («Тупейный художник» URL)
веночек	«Григорий садовник опять нас будет качать, вишень нам даст, ***веночек*** тебе совьёт…» («Жит.»).
веночек	«Добрая, вся в белом, длинном-длинном платьице, а на голове ***веночек*** из белых цветочков...» («Жит.»).

веретье	«...положила её в холодную постель и одела ***веретьем***, а сверху двумя тулупами» («Жит.»).
веретье	«...а Настя сидела на полу в темном уголке, закутанная в белом ***веретье***» («Жит.»).
веретье	«…лежала, прислонясь к рухляди, вся закутанная ***веретьем»*** («Жит.»).
верх	«Минут через пять к ней туда же ***на верх*** молча вошёл Сергей в романовском полушубке, отороченном пушистым котиком» («ЛМ»).
верхний пол	«Заметив на ***верхнем полу*** раскрасневшуюся молодую бабочку, бывшую Настиной свахой, он выразительно кивнул ей головой и опять продолжал потчевание» («Жит.»).
верхний пол	«...воскликнула кузнечиха и пихнула Настю опять на ***верхний пол***» («Жит.»).
вечерять	«– Матвеич! ***вечерять*** пора. Ужинать собрали, – крикнула через окно жена Прокудина» («Жит.»).
вечерять	«– Ладно. ***Вечеряйте***, мы после придём…» («Жит.»).
вещь	«...а в четвертой стояли сундуки, платье висело и разные домашние ***вещи***» («Жит.»).
вещь	«Мало вынесла с собою Катерина Львовна в пестрядинном мешке ценных ***вещей*** и еще того меньше наличных денег» («ЛМ»).
взъехать	«…и *трое дрожек* ***взъехали*** на зелёный двор Силы Ивановича» («Жит.»).
взять (в рот нельзя взять)	«Настя щи пересолила так, что их ***в рот нельзя было взять***, а кашу засыпала такую густую, что она ушла из горшка в печке» («Жит.»).
винище	«А ***винище*** откупщик Мамонтов продавал такое же поганое, как и десять лет назад было...» («Жит.»).
вино	«Так и ***вина*** Настя хлебнула с Григорьем из одной чашки «в знак единения», тихо и покойно» («Жит.»).
вино	«…говорил Прокудин, выгадывая время, чтобы Костика покрепче разобрало ***вино*** и жадность» («Жит.»).
вино пенное	«У нас в такую брагу ***пенного вина*** подбавляют...» («Жит.»).
винцо	«…сама себе плакончик завела и ***винца*** покупаю…» («ТХ»).
винцо	«Много было в эти ночи в спальне Зиновия Борисыча и ***винца*** из свекрового погреба попито…» («Леди Макбет Мценского уезда» URL)
винцо	«…и теперь без этого уснуть не могу, и сама себе плакончик завела и ***винца*** покупаю…» («Тупейный художник» URL»)
влюбить	Он ***влюбил*** её в себя до того, что меры её преданности ему не было никакой» («ЛМ»).
вода	«Настя и пила молоко от крылушкинской коровы, как ***воду***, сплошь все дни, и среды, и пятницы» («Жит.»).
вода	«***Вода*** ещё не остыла в самоваре, из которого Зиновий Борисыч распаривал отравленным чаем свою хозяйскую душеньку, и пятно вымылось без всякого следа» («ЛМ»).
вода	…"утюжат", да "шпандорют", да за ***водой*** либо за водкой посылают, а там уж кой-чему учить станут» («Жит.»).
вода богоявленская	«Нет, – думает она, – больше ничего, как непременно завтра надо *богоявленской* ***воды*** взять на кровать…» («ЛМ»).
водица	«Встала Настя, напилась ***водицы*** и опять села за пряжу» («Жит.»).
водица	«…сунул он ему глиняный кувшин ***водицы****...»* («Леди Макбет

	Мценского уезда» URL)
водица	«...утихомирься ты, перекрестись, испей ***водицы***!" » («Жит.»).
водица	«Степан приходил на прокудинский загон попросить ***водицы***...» («Жит.»).
водка	«При этом, разумеется, было и выпито вдоволь и ***водки***, и пива, и домашней браги, и мёду сычёного» («Жит.»).
водка	«...значительно сказала сваха и, заставив молодого выпить стакан ***водки***, повела его к Насте» («Жит.»).
водка	«Купил полведра ***водки***, заказал обед и пригласил мужиков» («Жит.»).
водка	«Не пей – это ***водка***» («ТХ»).
водка	«…он торговал и овсом, и ***водкой***…» («Жит.»).
водка	«– То-то! – значительно сказала сваха и, заставив молодого выпить стакан ***водки***, повела его к Насте» («Жит.»).
водка	«В пуньке она опять налила ***водки*** и поднесла Насте» («Жит.»).
водка	«....а барыня сняла со шкафа бутыль с зоревой настойкой и нацедила два графинчика ***водки***» («Жит.»).
водка	«Между тем стали потчевать ***водкою*** поезжан, и начались приговорки: «горько» («Жит.»).
водка	«…и ***водки*** и *закусок* с собой принесли, да Настя наотрез сказала, что не пустит их и чтоб этого в другой раз не было» («Жит.»).
водка	«– На этом пароме, сказывают, кто-то ***водку*** держит…» («ЛМ»).
водка	…"утюжат", да "шпандорют", да за водой либо за ***водкой*** посылают, а там уж кой-чему учить станут» («Жит.»).
водка полугарная	««Без привычки таки этой браги, сыченой с пенником или с простой ***полугарной водкой***, никак нельзя пить » («Жит.»).» («Жит.»).
водочка	«Костик все чаще навещал Прокудина; сидели, ***водочку*** вместе попивали, а о деле, насчет конопли, ни слова» («Жит.»).
водочка	«Купчиха, а ну-ко по старой дружбе угости ***водочкой***» («ЛМ»).
водочка	«– Ну а ***водочки*** и я б уж выпила: мочи нет холодно, – прозвенела Сонетка» («ЛМ»).
водочка	«– А ***водочки*** нет? – спросил кузнец. («Жит.»).
водочка	«– Как же ***водочки***-то ты не припасла?» («Жит.»).
ворота	«Крылушкин выглянул в окно и увидел у своих ***ворот*** трое дрожек…» («Жит.»).
ворота	Лежит она с открытыми глазами и вдруг слышит, что на двор будто кто-то через ***ворота*** перелез. («ЛМ»).
ворота	«...неприветливо встретил партию, выступавшую за ***ворота*** душного этапа» » («ЛМ»).
ворота	«Часу в третьем ночи раздался стук в ***ворота***...» («Жит.»).
ворота	«...вошел и сам отпер ***ворота*** своего дворика» («Жит.»).
ворота	«Настя же никому и вида не подала, а только стала ***ворота*** задворка запирать ночью на задвижку изнутри» («Жит.»).
ворота	«Прощай, отвечала Настя и скользнула в ***ворота***» («Жит.»).
ворота	«...и побежала к своим ***воротам...***» («Жит.»).
ворота	«...знал, как нужно браться за ***ворота*** прокудинского задворка...» («Жит.»).
ворота	«...замолчала и стала смотреть на ***ворота...***» («Жит.»).
ворота	« В Дмитровке вывели утром этап и стали поверять у ***ворот***» («Жит.»).
ворота	«В одну прекрасную июльскую ночь ***ворота*** крылушкинского дома

	зашатались…» («Жит.»).
ворота	« ...она тигрицею бросилась на железные ***ворота*** тюрьмы...» («Жит.»).
ворота (острожные)	«…клейменый Сергей вышел в одной с нею кучке за *острожные* ***ворота***» («ЛМ»).
вороты	«И как въехал в это время в ***вороты*** навозник Филипп, я и говорю ему…» («ТХ»).
вороты	«Надо пойти ***вороты*** запереть» («Жит.»).
всё равно (что...)	«…Он мне ***всё равно что*** вон наш *кобель рябый*» («Жит.»).
вход	«Ах ты, Катерина Ильвовна! – говорил он, обнимая её при ***входе*** на ступени этапного дома» («ЛМ»).
въехать	«И как ***въехал*** в это время в вороты навозник Филипп, я и говорю ему…» («ТХ»).
вылопать	«Сливки тут-то я на окне поставила: беспременно он, подлый, у меня *их* ***вылопает***. Выгнать его» («ЛМ»).
выпивать	«Я подносил, и за каждой подноской меня заставляли ***выпивать*** первый стаканчик...» («Жит.»).
выпить	«При этом, разумеется, было и ***выпито*** вдоволь и водки, и пива, и домашней браги, и меду сыченого» («Жит.»).
выпить	«– Постой, сичас Гришка придет, пойдем повечеряем; хоть ***выпьем*** по крайности вместе» («Жит.»).
выпить	« – Погоди, прыток больно. Вот ***выпьем*** да капусткой закусим, тогда и дело будет» («Жит.»).
выпить	«– ***Выпьем***-ка по другому, – сказал Прокудин. Выпили. («Жит.»).
выпить	«– Выпьем-ка по другому, – сказал Прокудин. ***Выпили***. («Жит.»).
выпить	«И ещё по одной ***выпили»*** («Жит.»).
выпить	«– А вот ***выпьем***, да и скажу» («Жит.»).
выпить	«Они поцеловались, и ещё по стакану ***выпили***, и ещё, и ещё, и так весь штоф высушили. («Жит.»).
выпить	«Григорий ***выпил*** стаканов шесть браги…» («Жит.»).
выпить	«…Настя и полстакана не могла ***выпить***, потому что брага была хмельная, разымчивая» («Жит.»).
выпить	«Григорий ***выпил*** шестой стакан браги, словно развеселился…» («Жит.»).
выпить	«***Выпил*** Григорий ещё два стакана, смелее целуясь с женою за каждым «горько» («Жит.»).
выпить	«...значительно сказала сваха и, заставив молодого ***выпить*** стакан водки, повела его к Насте» («Жит.»).
выпить	«Настя отпросилась от угощенья, а Григорий, совсем уже опьяневший, ещё ***выпил»*** («Жит.»).
выпить	«Сваха тоже ***выпила*** и, взяв штоф под мышку, вышла с фонарем вон и затворила за собою пуньку» («Жит.»).
выпить	«Пришли дружки, кое-кто из родных, опять ***выпили***, опять побалакали, да и про молодых опять вспомнили. «Пора подымать!» – сказала Варвара («Жит.»).
выпить	«Ну, дай же вам бог жить в счастье, радости, совете, любви да согласии! – ***выпил*** полрюмки, а остальным плеснул в потолок» («Жит.»).
выпить	«...жить да богатеть, а тебе, Настасьюшка, спереди горбатеть!» – и ***выпила»*** («Жит.»).
выпить	«Исай Матвеевич с Костиком ***выпили*** по третьему пропускному

	стаканчику…» («Жит.»).
выпить	«Ну а водочки и я б уж ***выпила***: мочи нет холодно, – прозвенела Сонетка» («Леди Макбет Мценского уезда» URL)
выпить	«Я с собой не совладала раз, ***выпила***… добрые люди мне дали…» («ТХ»).
выпить	«Я сразу весь плакон ***выпила***» («ТХ»).
выпить	«Противно было, но спать без того не могла, и на другую ночь тоже… ***выпила***… и теперь без этого уснуть не могу…» («ТХ»).
выпить	«Сваха тоже ***выпила*** и, взяв штоф под мышку, вышла с фонарем вон и затворила за собою пуньку («Жит.»).
выпить	«– То-то! – значительно сказала сваха и, заставив молодого ***выпить*** стакан водки, повела его к Насте» («Жит.»).
выпить	«Не пей – это водка. Я с собой не совладала раз, ***выпила***…» («Тупейный художник» URL»).
выпить	«...палач, говорят, тульский был привезён, и ему перед делом три стакана рому дали ***выпить***» («Тупейный художник» URL»).
выпить	«…я эту женщину жалела, и когда она, бывало, ночью не очень ***выпьет***, так любила ее слушать…» («ТХ»).
выпить	«Постой, сичас Гришка придет, пойдем повечеряем; хоть ***выпьем*** по крайности вместе» («Жит.»).
выпить	«А вот ***выпьем***, да и скажу. ***Выпили*** по четвертому стакану» («Жит.»).
выпить	«***Выпили*** по четвертому стакану» («Жит.»).
выпить	«Они поцеловались, и еще по стакану ***выпили***, и еще, и еще, и так весь штоф высушили. » («Жит.»).
выпхнуть	«***Выпхнули*** на позор, на муку, да меня ж упрекают, на меня ж плачутся» («Жит.»).
высушить	«Они поцеловались, и ещё по стакану выпили, и ещё, и ещё, и так весь штоф ***высушили***. («Жит.»).
вышка	«Катерина Львовна от нечего делать рано повечерила, открыла у себя на ***вышке*** окошечко…» («ЛМ»).
вышка	«…и вернулся на ***вышку***» («ЛМ»).
вышка	«…но он кинулся прямо на ***вышку***» («ЛМ»).
галдарея	«Я ведь небось слыхала, – как ты на ***галдарее*** пел…» («ЛМ»).
галереечка	«…он не шмыгнул по столбу вниз, а приютился под лубком на ***галереечке***» («ЛМ»).
галерейка	«В это время она сама раздула самоварчик и тихонько запорхнула к Сергею на ***галерейку***» («ЛМ»).
галерея	«На дворе так светло и крепко дышится, а на ***галерее*** у амбаров такой хохот веселый стоит» («ЛМ»).
галерея	«Мне что к тебе, что от тебя – везде двери, – отвечал молодец, указывая на столбы, поддерживающие ***галерею***» («ЛМ»).
галерея	«А Сергею отсюда с ***галереи*** все слышно, что в спальне происходит» («ЛМ»).
гнев	«Катерина Львовна посмотрела на него с немым изумлением, но без ***гнева***» («ЛМ»).
годиться	«…Изгадила бабу так, что никуда она ***не*** стала ***годиться***» («Жит.»)
голубка	« На дворе, ***голубка***» («Жит.»)
горе	«Чуется во всем пора любви, пора тёмных желаний, томительных, и тоски безграничной для тех, кому не с кем делить ни ***горя,*** ни

	радостей» («Жит.»).
горе	« Да; а то разве без ***горя*** нешто проживешь, Сила Иваныч?» («Жит.»).
горе	«А у тебя много было ***горя,*** Настя?» («Жит.»).
горесть	«Силу Ивановича, что все свое сердце ему открыла, все свои ***горести*** и радости ему повычитала» («Жит.»).
горница	Катерина Львовна вскочила как лежала в одной рубашке, впустила мужа в ***горницу*** и опять нырнула в тёплую постель» («ЛМ»).
горница	«…и надумала просить свою пани, чтобы та взяла её в ***горницу***» («ТХ»).
горшок	«Каша ушла из ***горшка***, это хуже всего» («Жит.»).
горький	«Смерть ей жаль было Насти, а пособить она ей ничем не придумала; она и сама была такая же ***горькая***» («Жит.»)
горький	« О-о! да уж есть ли такой другой ***горький*** на свете, как он» («Жит.»).
горький	«Ведь мы с тобой оба ***горькие***» («Жит.»).
горько	«А Насте стало ещё ***горче***, ещё страшнее» («Жит.»)
горячее сердце	«Беда и тому, кому бог даёт прямую душу да ***горячее сердце*** нетерпеливое: станут такого колотить сызмальства и доколотят до гробовой доски» («Жит.»)
гостеванье	«Рада была Настя, что домой вернулась; надоело ей это ***гостеванье*** и пьянство» («Жит.»).
гостиная	«– Надо окна велеть закрыть, – сказала она и вышла в ***гостиную***…» («ЛМ»).
гостиная	«…Катерина Львовна произвольно кашлянула и с ожиданием посмотрела на дверь ***гостиной***…» («ЛМ»).
гостиная	«В ***гостиной*** послышался самый тихий шёпот…» («ЛМ»).
гостиная	«…ему послышалось, что Катерина Львовна сказала в ***гостиной*** "ну"…» («ЛМ»).
готовить	«…Настя пошла домой, чтобы ***готовить*** завтра обед» («Жит.»).
готовить	*«У* нас есть поверье, что влюбленная женщина всегда пересолит кушанье, которое ***готовит***» («Жит.»).
графская половина	«Камариновые же серьги*»*.....Это был первый знак особенной чести быть возведенною на краткий миг в одалиски владыки … убрать обреченную девушку после театра «в невинном виде святою Цецилией», и во всем в белом, в венке и с лилией в руках символизированную innocence доставляли на ***графскую половину***» («ТХ»).
гречишник	«...и вдруг перед самыми её глазами показался статный русый парень, в белой рубашке с красными ластовицами и в высокой шляпе ***гречишником***» («Жит.»).
грибки	*«*Поел Борис Тимофеич на ночь ***грибков*** с кашицей, и началась у него изжога» («ЛМ»).
грибки	«...умер Борис Тимофеич, да и умер, поевши ***грибков***…» («ЛМ»).
грустно	«Да так ***грустно***, словно чего-то у меня нет, словно что-то у меня отняли» («Жит.»).
грустно	*«Грустно*, да и только. Вылечите вы меня от этой *грусти*» («Жит.»).
грустно	« Все ей было ***грустно***, и все она не знала, что поделать с своею тоскою» («Жит.»).
грусть	*«*Вылечите вы меня от этой ***грусти***» («Жит.»).
грусть	«***Грусть***, *тоска* одолела Настю» («Жит.»).

грусть- тоска	«Песня поется: "без мила дружка *обуяла* ***грусть-тоска***"…» («ЛМ»).
гусак	«Григорий держал под одною рукою большого глинистого ***гусака,*** а под другою такого же пера гусыню» («Жит.»).
гусыня	«Григорий держал под одною рукою большого глинистого гусака, а под другою такого же пера ***гусыню»*** («Жит.»).
гусь	«Григорий поставил на пол ***гусей****...»* («Жит.»).
гусь жареный	«Угощенье было богатое: пироги, щи со свежиной, похлебка с потрохами, ***гуси*** *жареные*, солонина духовая с хреном, гусиные полотки, а после закуски разные: орехи, подсолнухи, столбики с инбирем и круглые прянички, а детям коньки пряничные» («Жит.»).
давать	«Он ей *не* ***давал*** никакого *лекарства,* только молока велел пить как можно больше» («Жит.»).
давать (лекарство)	«Стал ездить лекарь, стал прописывать *лекарства*, стали их ***давать*** мальчику по часам, то сама бабушка, а то Катерину Львовну попросит» («ЛМ»).
дамское платье	«…*а* ***дамские платья*** работы Ворт и сейчас называют "художественными произведениями"» («Тупейный художник» URL)
дать (лекарство)	«Катерина Львовна сидит у больного, и напоит его, и ***лекарство*** ему *даст* вовремя» («ЛМ»).
дверь	«Катерина Львовна тем временем слышит, как муж подошел к ***двери…»***. («ЛМ»).
дверь	«…и пошел приезжим ***двери*** открывать» («ТХ»).
дверь	«А их, слышно, народу много, и кои у ***дверей*** стоят, а два человека уже снаружи в окна смотрят» («ТХ»).
дверь	«...отперла мужу *сеничные* ***двери***, в которые тот вошел...» («Жит.»).
дверь	«Варвара отворила ***двери***, и все вошли в пуньку» («Жит.»).
дверь	«Опять отворили ***двери***, и все ввалились в тесную пуньку» («Жит.»).
дверь	«– Настя, отчини! – продолжал тот же голос под самою ***дверью*** пуньки» («Жит.»).
дверь	«…отворила дрожащими руками ***двери*** пуньки» («Жит.»).
дверь	«…а у ***дверей*** знакомой избы уперлась руками в притолки…» («Жит.»).
дверь	«Она проворно замкнула ***дверь***, сунула ключ в карман…» («ЛМ»).
дверь	«Только что стали есть молочную лапшу, ***дверь*** отворилась, и вошел Гришка» («Жит.»).
дверь	«– Сударыня! – произнес кто-то через две минуты у запертой ***двери*** Катерины Львовны» («ЛМ»).
дверь	– Свекор ***двери*** запрёт. («ЛМ»).
дверь	«Да каких ты это людей знала, что им только ***дверью*** к женщине и дорога?» («ЛМ»).
дверь	«Мне что к тебе, что от тебя – везде ***двери***, – отвечал молодец…» («ЛМ»).
дверь	«Проведала она, где Сергей, поговорила с ним через железную ***дверь***…» («ЛМ»).
дверь	«…но опять слышит она сквозь сон, будто опять ***дверь*** отворилась …» («ЛМ»).
дверь	«***Дверь*** теперь уж нарочно я сама, своими руками на ключ заперла» («ЛМ»).
дверь	«…железная клямка внизу щелкнула, и ***дверь*** отворилась» («ЛМ»).
дверь	«…действительно кто-то приближался к запертой ***двери*** спальни» («ЛМ»).

дверь	«…но, наконец, Зиновию Борисычу надоело стоять за ***дверью*** да слушать, как жена спит: он постучался» («ЛМ»).
дверь	«Он слышит опять, как стукнула ***дверь***…» («ЛМ»).
дверь	«…побледнев как полотно, неожиданно выскочила за ***двери***» («ЛМ»).
дверь	«…договорил он со вздохом, затворяя за собой сеничную ***дверь***» («ЛМ»).
дверь	«…с ожиданием посмотрела на ***дверь*** гостиной…» («ЛМ»).
дверь	«–Взбежавши на лестницу, Сергей в темноте треснулся лбом о полупритворенную ***дверь***…» («ЛМ»).
дверь	…и твердой рукой отперла ***двери***, в которые ломилась куча народа» («ЛМ»).
дверь	«…печи не топились, ***дверь*** на пяди не стояла…» («ЛМ»).
дверь	Отворилась ***дверь*** раз… » («ЛМ»).
дверь	«…отворилась и еще раз ***дверь...***» («ЛМ»).
дверь	«…сквозь окошечко, прорезанное в ***двери***, ей послышался сдержанный хохот…» («ЛМ»).
дверь	«Катерина Львовна легко промелькнула по коридору и взялась за свои ***двери***» («ЛМ»).
дверь	«Чуть ночью тихонько приотворилась ***дверь***, как она так и выскочила…» («ЛМ»).
дверь	«Но только что попадья стала меня за переборочкой одевать, как вдруг слышим, у ***двери*** кто-то звяк в кольцо» («ТХ»).
дверь	«…и бросилась... в ***дверь*** ударилась, чтоб к нему бежать... а дверь заперта...» («ТХ»).
дверь	«…а ***дверь*** заперта...» («ТХ»).
дверь	«Попытали они было сначала друг друга *за* ***дверь*** *вывести*, да и бросили…» («Жит.»).
дверь	«…а она прямо в ***дверь*** да на двор» («Жит.»).
дверь	«...то в ***дверь*** пуньки рукой, будто невзначай, стукнет...» («Жит.»).
дверь	«Домна отскочила от стола и бросилась к ***двери***» («Жит.»).
дверь	«Костик прыгнул на пол, схватил за руку сестру и дернул ее к ***двери***» («Жит.»).
дверь	«***Дверь*** была отворена, и кровать стояла пустая» («Жит.»).
дверь	«жильё (элементы)Настя выпустила смотрительскую полу и, как бешеная кошка, бросилась к ***двери***...»» («Жит.»).
дверь	«Солдаты вывели Настю за ***двери***» («Жит.»).
дверь	«Настя бросилась к окну, потом к ***двери***, потом опять к окну» («Жит.»).
двор	«Люди в кухне поужинали и расходились ***по двору*** спать: кто под сараи, кто к амбарам, кто на высокие душистые сеновалы» («ЛМ»).
двор	«День был ясный, солнечный, и на ***дворе*** стояла оттепель» («Жит.»).
двор	«...говорит, что она не даром мой хлеб ест, а помогает во всем по ***двору***» («Жит.»).
двор	«Все они в ту пору были ещё крепостными и жили в *господском* ***дворе***. («Жит.»).
двор	«...все его крестьяне жили тут же в его ***дворе*** на месячине, – земли своей не имели» («Жит.»).
двор	«...а тут на рюминском ***дворе*** всего две избы стояли, и в одной из них жило две семьи, а в другой три» («Жит.»).
двор	«Чуланчики такие, вроде деревенских часовен, погородят из

	хворостового плетня, либо просто на ***дворе…»*** («Жит.»).
двор	«…но он весь выходил одною стороною в ***двор***…» («Жит.»).
двор	«…Насте сгородили новую, просторную пуньку на задворке, где корм складывали, потому что на ***дворе*** уж тесно было» («Жит.»).
двор	«…жена вышла на ***двор*** в одной рубахе и в красной шерстяной юбке» («Жит.»).
двор	«По ***двору***, в накинутом на плечи полушубке, крестясь и позевывая, плелся из сарая в кухню старый приказчик» («ЛМ»).
двор	«А отрочествующий сонаследник Федя Лямин в легком беличьем тулупе погуливал по ***двору*** да ледок по колдобинкам поламывал» («ЛМ»).
двор	«Сем-ну я хоть встану по ***двору*** погуляю или в сад пройдусь» («ЛМ»).
двор	«На ***дворе*** так светло и крепко дышится, а на галерее у амбаров такой хохот веселый стоит» («ЛМ»).
двор	«Задивились было этому по ***двору***, да Катерина Львовна всякого сумела найти своей щедрой рукой» («ЛМ»).
двор	«На ***дворе*** после обеда стоял пёклый жар, и проворная муха несносно докучала»
двор	«…а даже самого завтрашнего числа Сергея здесь ни духу, ни паху на этом ***дворе*** не останется?» («ЛМ»).
двор	«…а даже самого завтрашнего числа Сергея здесь *ни духу, ни паху на* этом ***дворе*** *не останется*?» («ЛМ»).
двор	«…так и пошла по тихому, до мертвенности тихому купеческому ***двору***…» («ЛМ»).
двор	«Лежит она с открытыми глазами и вдруг слышит, что на ***двор*** будто кто-то через ворота перелез» («ЛМ»).
двор	«А тут с мельницы пришло известие, что хозяин нанял коней и давно отъехал ко ***двору***» («ЛМ»).
двор	На ***дворе*** стали ранние заморозки» («ЛМ»).
двор	«…кричит, бывало, на него, пробегая по ***двору***, кухарка Аксинья» («ЛМ»).
двор	«Катерина Львовна боялась, чтоб, гонимый страхом, Сергей не выбежал на ***двор***…» («ЛМ»).
двор	«Да и в ***дворе*** тоже кому за ним смотреть?» («Жит.»).
двор	«Иную пору в ***дворе*** остаются одни бабы…» («Жит.»).
двор	«Все её люди любили в ***дворе*** » («Жит.»).
двор	«...а она прямо в дверь да на ***двор***» («Жит.»).
двор	«А на ***дворе*** светло было от месяца, сухой снег скрипел под ногами...» («Жит.»).
двор	«Какая ты холодная, Настя! Ты на ***дворе*** была?» («Жит.»).
двор	« На ***дворе***, голубка» («Жит.»).
двор	«Мужики вышли ***на двор*** управить на ночь скотину» («Жит.»).
двор	«Слетать нешто ночью, теперь, чтоб утром ко ***двору*** быть, а ее нехай кто-нибудь довезет до дому-то» («Жит.»).
двор	«...на ***дворе*** остался, и работник бы был» («Жит.»).
двор	«У меня ведь вон тридцать соколов рядом, в одном ***дворе***» («Жит.»).
двор	«Сани заскрипели по снегу, а на ***дворе*** еще было темно» («Жит.»).
двор	«...тесть перепросил, что работника в ***дворе*** нет» («Жит.»).
двор	«Он и в поле работал, как прочие, и в ***дворе*** управлялся» («Жит.»).
двор	«Прощай, не надо, повторила Настя и ушла в ***двор***» («Жит.»).

двор	«В овине тоже было холодно, но все-таки не так, как на ***дворе***» («Жит.»).
двор	«...смотрела, светло ли еще на ***дворе...***» («Жит.»).
двор	«...уехали с ***двора*** Крылушкина...» («Жит.»).
двор	«...выстроил ***двор*** с лавочкой, в которой торгует разными крестьянскими припасами и водкой» («Жит.»).
двор (графский)	«Очень скоро доскакали и как впали на *графский* ***двор***, так я и не видала тех саней, на которых Аркашу везли…» («ТХ»).
двор (рюминский)	«...а тут на *рюминском* ***дворе*** всего две избы стояли…» («Жит.»).
двор чёрный	«Выстроена она была на *чёрном дворе* и окрашена серою краской» («Жит.»).
дворик	«...отпер ворота своего ***дворика***» («Жит.»).
девичья	«…вздохнула она, отерла рукой слезы и вошла потихоньку через ***девичью*** в детскую комнату» («Жит.»).
девичья	«Иди спать в ***девичью***» («Жит.»).
девичья	«Иди в ***девичью***, тебе говорю! повторила барыня, не пугай детей...» («Жит.»).
держать	«…жеребцов ***не держат,*** потому что беспокойства с ними много; ни пахать на нем, ни в табун его выпустить нельзя» («Жит.»).
дёрнуть	«Некогда, дядя! и Костик ***дёрнул*** *лошадей* » («Жит.»).
дёрнуть	«...***лошади*** не съезженные: одна ***дёрнет***, а другая стоит» («Жит.»).
детская	«То, бывало, побежит к матери, то бросится в *господскую* ***детскую***» («Жит.»).
детская	«На ту пору барыня со свечкой и хлоп в ***детскую***» («Жит.»).
детская комната	«…вздохнула она, отерла рукой слезы и вошла потихоньку через девичью в ***детскую комнату***» («Жит.»).
до одури	«Раз, что скука непомерная в запертом купеческом терему с высоким забором и спущенными цепными собаками не раз наводила на молодую купчиху тоску, доходящую ***до одури»*** («ЛМ»).
до третьего (седьмого) пота напиться	Крылушкин, ***напившись*** *чайку до* ***третьего пота***, согрелся и почувствовал себя необыкновенно хорошо» («Жит.»).
добежать	«А продрогшие лошадки бежали частой *трусцой* и скоро ***добежали*** до избы с резным коньком и ставнями» («Жит.»).
добро	«Впрочем, для неё не существовало ни света, ни тьмы, ни худа, ни ***добра***, ни скуки, ни радостей» («ЛМ»).
добрый	«Всегда Настя была ***добрая*** и кроткая, а тут, в эти три недели, совсем точно ангел небесный стала» («Жит.»).
добыча	«Голодные грачи жадно хватали из навоза круглые коричневые комья и, носясь с оглушительным криком над деревнею, оспаривали друг у друга скудную ***добычу***» («Жит.»).
довезти	«Слетать нешто ночью, теперь, чтоб утром ко двору быть, а ее нехай кто-нибудь ***довезёт*** до дому-то» («Жит.»).
доглядывать	«...а за нею по колкому жнивью, подхватывая ножонки, побежал мальчик, ***догладывая*** свою пышку» («Жит.»).
доколотить	«Беда и тому, кому бог даёт прямую душу да горячее сердце нетерпеливое: станут такого колотить сызмальства и ***доколотят*** до гробовой доски» («Жит.»)
дом	«При всём довольстве и добре житье Катерины Львовны в свекровом ***доме*** было самое скучное***»***. («ЛМ»).
дом	«Везде чисто, везде тихо и пусто, лампады сияют перед образами, а

	нигде по ***дому*** ни звука живого, ни голоса человеческого» («ЛМ»).
дом	«…опять та же скука русская, скука *купеческого* ***дома***, от которой весело, говорят, даже удавиться» («ЛМ»).
дом	«...одели опять в белый тулуп и повезли в ***дом*** *свёкра*. («Жит.»).
дом	«А в избе все шла попойка, и никто в целом ***доме*** в эти минуты не подумал о Насте» («Жит.»).
дом	«Так она стояла долго, пока поезд вышел не только из *господского* ***дома***, но даже и из людской *избы*…» («Жит.»).
дом	«Тихо, мирно жилось в этом ***доме***…» («Жит.»).
дом	*«****Дом*** Измайловых в нашем городе был не последний...» («ЛМ»).
дом	«...блуждал старик в пестрой ситцевой рубашке по тихому ***дому***…» («ЛМ»).
дом	«Под всем ***домом*** были подведены потайные погреба, где люди живые на цепях, как медведи, сидели» («ТХ»).
дом	«Постучали мы в ***дом*** и взошли в сени» («ТХ»).
дом	«…стены тихого ***дома***, сокрывшего столько преступлений, затряслись от оглушительных ударов…» («ЛМ»).
дом	«Казалось, какие-то неземные силы колыхали *грешный* ***дом*** до основания» («ЛМ»).
дом	В приходской церкви Измайловского ***дома*** был престол в честь Введения во храм Пресвятые Богородицы…» («ЛМ»).
дом	«А вот, ребята, чудно тоже про молодую Измайлиху сказывают, – заговорил, подходя к ***дому*** Измайловых, молодой машинист… » («ЛМ»).
дом	«…произошла известная нам осада Измайловского ***дома***» («ЛМ»).
дом	«В ***доме*** Измайловых был нестерпимый холод…» («ЛМ»).
дом	«Умаявшись непогодью и переходом, Катерина Львовна с разбитою душой тревожно спала ночью на нарах в очередном *этапном* ***доме...***» («ЛМ»).
дом	«Постучали мы в ***дом*** и взошли в сени» («ТХ»).
дом	«…бывало, каждую ночь, когда все в ***доме*** уснут, она тихо приподнимается с постельки…» («ТХ»).
дом	«Слетать нешто ночью, теперь, чтоб утром ко двору быть, а ее нехай кто-нибудь довезет до ***дому****-то*» («Жит.»).
дом	«Нет, малый, ты там в *своем* ***доме*** волен делать что хочешь, а у нас в избе не обижай бабу» («Жит.»).
дом	«В ***доме*** был простор, и Сила Иванович мог бы дать Насте совсем отдельное помещение» («Жит.»).
дом	«В одну прекрасную июльскую ночь ворота крылушкинского ***дома*** зашатались…» («Жит.»).
дом	«В ***доме*** сделалась тревога, никто не спал...» («Жит.»).
дом	«До его ***дома*** было добрых три версты...» («Жит.»).
дом	«...***дом*** его был в расстройстве...» («Жит.»).
дом	«...продал свой ***дом*** с густым садом...» («Жит.»).
дом (барский)	«Она все стояла за углом *барского* ***дома*** да плакала» («Жит.»).
дом (графский)	«…я нахожусь при своем же *графском* ***доме*** в телячьей избе…» («ТХ»).
дом (боярский)	«Домик этот стоял в глухом переулке, у Никитья, за развалинами огромного старинного *боярского* ***дома***…» («Жит.»).
дом (господский)	«Так она стояла долго, пока поезд вышел не только из *господского* ***дома***, но даже и из людской избы, где все угощались у Костика и

	Петровны» («Жит.»).
дом этапный	«Но Сергей, да и все, кто наблюдал за Катериной Львовной, видели, что, подходя к ***этапному дому,*** она все стала жаться к старшему ундеру...» («ЛМ»).
дом этапный	«…тревожно спала ночью на нарах в очередном этапном ***доме...***» («ЛМ»).
дома	«***Дома*** оставалась только сама Петровна с Настей да с Костиком» («Жит.»).
дома	«...а Катерина Львовна маялась ***дома*** по целым дням одна-одинёшенька» («ЛМ»).
дома	«Свёкра Бориса Тимофеича тоже не было ***дома***» («ЛМ»).
дома	«Да так, меня вчера ***дома*** не было, ездил в город...» («Жит.»).
домик	«Отличный был ***домик*** в О-е у Силы Иваныча Крылушкина» («Жит.»).
домик	«***Домик*** этот был деревянный, в два этажа» («Жит.»).
домик	«***Домик*** этот стоял в глухом переулке...» («Жит.»).
домик	«***Домик*** этот стоял в глухом переулке, у Никитья…» («Жит.»).
домик	«Приведя ***домик*** в возможный порядок, Крылушкин стал принимать больных...» («Жит.»).
домик	«Под старость, до которой Крылушкин дожил в этом же самом ***домике***…» («Жит.»).
домой	«…Настя пошла ***домой***, чтобы готовить завтра обед» («Жит.»).
домой	«А вот мы когда ***домой*** пойдём, то я опять за уголком у кабачка в окошечко постучу» («ТХ»).
домой	«Он прокосил еще два раза, закинул на плечо косу и пошел по дороге ***домой***» («Жит.»).
домой	«...а Настя пошла ***домой***, чтобы готовить завтра обед» («Жит.»).
домой	«Степан все гнул на то, чтоб Настя вернулась ***домой*** и жила бы кое-как...» («Жит.»).
домой	«...не заходя ***домой***, бросился к калитке...» («Жит.»).
домой	«Она была доставлена посредством земского суда ***домой*** в совершенном сумасшествии» («Жит.»).
дорожить	«…тайными свиданьями с ней, за которые та не евши и не пивши отдает самой ей нужный четвертачок из тощего кошелька, ***дорожит*** *не очень* и даже не раз говаривал» («ЛМ»).
досада	«Опять молодые поцеловались, и на Настином лице выразилось и страдание и нетерпеливая ***досада***» («Жит.»).
доскакать	«Очень скоро ***доскакали*** и как впали на графский двор, так я и не видала тех саней, на которых Аркашу везли …» («ТХ»).
доскакать	«Очень скоро ***доскакали*** и как впали на графский двор, так я и не видала тех саней, на которых Аркашу везли…» («ТХ»).
дроглый	«…Прибегла к хозяйке вся ***дроглая***, перепросилась переночевать, да так и осталась» («Жит.»).
дрожки	«Крылушкин выглянул в окно и увидел у своих ворот *трое* ***дрожек*** и человек пятнадцать людей, между которыми блестела одна каска» («Жит.»).
дрожки	«…и трое ***дрожек*** взъехали на зелёный двор Силы Ивановича» («Жит.»).
дрожки	«Крылушкин узнал также по воловой дуге *полицмейстерские* ***дрожки***» («Жит.»).
дрожки	«...а остальные, крикнув: "Слушаем, ашекобродие!", остались около

	дрожек» («Жит.»).
дрожки	«Облитый потом, он сел на ***дрожки*** и велел везти себя в врачебную управу» («Жит.»).
дуга (воловья)	«Крылушкин узнал также по *воловой дуге* полицмейстерские дрожки» («Жит.»).
дурачиться	«Что ты ***дурачишься***?» («Жит.»).
душенька	«Погубили мою жизнь; продали мое тело, и ***душеньку*** мою продадут» («Жит.»).
душечка отлетела	«И жалкая она такая была, что смотреть на нее никак нельзя: словно тень её ходит, а её самой как нет, ***будто душечка её отлетела***» («Жит.»).
еда	«Всего было довольно: питья, и ***еды***, и гостей званых; не было только веселья да радости. » («Жит.»).
ездить	«Купцы, зная это, уж и не ***ездят*** в деревни…» («Жит.»).
ездить	« Да так, меня вчера дома не было, ***ездил*** в город...» («Жит.»).
ездить	«Видно было, что певец ***ездит*** один и ведет не более как трех лошадей» («Жит.»).
ездить (биржевым извозчиком)	«...Костик унес свою неотомщённую злобу в Киев и там ***ездил*** *биржевым извозчиком* от хозяина... » («Жит.»).
ездить (на лошадях)	«Зажиточные люди ***ездят*** *на лошадях* в купальни...» («Жит.»).
езжать	«*В гости* она ***езжала*** мало, да и то если и поедет она с мужем по своему купечеству, так тоже *не на радость*» («ЛМ»).
епитрахиль	«Священник накрыл больную ***епитрахилью*** и окончил чтение заклинаний» («Жит.»).
есть	«Варвара собрала дружков, оправила голову замерзшему Гришке, и с церемониею повели молодых за брачный стол ***есть*** когута жареного и пшенную кашу с коровьим маслом» («Жит.»).
есть	«– Нет, брат, силушки моей нет. Не хочу я ***есть***» («Жит.»).
есть	«– ***Ешь***! – сказал Костик, подвинув к сестре ломоть хлеба, на котором лежала писаная ложка. («Жит.»).
есть	«Потчевали Настю и капустой и мёдом, но она ничего не хотела ***есть***…» («Жит.»).
есть	«...говорит, что она не даром мой хлеб ***ест***, а помогает во всем по двору» («Жит.»).
есть	«Только штемпелеванный дружок Катерины Львовны стал что-то до неё очень неласков: что ей ни скажет, как оторвет, тайными свиданьями с ней, за которые та ***не евши*** и не пивши отдает самой ей нужный четвертачок из тощего кошелька, дорожит не очень и даже не раз говаривал» («ЛМ»).
есть	«Только что стали ***есть*** молочную лапшу, дверь отворилась, и вошел Гришка» («Жит.»).
есть	«***Ешьте***! Чего зеваете!» крикнул Прокудин на семейных и начал хлебать из чашки щи с жирною свининою» («Жит.»).
есть	«***Ешьте-ка,*** вот вам дела» («Жит.»).
есть хлеб не даром	«...говорит, что она ***не даром*** мой ***хлеб ест***, а помогает во всем по двору» («Жит.»).
ехать	«Часа через полтора Костик ехал с кузнецом на его лошади, а сзади в других санях на лошади Прокудина ***ехал*** Вукол и мяукал себе под нос одну из бесконечных русских песенок» («Жит.»).

ехать	«Да ведь мне некогда за ней ***ехать***» («Жит.»).
ехать	«Завтра в Орел с семям загадано ***ехать***» («Жит.»).
ехать (на лошади)	«Часа через полтора Костик ***ехал*** с кузнецом *на* его *лошади*, а сзади в других санях на лошади Прокудина ехал Вукол и мяукал себе под нос одну из бесконечных русских песенок» («Жит.»).
ехать на поклон	«После обеда запрягли трое саней парами и стали собираться ***ехать*** к Настиным господам *на поклон*» («Жит.»).
жалкий	«И ***жалкая*** она такая была, что смотреть на нее никак нельзя: словно тень её ходит, а её самой как нет, будто душечка её отлетела» («Жит.»).
жалоба	«Она уж и не пыталась ничего за себя говорить и жила – сохла без всякой ***жалобы***» («Жит.»)
жалость	Ей даже слышно, как учащенно стукает его ревнивое сердце; но не ***жалость***, а злой смех разбирает Катерину Львовну» («ЛМ»).
жаль	«Смерть ей ***жаль*** было Насти, а пособить она ей ничем не придумала; она и сама была такая же горькая» («Жит.»)
жевать	«– Что ты малого-то заморила? – спросила Настя, гладя по голове мальчика, который ***жевал*** данную ему Настей пышку» («Жит.»).
жевать	«… спросила Настя, гладя по голове мальчика, который ***жевал*** данную ему Настей пышку» («Жит.»).
желание (тёмное)	«Чуется во всем пора любви, пора *тёмных* ***желаний***» («Жит.»).
желания	Дышалось чем-то томящим, располагающим к лени, к неге и к *темным* ***желаниям***. («ЛМ»).
жеребец	«…***жеребцов*** не держат, потому что беспокойства с ними много; ни пахать на нем, ни в табун его выпустить нельзя» («Жит.»).
жилище	«...вернулся в свое запустелое ***жилище***...» («Жит.»).
жилье	«У нас это так было, что в деревянной постройке мы, девицы, на втором ***жилье*** жили, а внизу была большая высокая комната, где мы петь и танцевать учились…» («ТХ»).
жильё	«И вдруг тут мы по льду какую-то речку перелетели, и впереди что-то вроде ***жилья*** засерело и собаки залаяли…» («ТХ»).
жильё	«У нас это так было, что в деревянной постройке мы, девицы, на втором ***жилье*** жили, а внизу была большая высокая комната...» («ТХ»).
жить по-божьему	«Девка, – думала, – глупа; а там обойдётся, и будут ***жить по-божьему***» («Жит.»)
житьё	«***Житьё*** было известно какое – со всячинкой; но больше всего донимала рюминских крестьян теснота» («Жит.»).
жмых	«Он бил масло из чужой конопли из-за платы да из-за ***жмыха***» («Жит.»)
жмых	«...***жмых*** дорог в хозяйстве: им и лошадей кормят и свиней, да и люди его, по нужде, к муке подмешивают» («Жит.»).
жмых	«Отвезли Настю к солдату, и денег дали, и муки, и ***жмыхи***, и масла» («Жит.»).
жутко	«Не прежняя ее тоска, а другая, совсем новая, в которой было и грустно, и радостно, и ***жутко***, и сладко» («Жит.»).
забор	«Раз, что скука непомерная в запертом купеческом терему с высоким ***забором*** и спущенными цепными собаками не раз наводила на молодую купчиху тоску, доходящую до одури» («ЛМ»).
забор	«…я помню еще огромное серое деревянное *здание* с фальшивыми

	окнами, намалеванными сажей и охрой, и огороженное чрезвычайно длинным полуразвалившимся ***забором***» («ТХ»).
завтрак	«Насилу его умыли, прибрали и повели с женою в избу, где был готов ***завтрак*** и новая попойка» («Жит.»).
завтрак собирать	«Бабы домашние стали *собирать* новый ***завтрак*** для молодых, а Варвара с дружками и другой свахой пошли к пуньке» («Жит.»).
загнеток	«Любовь Онисимовна письмо сейчас же сожгла на ***загнетке*** и никому про него не сказала, ни даже пестрядинной старухе...» («Тупейный художник» URL)
загон	«У нас много есть таких женщин по сёлам, что вырастает она в нужде да в ***загоне***, так после терпит всё, словно каменная, и не разберёшь никак: не то она чувствует, что терпит, не то и не чувствует» («Жит.»).
загон	«Вечером Степан пришёл на Прокудинский ***загон*** попросить кваску напиться и побалакать» («Жит.»).
загон	«Степан перед полдниками пришёл на Прокудинский ***загон*** попросить квасу» («Жит.»).
задворка	«Настя же никому и вида не подала, а только стала ворота ***задворка*** запирать ночью на задвижку изнутри» («Жит.»).
задворка	«Прощай! сказала Настя, повернув к своему ***задворку***» («Жит.»).
задворок	«Настину пуньку отдали Домне, к которой муж вернулся, а Насте сгородили новую, просторную пуньку на ***задворке***, где корм складывали, потому что на дворе уж тесно было» («Жит.»).
задворок	«Как раз за тою стеною ***задворка***, к которому была пригорожена Настина пунька, пролегала дорожка, отделявшая задворок …» («Жит.»).
задворок	«Как раз за тою стеною задворка, к которому была пригорожена Настина пунька, пролегала дорожка, отделявшая ***задворок*** …» («Жит.»).
задворок	«Ребята к ней льнули, как мухи к мёду, но она на это и глазом не смотрела и крепко спала на своей постельке в холодной пуньке на ***задворке***» («Жит.»).
задворок	«Так они дошли до Настиного ***задворка***» («Жит.»).
задворок	«Они шли молча до самого *прокудинского* ***задворка***» («Жит.»).
задворок	«...знал, как нужно браться за ворота прокудинского ***задворка***...» («Жит.»).
задворок	«Степан редкую ночь не проводил на прокудинском ***задворке***...» («Жит.»).
закачаться (на валах реки)	«– На этом пароме, сказывают, кто-то водку держит, – заметил какой-то арестант, когда осыпаемый хлопьями мокрого снега *паром* отчалил от берега и *закачался* на валах расходившейся реки» («ЛМ»).
закусить	«Опохмелились, ***закусили*** и лясы поточили» («Жит.»).
закусить	«Исай Матвеевич с Костиком выпили по третьему пропускному стаканчику, – ***закусили*** остатком огурца и сели в стороне, чтобы не мешать бабам убирать со стола» («Жит.»).
закусить	«Вот выпьем да капусткой ***закусим***, тогда и дело будет» («Жит.»).
закуска	«Угощенье было богатое: пироги, щи со свежиной, похлебка с потрохами, гуси жареные, солонина духовая с хреном, гусиные полотки, а после ***закуски*** разные: орехи, подсолнухи, столбики с инбирем и круглые прянички, а детям коньки пряничные» («Жит.»).

закуска	«…и водки и ***закусок*** с собой принесли, да Настя наотрез сказала, что не пустит их и чтоб этого в другой раз не было» («Жит.»).
зал	«Перешли в ***зал***» («Жит.»).
зала	– Надо окна велеть закрыть, – сказала она и вышла в гостиную, а оттуда в ***залу***, а оттуда к себе наверх и присела» («ЛМ»).
зала	Постой, я сейчас, только вот лампаду в ***зале*** поправлю, – ответила Катерина Львовна и вышла торопливою походкой» («ЛМ»).
залец	«Отворилась дверь в маленький ***залец***, и выступила из передней Настя» («Жит.»).
заморить	«– Что ты малого-то ***заморила***? – спросила Настя, гладя по голове мальчика, который жевал данную ему Настей пышку» («Жит.»).
запречь	«***Запрег*** он *лошадь* и поехал в Ретяжи к куму мельнику...» («Жит.»).
запречь (жеребца)	«Иную пору в дворе остаются одни бабы, где им водиться с *жеребцом*? ни вывесть его, ни ***запречь***» («Жит.»).
запречь (лошадь)	«Вечером ***запрег*** Прокудин сани и отправил гостей домой; лошадью правил Гришка…» («Жит.»).
запречь (лошадь)	«Эй, Домка, не бреши!», ***запрег*** *лошадь* и поехал к Костику…» («Жит.»).
запречь лошадь	«“Эй, Домка, не бреши!” – ***запрег лошадь*** и поехал к Костику, а на другой вечер, перед самым ужином, приехал к Прокудиным Костик» («Жит.»).
запрячь	«Отстряпалась Настя; старик ***запряг*** ей телегу…» («Жит.»).
запрячь (сани)	«После обеда ***запрягли*** трое саней парами и стали собираться ехать к Настиным господам на поклон» («Жит.»).
здание	«…я помню еще огромное серое деревянное ***здание*** с фальшивыми окнами, намалеванными сажей и охрой, и огороженное чрезвычайно длинным полуразвалившимся забором» («ТХ»).
задворок	«Пошли бабы около ***задворков*** и как раз встретили Степана, ехавшего в ночное» («Жит.»).
зевать	«Походит, походит Катерина Львовна по пустым комнатам, начнет ***зевать*** со ***скуки*** и полезет по лесенке» («ЛМ»).
злоба	«...Костик унес свою неотомщённую ***злобу*** в Киев... » («Жит.»).
зреть (не могу)	«***Зреть*** я его ***не могу***; как я с ним жить стану?» («Жит.»).
запрячь (парой)	«После обеда запрягли *трое саней парами* и стали собираться ехать к Настиным господам на поклон» («Жит.»).
изба	«Пускай правда, что мужик не привык к кабинетам – все у него в одной ***избе,*** – .... а тут на рюминском дворе всего две избы стояли, и в одной из них жило две семьи, а в другой три» («Жит.»).
изба	«...а тут на рюминском дворе всего две ***избы*** стояли, и в одной из них жило две семьи, а в другой три» («Жит.»).
изба	«У нас в Гостомле есть много народу, что от тесноты в ***избах*** целую зиму спят по чуланам да по пунькам либо по подклетям. («Жит.»).
изба	«А тогда уж с ребятками на зиму мать переходит в ***избу»*** («Жит.»).
изба	«…и ***избы*** *курной* она не боялася» («Жит.»).
изба	«Даже ***изба*** ей была милее, чем бесприютная прихожая в господской мазанке…» («Жит.»).
изба	«– Пойдём в ***избу»*** («Жит.»).
изба	«А в ***избе*** все шла попойка, и никто в целом доме в эти минуты не подумал о Насте» («Жит.»).
изба	«А продрогшие лошадки бежали частой трусцой и скоро добежали до ***избы*** с резным коньком и ставнями» («Жит.»).

изба	«В ***избе*** кузнеца было очень тепло и опрятно…» («Жит.»).
изба	«Настя сидела, сложив на коленях руки, в ***избе*** Прокудиных» («Жит.»).
изба	«Не ходите, а то в ***избе*** спать стану» («Жит.»).
изба	«…а у дверей знакомой ***избы*** уперлась руками в притолки, вырвалась из рук и убежала» («Жит.»).
изба	«Авдотья ввела её в ***избу***…» («Жит.»).
изба	«В ***избе*** ещё был свет» («Жит.»).
изба	«А стала я уж опять себя чувствовать в незнакомом месте, в большой *светлой* ***избе****…»* («ТХ»).
изба	«...из ***избы*** ей уж два раза доносили, что жареный петух готов...» («Жит.»).
изба	«Теперь в этой ***избе*** была Настя» («Жит.»).
изба	«Она проснулась, когда в ***избе*** уж горел огонь » («Жит.»).
изба	«Нет, малый, ты там в своем доме волен делать что хочешь, а у нас в ***избе*** не обижай бабу» («Жит.»).
изба	«Устала Настя и, войдя в ***избу***, села на лавку против самой печки, у которой стряпалась Домна» («Жит.»).
изба	«В ***избе*** уснули, а Степан пролез в подворотню, тревожно осмотрелся и кашлянул» («Жит.»).
изба курная	«…и ***избы курной*** она не боялася» («Жит.»).
изба людская	«Так она стояла долго, пока поезд вышел не только из господского дома, но даже и из ***людской избы***, где все угощались у Костика и Петровны» («Жит.»).
изба телячья	«Заметила эта женщина, что я в признак пришла, и обласкала меня и рассказала, что я нахожусь при своем же графском доме в ***телячьей избе****…»* («ТХ»).
изба телячья	«Так три года прошло, и во все это время мне была божия милость, что к театру меня не возвращали, а все я тут же в ***телячьей избе*** оставалась жить…» («ТХ»).
извоз	«…имел он у себя одиннадцать лошадей, которых посылал в ***извоз***…» («Жит.»).
извозчик	«...Костик унес свою неотомщённую злобу в Киев и там ездил *биржевым* ***извозчиком*** от хозяина...» («Жит.»).
извозчик	«...бежал около двух верст до площади, где стоят ***извозчики***...» («Жит.»).
изгадить	«…***Изгадила*** бабу так, что никуда она не стала годиться» («Жит.»)
измениться	«Она нисколько ***не изменилась*** и смотрела тем же равнодушно убитым взглядом» («Жит.»).
изумление	«Катерина Львовна посмотрела на него с *немым* ***изумлением***, но без гнева**»** («Леди Макбет Мценского уезда» URL)
инбирь	«Угощенье было богатое: пироги, щи со свежиной, похлебка с потрохами, гуси жареные, солонина духовая с хреном, гусиные полотки, а после закуски разные: орехи, подсолнухи, *столбики* с ***инбирем*** и круглые прянички, а детям коньки пряничные» («Жит.»).
испить	«...утихомирься ты, перекрестись, ***испей*** водицы!" » («Жит.»).
истукан	«…сидела безмолвным ***истуканом***» («Жит.»).
кабинет	«Пускай правда, что мужик не привык к ***кабинетам*** – все у него в одной избе…» («Жит.»).
казарма	«...не слыхала, как в женскую ***казарму*** вошли два человека» («ЛМ»).

как быть	«– Ну, а ***как*** же теперь ***быть***? – спрашивал Катерину Львовну («Леди Макбет Мценского уезда» URL)
как не своя	«Даже когда кто-нибудь из пьяных гостей, поднимая стакан, говорил: «горько! подсластите, молодой князь со княгинею», Настя, ***как не своя***, вставала и давала целовать себя Григорью и опять садилась. («Жит.»).
калитка	«…или обсыпать через ***калитку*** прохожего молодца подсолнечною лузгою…» («ЛМ»).
калитка	«...не заходя домой, бросился к ***калитке...***» («Жит.»).
камариновые серьги	«***Камариновые*** же ***серьги»***.....Это был первый знак особенной чести быть возведенною на краткий миг в одалиски владыки … убрать обреченную девушку после театра «в невинном виде святою Цецилией», и во всем в белом, в венке и с лилией в руках символизированную innocence доставляли на графскую половину» («ТХ»).
камариновые серьги	«За порчу мне твоя спина ответит, а ей отнеси от меня ***камариновые серьги»*** («Тупейный художник» URL)
камариновые серьги	«И Аркадий подал ему пять золотых, а я вынула из ушей ***камариновые серьги*** и отдала матушке» («ТХ»).
каменный (словно каменная)	«У нас много есть таких женщин по сёлам, что вырастает она в нужде да в загоне, так после терпит всё, ***словно каменная***, и не разберёшь никак: не то она чувствует, что терпит, не то и не чувствует» («Жит.»).
каморка	«Тут что мне, верно, на роду было назначено не с милым, а с постылым, – той судьбы я и не минула, а придучи к себе в ***каморку***...» («ТХ»).
каморочка	«...и видит Аркадий, что у дверей моей ***каморочки*** стоят шесть человек…» («ТХ»).
каморочка	«Только с Аркадием Ильичом ничего этого не сделали, потому что он как вскочил в мою ***каморочку***...» («ТХ»).
каморочка	«…и видит Аркадий, что у дверей моей ***каморочки*** стоят шесть человек» («ТХ»).
каморочка	«…он как вскочил в мою ***каморочку,*** так в то же мгновение сразу схватил стол и вдруг все окно вышиб…» («ТХ»).
капуста	*«*Потчевали Настю и ***капустой*** и мёдом, но она ничего не хотела есть…» («Жит.»).
капустка	« – Погоди, прыток больно. Вот выпьем да ***капусткой*** закусим, тогда и дело будет» («Жит.»).
карман	«Она проворно замкнула дверь, сунула ключ в ***карман*** и опять привалилась на постели в своей распашонке» («ЛМ»).
картофелина	«Нет, братцы, я вот что задумал, – говорил, подмигнув Вуколу, кузнец, чистя ногтем горячую ***картофелину***» («Жит.»).
картофель	«Поели ***картофель***, помолились богу и сказали спасибо хозяйке» («Жит.»).
картофель	«...проговорила кузнечиха, ставя на стол чугун с горячим ***картофелем,*** солонку и хлеб» («Жит.»).
картофель	«Поели ***картофель,*** помолились богу и сказали спасибо хозяйке» («Жит.»).
картошечка	«Ты б, Авдотья, нам ***картошечек*** сварила позавтракать…» («Жит.»).
каска	«Крылушкин выглянул в окно и увидел у своих ворот трое дрожек и человек пятнадцать людей, между которыми блестела одна ***каска***»

	(«Жит.»).
каска	«Полицмейстер сел, расставил ноги и не снял ***каски***» («Жит.»).
кататься по полу	«Она хохотала***, плакала,*** смеялась, рвала на себе волосы и, упав с лавки, каталась по полу» («Жит.»).
каша	«Настя сидела за *масленой* ***кашей*** и жареным когутом и ни к чему не прикасалась» («Жит.»).
каша	«Настя щи пересолила так, что их в рот нельзя было взять, а ***кашу*** засыпала такую густую, что она *ушла из горшка* в печке» («Жит.»).
каша	«Свекровь не столько жалела крупы или того, что жницы будут без ***каши***...» («Жит.»).
каша	«Свекровь не столько жалела ***крупы*** или того, что жницы будут без каши...» («Жит.»).
каша	« Премилая кума, только губы у нее после ***каши*** были масленые» («Жит.»).
каша масленая	«Настя сидела за ***масленой кашей*** и жареным когутом и ни к чему не прикасалась» («Жит.»).
каша пшенная	«Варвара собрала дружков, оправила голову замерзшему Гришке, и с церемониею повели молодых за брачный стол есть когута жареного и *пшённую* ***кашу*** с коровьим маслом» («Жит.»).
кашица	«Поел Борис Тимофеич на ночь грибков с ***кашицей***, и началась у него изжога» («ЛМ»).
кашка	«Говорили, что это «дети ***кашки*** просят» («Жит.»).
квас	«Да, а то уж Москву увидишь с вашего ***квасу,*** – заметил Степан» («Жит.»).
квас	«– Да ты небось ***квасу***-то не горазда делать» («Жит.»).
квас	«...два кувшина тащит со щами да с ***квасом***, на другой руке у нее ребёнок сидит…» («Жит.»).
квас	«Степан перед полдниками пришёл на Прокудинский загон попросить ***квасу***» («Жит.»).
квас	«Настасья, где ***квас***?» («Жит.»).
квас	«Где ***квас*** дел? – спросила Настя» («Жит.»).
квас	«А Степан никак не мог найти кувшина с ***квасом***» («Жит.»).
квас	«Что высветило! Нет тут ***квасу***, отвечал Степан, сунувший кувшин между снопами» («Жит.»).
квасок	«Вечером Степан пришёл на Прокудинский загон попросить ***кваску*** напиться и побалакать» («Жит.»).
квасок	«– Отбей завтра, Настя, *свежего* ***кваску***-то, – говорила Домна» («Жит.»).
кибитка	«Посадили её в *господскую* ***кибитку***, обвешанную красными *платками,* и к церкви привезли» («Жит.»).
кибитка (господская)	«Посадили её в *господскую* ***кибитку,*** обвешанную красными платками, и к церкви привезли» («Жит.»).
кладловая	…произнесла Катерина Львовна, распрямляясь и оглянувшись в сторону ***кладовой***» («ЛМ»).
кладовая	«Бросил Борис Тимофеич Сергея в ***кладовой***...» («ЛМ»).
кладовая	«Выручила Катерина Львовна своего Сергея из стариковской *каменной* ***кладовой***...» («ЛМ»).
кладовая	«Сергей снёс Зиновия Борисыча в погребок, устроенный в подполье той же *каменной* ***кладовой***, куда ещё так недавно запирал самого его, Сергея, покойный Борис Тимофеич, и вернулся на вышку» («ЛМ»).

кладовенька	«Повёл Борис Тимофеич Сергея в свою *каменную* ***кладовеньку****…»* («ЛМ»).
ко двору	«*Ко* ***двору*** спешу» («Жит.»).
коврига	«Нет, брат, она у нас совсем не ужинает, – отвечал Прокудин, нарезывая большие ломти хлеба с ***ковриги***, которую он держал между грудью и левою ладонью» («Жит.»).
коврига	«...на столе лежали ***ковриги****,* закрытые белым закатником, и пахло свежеиспеченным хлебом*…»* («Жит.»).
когут	«Варвара собрала дружков, оправила голову замерзшему Гришке, и с церемониею повели молодых за брачный стол есть ***когута*** *жареного* и пшенную кашу с коровьим маслом» («Жит.»).
когут	«Настя сидела за масленой кашей и *жареным* ***когутом*** и ни к чему не прикасалась» («Жит.»).
козырь	«Вошло семь человек погони, все из графских охотников, с кистенями и с арапниками, а за поясами своры веревочные, и с ними восьмой, графский дворецкий, в длинной волчьей с высоким ***козырем****...*» («ТХ»).
козырь	«Вошло семь человек погони, все из графских охотников, с кистенями и с арапниками, а за поясами своры веревочные, и с ними восьмой, графский дворецкий, в длинной волчьей шубе с высоким ***козырем****...*» («ТХ»).
кокарда	«...он оглянулся на едущего верхом сморчка в бурке и в военной *фуражке* с ***кокардой*** и добавил…» («ЛМ»).
колесня	«Перед самою церковью под горой колокол и стал, ***колесни*** завязли в грязи – никак его не вытащить» («Житие одной бабы»URL).
колесня	«Собрался весь народ, подцепили за передок ***колесней*** веревки, крикнули: » («Жит.»).
колечко	«Настя надела поданное ей ***колечко***, а сама бледная как смерть» («Жит.»).
колотить	«Беда и тому, кому бог даёт прямую душу да горячее сердце нетерпеливое: станут такого ***колотить*** сызмальства и доколотят до гробовой доски» («Жит.»)
комната	«– Настасьюшка! – сказал, войдя в ***комнату***, Крылушкин» («Жит.»).
комната	«…а она одна слоняет слоны из ***комнаты*** в комнату» («ЛМ»).
комната	«…а она одна слоняет слоны из комнаты в ***комнату***» («ЛМ»).
комната	«Походит, походит Катерина Львовна по пустым ***комнатам***, начнёт зевать со скуки и полезет по лесенке» («ЛМ»).
комната	«Наверху было всего четыре ***комнаты*** и кухня» («Жит.»).
комната	«Две из этих ***комнат*** занимал сам Крылушкин, в третьей жила его кухарка Пелагея Дмитревна…» («Жит.»).
комната	«В этой ***комнате*** поместил Крылушкин привезённую к нему Настю» («Жит.»).
комната	«А скучно станет, вот с Митревной поболтай, ко мне приди, вот тут же через Митревнину ***комнату****»* («Жит.»).
комната	«Старик посмотрел на Настю, встал, погладил её по голове и пошел спать на свою железную кровать, а Настя пошла в свою ***комнату****»* («Жит.»).
комната	«У нас это так было, что в деревянной постройке мы, девицы, на втором жилье жили, а внизу была большая высокая ***комната****...»* («ТХ»).
комната	Ну вот он, – произнесла она через несколько секунд, вводя в

	комнату за рукав Сергея, – Расспрашивайте и его и меня, что вы такое знаете. Может, что-нибудь еще и больше того узнаешь, что тебе хочется? » («ЛМ»).
комната	Ну вот он, – произнесла она через несколько секунд, вводя в ***комнату*** за рукав Сергея…» («ЛМ»).
комната	Когда они вернулись в спальню, тонкая румяная полоска зари прорезывалась на востоке и, золотя легонько одетые цветом яблони, заглядывала сквозь зеленые палки садовой решетки в ***комнату*** Катерины Львовны» («ЛМ»).
комната	Ну читай, – проронила Катерина Львовна и, обведя холодным взглядом ***комнату***, остановила его на разрисованных морозом окнах» («ЛМ»).
комната	Катерина Львовна сошла вниз, прошлась по пустым комнатам: везде все тихо» («ЛМ»).
комната	Постояла она среди ***комнаты*** и вышла, потирая стынущие руки» («ЛМ»).
комната	«Хохот из мужской ***комнаты*** вслед ей повторился до того громко…» («ЛМ»).
комната	«У нас это так было, что в деревянной постройке мы, девицы, на втором жилье жили, а внизу была большая высокая ***комната***, где мы петь и танцевать учились…» («ТХ»).
комната	«Стала Настя днём жить в ***комнате*** у барыни, а ночевать ходила к матери» («Жит.»).
комната	«Крылушкин, улыбаясь, вышел в свою ***комнату*** и через минуту возвратился оттуда с парою своих старых замшевых перчаток» («Жит.»).
комната (верхняя)	«…Катерину Львовну отвели в её *верхнюю* ***комнату*** и приставили к ней двух часовых» («ЛМ»).
комната (мужская)	«Хохот из *мужской* ***комнаты*** вслед ей повторился до того громко…» («ЛМ»).
конек	«А продрогшие лошадки бежали частой трусцой и скоро добежали до избы с резным ***коньком*** и ставнями» («Жит.»).
конопелька	«Стали большаки ***конопельку*** ссыпать…» («Жит.»).
конопля	«Костик все чаще навещал Прокудина; сидели, водочку вместе попивали, а о деле, насчет ***конопли***, ни слова» («Жит.»).
конопля	«Он бил масло из чужой ***конопли*** из-за платы да из-за жмыха» («Жит.»)
конопля	Дело это у нас очень выгодное, потому что ***конопли*** кругом море, а мужички народ и недостаточный и таки беззаботный» («Жит.»).
конопля	«Выдерет ***конопли***, обмолотит, ссыплет в анбарчик» («Жит.»).
конопля	«Прокудин пустил в ход маслобойню и закупал богатой рукой ***коноплю***» («Жит.»).
конь	«..а вкруг – тьма промежная, и ***коней*** тройка лихая мчится, и не знаю куда…» («ТХ»).
конь	А тут с мельницы пришло известие, что хозяин нанял ***коней*** и давно отъехал ко двору» («ЛМ»).
коньки (пряничные)	«Угощенье было богатое: пироги, щи со свежиной, похлебка с потрохами, гуси жареные, солонина духовая с хреном, гусиные полотки, а после закуски разные: орехи, подсолнухи, столбики с инбирем и круглые прянички, а детям ***коньки*** *пряничные*» («Жит.»).
конюшня	«Костик спал в господской ***конюшне»*** («Жит.»).

коридор	«Ты замест того, чтобы углы-то в ***коридоре*** выходить со мной обтирать, мне бы эти деньги предоставила, что ундеру отдала» («ЛМ»).
коридор	«…и какая-то женщина юркнула в ***коридор***…» («ЛМ»).
коридор	«…Катерина Львовна проходила по ***коридору***, только в одном месте, слабо освещенном слепою плошкою…» («ЛМ»).
коридор	«Катерина Львовна легко промелькнула по ***коридору*** и взялась за свои двери» («ЛМ»).
коридор	«…дрожит и ищет руками Сергея по темному ***коридору***» («ЛМ»).
коридор	Часовой ходил по ***коридору***…» («ЛМ»).
коридор	Она не слыхала, как после её прихода в ***коридор*** выходила Сонетка» («ЛМ»).
кормить	«...жмых дорог в хозяйстве: им и лошадей ***кормят*** и свиней, да и люди его, по нужде, к муке подмешивают» («Жит.»).
корысть	«С радости все целовался пьяный брат, продавши родную сестру за ***корысть***, за прибытки» («Жит.»).
косяк	«Катерина Львовна от нечего делать рано повечерила, открыла у себя на вышке окошечко и, прислонясь к ***косяку***» («Леди Макбет Мценского уезда» URL)
котик	«Минут через пять к ней туда же наверх молча вошёл Сергей в романовском полушубке, отороченном пушистым ***котиком***» («ЛМ»).
красный угол	«Исай Матвеич помолился перед образами и сел в ***красном угле***, а за ним села вся семья, и Костик сел...» («Жит.»).
крестины	«– А вот свинью Аксинью, что родила сына Василья да не позвала нас на ***крестины*** *...»* («Леди Макбет Мценского уезда» URL)
крещёное имя	«Иной раз за этими кличками и ***крещёное имя*** совсем забудут» («Жит.»).
кровь кипит	Она обезумела от своего счастия; ***кровь её кипела,*** и она не могла более ничего слушать» («ЛМ»).
кроткий	«Всегда Настя была добрая и ***кроткая***, а тут, в эти три недели, совсем точно ангел небесный стала» («Жит.»).
крошки хлебные	«Домна повернулась к столу, смахнула в чашку ***хлебные крошки*** и, суя эту чашку в ставец, кого-то чертакнула» («Жит.»).
крупа	«За леченье Насти Сила Иваныч взял только по два целковых в месяц, по два пуда *муки* да по мерке ***круп***. («Жит.»).
крупчатка	«…торговали они ***крупчаткою***…» («ЛМ»).
крупчатка	«Тут тоже посидит, поглазеет, как у амбаров пеньку вешают или ***крупчатку*** ссыпают, – опять ей зевнётся, она и рада…» («ЛМ»).
крыльцо	«Поезд остановился у ***крыльца*** и не сходил с саней » («Жит.»).
крыльцо	Не успела Катерина Львовна ничего сообразить, как народ, окружающий ***крыльцо***, смял её и бросил в покои» («ЛМ»).
крыльцо	« Девочка соскочила с ***крыльца***, глянула туда-сюда и вернулась...» («Жит.»).
крыльцо	«...направились за полковником к ***крыльцу***...» («Жит.»).
крыша	…луна спряталась за крутую ***крышу*** высоких амбаров и глядела на землю искоса, тусклее и тусклее…»(«ЛМ»).
крыша	…с кухонной ***крыши*** раздался пронзительный кошачий дуэт…(«ЛМ»).
крыша	потом послышались плевок, сердитое фырканье, и вслед за тем два или три кота, оборвавшись, с шумом покатились по

	приставленному к ***крыше*** пуку теса. («ЛМ»).
кухня	«Люди в ***кухне*** поужинали и расходились по двору спать…» («ЛМ»).
кухня	«Наверху было всего четыре комнаты и ***кухня***» («Жит.»).
кухня	«По двору, в накинутом на плечи полушубке, крестясь и позевывая, плелся из сарая в ***кухню*** старый приказчик» («ЛМ»).
кухня	«...на ***кухне*** сидел десятский...» («Жит.»).
кушак	«Видно, что ему было жарко, потому что он снял свиту и, перевязав её красным ***кушаком***, нёс за спиною» («Жит.»).
кушак	«Рубашка на нем была мокра от росы, а свита была связана ***кушаком***» («Жит.»).
кушанье	*«У* нас есть поверье, что влюбленная женщина всегда пересолит ***кушанье***, которое готовит» («Жит.»).
кушанье	«…и к утру он умер, и как раз так, как умирали у него в амбарах крысы, для которых Катерина Львовна всегда своими собственными руками приготовляла особое ***кушанье*** с порученным её хранению опасным белым порошком» («ЛМ»).
кушать	«– ***Кушай***, невестушка! – сказал Прокудин, а Костик опять скрипнул зубами, и Настя через великую силу стала ужинать» («Жит.»).
лавка	«…а другие стоя плакали в ожидании матерей, с которыми они опали по ***лавкам»*** («Жит.»).
лампада	«Везде чисто, везде тихо и пусто, ***лампады*** сияют перед образами, а нигде по дому ни звука живого, ни голоса человеческого» («ЛМ»).
лапти	«Дали ей ***лапти*** и свиту...» («Жит.»).
лапша (молочная)	«Только что стали есть ***молочную лапшу***, дверь отворилась, и вошел Гришка» («Жит.»).
ласкаться	«Настя ко всем как ясочка всё ***ласкалась***» («Жит.»).
ластовица	«...и вдруг перед самыми её глазами показался статный русый парень, в белой рубашке с *красными* ***ластовицами*** и в высокой шляпе гречишником» («Жит.»).
ледащий	«Неш она у тебя какая ***ледащая***, или не тебе с ней жить, а соседу? («Жит.»).
лекарство	«Он ей не *давал* никакого ***лекарства,*** только молока велел пить как можно больше» («Жит.»).
лекарство	«Что, Сила Иваныч, когда вы мне *дадите* ***лекарства***-то? – спросила как-то Настя» («Жит.»).
лекарство	«Стал ездить лекарь, стал *прописывать* ***лекарства***, стали их давать мальчику по часам, то сама бабушка, а то Катерину Львовну попросит» («ЛМ»).
лекарство	«А ведь что, – думалось Катерине Львовне, – ведь больной он; ***лекарство*** ему *дают*… мало ли что в болезни…» («ЛМ»).
лекарство	«– Пора тебе, Федя, ***лекарства***?» («ЛМ»).
лента	«То хвалится в своей песне *алой* ***лентой*** и так радостно поёт…» («Жит.»).
лента	«Словно в самом деле голубушка только что выплела из косы *алую* ***ленту*** да дала ему…» («Жит.»).
лента	«Словно в самом деле голубушка только что выплела из косы *алую* ***ленту*** да дала ему...» («Жит.»).
лень	Дышалось чем-то томящим, располагающим к ***лени***, к неге и к темным желаниям. («ЛМ»).

лесенка	«Походит, походит Катерина Львовна по пустым комнатам, начнет зевать со скуки и полезет по ***лесенке***» («ЛМ»).
лестница	«Настя схватила с лежанки чистенький самоварчик, нащепала косарем лучинок, зажгла их и, набросав в самовар, вынесла его на ***лестницу***» («Жит.»).
лестница	По ***лестнице*** тихо, с ноги на ногу осторожно переступаючи, действительно кто-то приближался к запертой двери спальни. («ЛМ»).
лестница	«Взбежавши на ***лестницу***, Сергей в темноте треснулся лбом о полуприторенную дверь…» («ЛМ»).
лестница	«…бормотал он, летя вниз головою по ***лестнице*** и увлекая за собою сбитую с ног Катерину Львовну» («ЛМ»).
лимончик	«Проходя мимо знакомой лавки, он купил себе ***лимончик*** да фунт мыла…» («Жит.»).
ложка	«– Пожалуйте, тетенька, – отвечал мальчик и, *хлебнув* ***ложку***, добавил: – очень занятно, тётенька, это о святых описывается» («ЛМ»).
ложка	«Пожалуйте, тетенька, – отвечал мальчик и, *хлебнув ложку,* добавил: – очень занятно, тетенька, это о святых описывается» («ЛМ»).
ломоть	«Нет, брат, она у нас совсем не ужинает, – отвечал Прокудин, нарезывая большие ***ломти*** хлеба с ковриги, которую он держал между грудью и левою ладонью» («Жит.»).
ломоть	«– Ешь! – сказал Костик, подвинув к сестре ***ломоть*** хлеба, на котором лежала писаная ложка. («Жит.»).
лохмотья	«…обогрела, надела на нее чистую рубашку вместо её ***лохмотьев*** и вымыла ей щёлоком голову» («Жит.»).
лошадб	«Певец обыкновенно проезжал с своими ***лошадьми*** позже всех других и всегда один» («Жит.»).
лошадка	«А продрогшие ***лошадки*** бежали частой трусцой и скоро добежали до избы с резным коньком и ставнями» («Жит.»).
лошадка	«Старая ***лошадка*** борозды не портит» («Жит.»).
лошадь	«Вечером запрег Прокудин сани и отправил гостей домой; ***лошадью*** правил Гришка…» («Жит.»).
лошадь	«Эй, Домка, не бреши!», *запрег* ***лошадь*** и поехал к Костику…» («Жит.»).
лошадь	«Часа через полтора Костик ехал с кузнецом на его ***лошади***, а сзади в других санях на лошади Прокудина ехал Вукол и мяукал себе под нос одну из бесконечных русских песенок» («Жит.»).
лошадь	«Часа через полтора Костик ехал с кузнецом на его лошади, а сзади в других санях на ***лошади*** Прокудина ехал Вукол и мяукал себе под нос одну из бесконечных русских песенок» («Жит.»).
лошадь	«…ямщик еще тройку нахлестал и сразу на один бок саней навалился, скособочил их, и мы с Аркадием в снег вывалились, а он, и сани, и ***лошади***, все из глаз пропало» («ТХ»).
лошадь	«…имел он у себя одиннадцать ***лошадей***, которых посылал в извоз…» («Жит.»).
лошадь	«Настя умела и жать, и гресть за косой, и снопы вязать, и ***лошадью*** править…» («Жит.»).
лошадь	«Запрег он ***лошадь*** и *поехал* в Ретяжи к куму мельнику …» («Жит.»).

лошадь	«А Костик как вырос перед ним: ведет барских ***лошадей*** с водопою…» («Жит.»).
лошадь	««...жмых дорог в хозяйстве: им и ***лошадей*** кормят и свиней, да и люди его, по нужде, к муке подмешивают» («Жит.»)» («Жит.»).
лошадь	«Припрягли еще ***лошадей***, куда только можно было цеплять...» («Жит.»).
лошадь	« На ***лошади***, что ль? Да, а то как же? *не пешком*, чай. » («Жит.»).
лошадь	«...в лощинах появились зажоры, в которых по самое брюхо тонули *крестьянские* ***лошади...***» («Жит.»).
лошадь	«Зажиточные люди *ездят на* ***лошадях*** в купальни...» («Жит.»).
лошадь	«Видно было, что певец ездит один и *ведет* не более как *трех* ***лошадей***» («Жит.»).
лошадь	«Нагнала Настя мальчика, остановила ***лошадь*** и посадила ребенка в телегу. » («Жит.»).
лошадь	«Ей послышалось, что где-то невдалеке фыркнула ***лошадь***, потом будто скрипнули сани и остановились» («Жит.»).
лошадь (гнедая)	«Показалась телега на *гнедой* ***лошади»*** («Жит.»).
лошадь (на лошади)	«– На ***лошади***, что ль?» («Жит.»).
лошадь (не съезженная)	«...***лошади*** не съезженные: одна дернет, а другая стоит» («Жит.»).
лошадь (пегая)	«За коноплями, где была выставлена несвоженная пенька, показались сани, запряжённые *пегою* ***лошадью***, и на них сидел человек» («Жит.»).
лошадь (передняя)	«*Переднею* ***лошадью*** правил кузнец Савелий…» («Жит.»).
лошадь барская	«Стал Костик без жены все разъезжать по ночам верхом на *барской* ***лошади*** к своим приятелям...» («Жит.»).
лошадь гостевая	«Прокудин разбудил спавшего племянника и послал его дать *гостевой* ***лошади*** сена и невейки...» («Жит.»).
лузга подсолнечная	«…или обсыпать через калитку прохожего молодца ***подсолнечною лузгою***…» («ЛМ»).
любвь	«*Полюби* меня. Поди ты с ***любовью*!** » («Жит.»).
любить	«***Любит***, тихо промолвила Настя» («Жит.»).
любить	«Известно, ***любит***. Ну и она его жалеет; нечего сказать, добрая баба» («Жит.»).
любить	« И она ***любит***, опять проговорила Настя» («Жит.»).
любиться	« Ну иной и не то чтобы уж очень друг с дружкой ***любилися***, а как пойдут ребятки, так тоже как сживутся: любо-два» («Жит.»).
любовный	«…Всем бы людям было счастье ***любовное***, если б люди тому не мешали» («Жит.»).
любовь	«Или уж тебе и ***любовь*** моя прискучила?» («ЛМ»).
любовь	«…С нестоящею не надо и ***любви*** иметь» («ЛМ»).
любовь	«…С нестоящею не надо и ***любви*** иметь» («ЛМ»).
любовь	«…С нестоящею не надо и ***любви иметь***» («ЛМ»).
любовь	«Я чувствую, какова есть ***любовь*** и как она чёрной змеею сосёт моё сердце…» («ЛМ»).
любовь	«…Хоть узнать, уведать, что такая есть за ***любовь*** на свете!» («Жит.»).

любовь	« Ну, дай же вам бог жить в счастье, радости, совете, ***любви*** да согласии! – выпил полрюмки, а остальным плеснул в потолок» («Жит.»).
любовь	«Сказывают, с самой хозяйкой в ***любви*** был...» («ЛМ»).
любовь	«Разве оне могут что об *любви* понимать как следует!» («ЛМ»).
любовь	ну а только как ты меня ***на*** эту теперешнюю нашу ***любовь*** сам *улещал* и сам знаешь, что сколько я пошла на нее своею охотою, сколько ж и твоей хитростью…» («ЛМ»).
любовь	***«Любовь*** её к отцу, как любовь многих слишком страстных женщин, не переходила никакою своею частию на ребенка» («ЛМ»).
любовь	«Любовь её к отцу, как ***любовь*** многих слишком страстных женщин, не переходила никакою своею частию на ребенка» («ЛМ»).
любовь	«Вспомни, моя разлюбезная, нашу прежнюю ***любовь***» («ЛМ»).
любовь	«Чуется во всем пора ***любви***, пора тёмных желаний, томительных, и тоски безграничной для тех, кому не с кем делить ни горя, ни радостей» («Жит.»).
любовь	«Эх! не всем, бабочка, все ***любовь***-то эта приназначена» («Жит.»).
людская изба	«Так она стояла долго, пока поезд вышел не только из господского дома, но даже и из ***людской избы***, где все угощались у Костика и Петровны» («Жит.»).
мазанка	«Даже изба ей была милее, чем бесприютная прихожая в *господской* ***мазанке****…»* («Жит.»).
масло	«Варвара собрала дружков, оправила голову замерзшему Гришке, и с церемониею повели молодых за брачный стол есть когута жареного и пшённую кашу с *коровьим* ***маслом***» («Жит.»).
масло	«Он бил ***масло*** из чужой конопли из-за платы да из-за жмыха» («Жит.»)
масло	«Отвезли Настю к солдату, и денег дали, и муки, и жмыхи, и ***масла***» («Жит.»).
масло	«Так прошла зима, свезли ***масло*** в Орел» («Жит.»).
масло конопляное	«…и маслобойню, на которой бил ***конопляное масло***» («Жит.»).
масло коровье	«Варвара собрала дружков, оправила голову замерзшему Гришке, и с церемониею повели молодых за брачный стол есть когута жареного и пшенную кашу с ***коровьим маслом***» («Жит.»).
маяться	«...а Катерина Львовна ***маялась*** дома по целым дням одна-одинёшенька» («ЛМ»).
мёд	«При этом, разумеется, было и выпито вдоволь и водки, и пива, и домашней браги, и ***мёду*** *сычёного*» («Жит.»).
мёд	*«*Потчевали Настю и капустой и ***мёдом***, но она ничего не хотела есть…» («Жит.»).
мёд	«Ребята к ней льнули, как мухи к ***мёду,*** но она на это и глазом не смотрела и крепко спала на своей постельке в холодной пуньке на задворке» («Жит.»).
мед сычёный	«При этом, разумеется, было и *выпито* вдоволь и водки, и пива, и домашней браги, и *меду* ***сыченого***» («Жит.»).
мезонинчик	«…со скуки и полезет по лесенке в свою супружескую опочивальню, устроенную на высоком небольшом ***мезонинчике»*** («ЛМ»).
мерин (чалый)	«Как бы не ты пристал осенью с ножом к горлу за деньги, так и ***мерин*** бы ***чалый*** на дворе остался, и работник бы был» («Жит.»).
мерин чалый	«...так и ***мерин*** бы *чалый* на дворе остался, и работник бы был»

	(«Жит.»).
место	«А стала я уж опять себя чувствовать в *незнакомом* ***месте***, в большой светлой избе…» («ТХ»).
миловать	«… ***миловала***, миловала его, поправила измятую перину и пошла в сад чай пить» («Леди Макбет Мценского уезда» URL)
миловать	«… миловала, ***миловала*** его, поправила измятую перину и пошла в сад чай пить» («Леди Макбет Мценского уезда» URL)
молоко	«Настя и пила ***молоко*** от крылушкинской коровы…» («Жит.»).
молоко	«Он ей не давал никакого лекарства, только ***молока*** велел пить как можно больше» («Жит.»).
молоко	«Настя и пила ***молоко*** от крылушкинской коровы, как воду, сплошь все дни, и среды, и пятницы» («Жит.»).
мука	«Выпхнули на позор, на ***муку***, да меня ж упрекают, на меня ж плачутся» («Жит.»).
мука	«...жмых дорог в хозяйстве: им и лошадей кормят и свиней, да и люди его, по нужде, к ***муке*** подмешивают» («Жит.»).
мука	«Отвезли Настю к солдату, и денег дали, и ***муки***, и жмыхи, и масла» («Жит.»).
мука	« – Ну а то ж откуда ***муку в***озят?» («Жит.»).
мука	А я тоже, Катерина Ильвовна, свое сердце имею и могу свои ***муки*** видеть. («ЛМ»).
мундир	«...***мундиры***, солдаты, фонари, ничего она не понимала» («Жит.»).
мучиться	«С самого утра этого дня сна будто перестала ***мучиться*** и точно как умерла» («Жит.»).
мчаться (о конях)	«..а вкруг – тьма промежная, и *коней тройка* лихая ***мчится***, и не знаю куда…» («Тупейный художник» URL) .
наверх	– Надо окна велеть закрыть, – сказала она и вышла в гостиную, а оттуда в залу, а оттуда *к себе наверх* и присела» («ЛМ»).
навозник	«И как въехал в это время в вороты ***навозник*** Филипп, я и говорю ему…» («ТХ»).
надевать	«...отвечала Катерина Львовна и, привставая, начала ***надевать*** *распашную ситцевую* блузу» («ЛМ»).
надевать	«Приехал представиться государю из своей деревни брат графа, который был еще собой хуже, и давно в деревне жил, и формы ***не надевал***, и не брился…» («Тупейный художник» URL)
надеть	«Настя ***надела*** поданное ей колечко, а сама бледная как смерть» («Жит.»).
надеть	«Поужинал Костик, ***надел*** тулуп и пошел к Прокудину. («Жит.»).
надеть	«… ***надели*** панёву с мишурным позументом и синей прошвой спереди; одели опять в белый тулуп и повезли в дом свекра. («Жит.»).
надеть	«Барин ***надел*** ватный кашемировый халат и подпоясался…» («Жит.»).
надеть	«На нём уже была ***надета*** рубашечка, которую ему сшили и прислали Настины подруги, арестантки бродяжного отделения» («Жит.»).
надеть	«…обогрела, ***надела*** на нее чистую рубашку вместо её лохмотьев и вымыла ей щелоком голову» («Жит.»).
наесться	«Дай бог только здоровья твоим рукам, а то ***наедимся***, да и добрых людей еще накормим» («Жит.»).
накормить	«Дай бог только здоровья твоим рукам, а то наедимся, да и добрых

	людей еще ***накормим***» («Жит.»).
наливка	«Становой сидел у раскольницы Меланьи и благодушествовал с нею за ***наливкой***» («Жит.»).
наливка	«Он махнул рукой и предложил мне ***наливки*** » («Жит.»).
налить	*«**Налила*** мне из своей бутылочки и говорит…» («ТХ»).
налить	«В пуньке она опять ***налила*** водки и поднесла Насте» («Жит.»).
нанка	«Это уж всем известно, – отвечал тулуп, крытый *синей* ***нанкой***» («ЛМ»).
напиться	«Крылушкин, ***напившись*** чайку до третьего пота, согрелся и почувствовал себя необыкновенно хорошо» («Жит.»).
напиться	«Вечером Степан пришёл на Прокудинский загон попросить кваску ***напиться*** и побалакать» («Жит.»).
напиться	«Встала Настя, ***напилась*** водицы и опять села за пряжу» («Жит.»).
напиться	«Встанут свекор с мужем ранёхонько, ***напьются*** в шесть часов утра чаю, да и по своим делам, а она одна слоняет слоны из комнаты в комнату» («ЛМ»).
напоить	«Катерина Львовна сидит у больного, и ***напоит*** его, и лекарство ему даст вовремя» («ЛМ»).
напоить	Ну что ж, – отвечала Катерина Львовна, – и то правда, поди пошли его: я его чаем тут ***напою***. («ЛМ»).
напоить (чаем)	«– Ну что ж, – отвечала Катерина Львовна, – и то правда, поди пошли его: я его чаем тут ***напою***» («Леди Макбет Мценского уезда» URL)
наряд (девичий)	«А относительно *девичьих* ***нарядов*** сказали, что девки на Гостомле «спокона века» ходили в одних вышитых рубашках и что это ничему не вредит...» («Жит.»).
настойка	«...а барыня сняла со шкафа бутыль *с зоревой* ***настойкой*** и нацедила два графинчика водки» («Жит.»).
нахлебаться	«Костик так ***нахлебтался***, что на ногах не стоял и молол всякий вздор» («Жит.»).
нацедить	«....а барыня сняла со шкафа бутыль с зоревой настойкой и ***нацедила*** два графинчика водки» («Жит.»).
не живой, не мёртвый	«Настя сидела обок мужа ***не живая, не мертвая***» («Жит.»).
невинный вид	«Аркадию убрать обречённую девушку после театра ***«в невинном виде святою Цецилией»***, и во всем в белом, в венке и с лилией в руках символизированную innocence доставляли на графскую половину» («ТХ»).
нега	Дышалось чем-то томящим, располагающим к лени, к ***неге*** и к темным желаниям. («ЛМ»).
неласковый	«Только штемпелёванный дружок Катерины Львовны стал что-то до неё очень ***неласков***: что ей ни скажет, как оторвет, тайными свиданьями с ней, за которые та не евши и не пивши отдаёт самой ей нужный четвертачок из тощего кошелька, дорожит не очень и даже не раз говаривал» («ЛМ»).
непитущий	«Григорий …«***непитущий*** и смиренник» («Жит.»)
нет силушки (силы)	«– Нет, брат, ***силушки*** моей ***нет***. Не хочу я есть» («Жит.»).
нетерпеливый	«Опять молодые поцеловались, и на Настином лице выразилось и страдание и ***нетерпеливая*** *досада*» («Жит.»).
нетерпеливый	«Беда и тому, кому бог даёт прямую душу да горячее сердце

	нетерпеливое: станут такого колотить сызмальства и доколотят до гробовой доски» («Жит.»)
нечего терять	«…покой человека, которому ***нечего больше терять*** и который уже ничего не хочет пугаться» («Жит.»).
ни звука	«Везде чисто, везде тихо и пусто, лампады сияют перед образами, а нигде по дому *ни звука живого, ни голоса человеческого»* («ЛМ»).
нижний пол	«Настя одела кузнечихину свиту, подпоясалась и сошла на ***нижний пол***» («Жит.»).
обед	«…Настя пошла домой, чтобы готовить завтра ***обед***» («Жит.»).
обед	«***Обед*** у Прокудиных в этот день был *прескверный»* («Жит.»).
обед	«Купил полведра водки, заказал ***обед*** и пригласил мужиков» («Жит.»).
обед	«Прокудин запросил их к себе на ***обед***...» («Жит.»).
обед	«…Настя пошла домой, чтобы готовить завтра ***обед***» («Жит.»).
обед	«Повезла Настя ***обед***» («Жит.»).
обед	«...а Настя пошла домой, чтобы готовить завтра ***обед***...» («Жит.»).
обезуметь (от счастья)	«Она ***обезумела*** от своего ***счастия***; кровь её кипела, и она не могла более ничего слушать» («ЛМ»).
обезуметь	«Она ***обезумела*** от своего счастия; кровь её кипела, и она не могла более ничего слушать» («ЛМ»).
обижать	***Обижать***-то бабу много кого найдется, а пожалеть некому» («Жит.»).
облачиться	«Вошел отец Ларион, ***облачился***, взял себе одну зажженную восковую свечу...» («Жит.»).
обойтись	«Девка, – думала, – глупа; а там ***обойдётся***, и будут жить по-божьему» («Жит.»)
образ	«Везде чисто, везде тихо и пусто, лампады сияют перед ***образами***, а нигде по дому ни звука живого, ни голоса человеческого» («ЛМ»).
обувь	«Катерина Львовна и выкинула Сергею за окно его ***обувь*** и одежду» («ЛМ»).
обшивать	«***Обшивала*** и обмывала его Настя…» («Жит.»).
обшлаг	«Ундер спрятал за ***обшлаг*** деньги и сказал: «Ладно» » («ЛМ»).
объедки	«...и продолжала собирать со стола ***объедки*** хлеба и перепачканную деревянную посуду» («Жит.»).
овёс	«...***овес*** у лошадей выгребал да продавал…» («Жит.»)
овёс	«…он торговал и ***овсом***, и водкой…» («Жит.»)
овин	«Хочешь в ***овин***?» («Жит.»).
овин	«В ***овине*** тоже было холодно, но все-таки не так, как на дворе» («Жит.»).
овин	«"Ну, если придут садить ***овин***? думала она» («Жит.»).
овин	«Но ***овин*** садить не приходили» («Жит.»).
овин	«Всем было не до ***овина***» («Жит.»).
овин	«Через минуту за ***овином***, с задней стороны, послышались торопливые шаги» («Жит.»).
овин	«...и наконец кто-то подошел к ***овину*** и спрыгнул в яму» («Жит.»).
огурец	«Исай Матвеевич с Костиком выпили по третьему пропускному стаканчику, – закусили остатком ***огурца*** и сели в стороне, чтобы не мешать бабам убирать со стола» («Жит.»).
одажда	«Крылушкин … сильным ещё, но тоже немножко уже дребезжащим голосом запел: “Чертог твой вижду, Спасе мой! украшенный, и ***одежды*** не имам, да вниду в онь”» («Жит.»).

одевать	«***Одевали*** её к венцу, песни пели, косу девичью расчёсывая под честной венец» («Жит.»).
одевать	«Но только что попадья стала меня за переборочкой ***одевать***, как вдруг слышим, у двери кто-то звяк в кольцо» («ТХ»).
одежда	«Катерина Львовна и выкинула Сергею за окно его обувь и ***одежду»*** («ЛМ»).
одеть	«...***одели*** опять в белый тулуп и повезли в дом свекра. («Жит.»).
одеть	«...положила её в холодную постель и ***одела*** веретьем, а сверху двумя тулупами» («Жит.»).
одеть	«… умная девка и в одной рубашке будет девкою, а зрячая, во что её ни ***одень***, прогорит, духом» («Жит.»).
одеть	«… и ***одели*** Цецилией – одно этакое белое, просто без рукавов, а на плечах только узелками подхвачено, – терпеть мы этого убора не могли» («ТХ»).
Одеть (одетый)	«Когда они вернулись в спальню, тонкая румяная полоска зари прорезывалась на востоке и, золотя легонько ***одетые*** *цветом яблони*, заглядывала сквозь зеленые палки садовой решетки в комнату Катерины Львовны» («ЛМ»).
одеть (одетый)	«Настя совсем ***одетая***: в паневе, в фартуке и в повязке» («Жит.»).
окно	«…я помню еще огромное серое деревянное здание с фальшивыми ***окнами***, намалеванными сажей и охрой…» («ТХ»).
окно	«...а по столбу из-под невесткина ***окна*** тихо-тихохонько спускается книзу красная рубаха молодца Сергея» («ЛМ»).
окно	«Катерина Львовна и выкинула Сергею за ***окно*** его обувь и одежду» («ЛМ»).
окно	«Крылушкин выглянул в ***окно*** и увидел у своих ворот трое дрожек и человек пятнадцать людей…» («Жит.»).
окно	«Я за ***окно*** брошусь, – говорила Катерина Львовна…» («ЛМ»).
окно	«…оторвав молодую хозяйку от ***окна***, крепко её обнял» («ЛМ»).
окно	«Дверь теперь уж нарочно я сама, своими руками на ключ заперла, ***окно*** закрыто, а он опять тут» («ЛМ»).
окно	«…прежде чем Зиновий Борисыч успел доскочить до ***окна***, схватила его сзади…» («ЛМ»).
окно	« – Надо ***окна*** велеть закрыть, – сказала она и вышла в гостиную…» («ЛМ»).
окно	«Ну читай, – проронила Катерина Львовна и, обведя холодным взглядом комнату, остановила его на разрисованных морозом ***окнах***» («ЛМ»).
окно	«Закрыли ***окна***? – спросила его Катерина Львовна» («ЛМ»).
окно	«…закрытые ставнями ***окна*** начали оттаивать и заплакали…» («ЛМ»).
окно	«… ***окна*** дребезжали, полы качались…» («ЛМ»).
окно	«Человек десять последовали его примеру и, вскочив к ***окнам***, тоже заработали кулаками» («ЛМ»).
окно	«…он как вскочил в мою каморочку, так в то же мгновение сразу схватил стол и вдруг все ***окно*** вышиб…» («ТХ»).
окно	«Настя испугалась, отбежала за амбарчик и оттуда продолжала глядеть на ***окно***» («Жит.»).
окно	«Настя бросилась к окну, потом к двери, потом опять к ***окну***» («Жит.»).
окно	«Настя бросилась к ***окну***, потом к двери, потом опять к окну»

	(«Жит.»).
окно	«Баба и старуха сидели на ***окне***» («Жит.»).
окно (волоковое)	«Теснится народушко на просторной Руси, и трудно ему рассмотреть в *волоковое* ***окно*** свои нечисти» («Жит.»).
окошечко	«Катерина Львовна от нечего делать рано повечерила, открыла у себя на вышке ***окошечко*** и, прислонясь к косяку» («Леди Макбет Мценского уезда» URL)
окошечко	«Сидела раз Катерина Львовна у себя на вышке под ***окошечком***...» («ЛМ»).
окошечко	«…сквозь ***окошечко***, прорезанное в двери, ей послышался сдержанный хохот…» («ЛМ»).
окошечко	«…тётушка Дросида опять тихонечко встала, без огня подошла к ***окошечку*** и, вижу, опять стоя пососала из плакончика…» («ТХ»).
окошечко	«А вот мы когда домой пойдём, то я опять за уголком у кабачка в ***окошечко*** постучу» («ТХ»).
окошко	«Катерина Львовна быстро спрыгнула в одной рубашке с постели и открыла ***окошко***» («ЛМ»).
окошко	…Зиновий Борисыч кинулся к открытому ***окошку***» («ЛМ»).
опохмелиться	«***Опохмелились,*** закусили и лясы поточили» («Жит.»).
опочивальня	«…со скуки и полезет по лесенке в свою *супружескую* ***опочивальню***, устроенную на высоком небольшом мезонинчике» («ЛМ»).
орехи	«Угощенье было богатое: пироги, щи со свежиной, похлебка с потрохами, гуси жареные, солонина духовая с хреном, гусиные полотки, а после закуски разные: ***орехи***, подсолнухи, столбики с инбирем и круглые прянички, а детям коньки пряничные» («Жит.»).
остановить	«Завидел Прокудин Костика и ***остановил*** *лошадь*. » («Жит.»).
остаток	«…закусили ***остатком*** огурца и сели в стороне…» («Жит.»).
от нечего делать	«Катерина Львовна ***от нечего делать*** рано повечерила. («ЛМ»).
отсосаться	«…я тебе, как ночь придет, все расскажу, а теперь ещё пососу… ***Отсосаться*** надо… жжёт сердце» («ТХ»).
отстряпаться	«***Отстряпалась*** Настя; старик запряг ей телегу…» («Жит.»).
отчалить	«– На этом пароме, сказывают, кто-то водку держит, – заметил какой-то арестант, когда осыпаемый хлопьями мокрого снега *паром* ***отчалил*** от берега и закачался на валах расходившейся реки» («ЛМ»).
отъехать	«А тут с мельницы пришло известие, что хозяин нанял коней и давно ***отъехал*** ко двору» («ЛМ»).
охаять	«Тихая была девка и на словах будто не речиста; а как нужно увернуться, чтобы кого словом не ***охаять***, так т*а*к умела она это сделать, что никому и невдомек, что она схитрила» («Жит.»).
пальто	«…крепко держалась за полу смотрительского ***пальто***» («Жит.»).
панева	«...Настя встала и протянула руку к ***паневе***» («Жит.»).
панёва	«… надели ***панёву*** с мишурным позументом и синей прошвой спереди…» («Жит.»).
панёва	«Настя совсем одетая: в ***панёве,*** в фартуке и в повязке» («Жит.»).
панёва	«…Настя встала и протянула руку к ***панёве»*** («Жит.»).
панталоны	«Ждала, ждала, вышел хозяин в одних ***панталонах*** и в туфлях и объявил, что «Петька чиновничьи штаны прожег» («Жит.»).
паром	«– На этом ***пароме***, сказывают, кто-то водку держит…» («ЛМ»).
паром	«Партия промокших и продрогнувших арестантов медленно

	подошла к перевозу и остановилась, ожидая ***парома***» («ЛМ»).
паром	«Подошёл весь мокрый, тёмный ***паром***; команда начала размещать арестантов» («ЛМ»).
паром	«…осыпаемый хлопьями мокрого снега ***паром*** отчалил от берега и закачался на валах расходившейся реки» («ЛМ»).
пахать	«…жеребцов не держат, потому что беспокойства с ними много; ***ни пахать*** на нем, ни в табун его выпустить нельзя» («Жит.»).
пенник	«…отняв для них браги в особый кубан, еще влила туда добрую долю ***пенника***» («Жит.»).
пенник	«Без привычки таки этой браги*, сыченой с* ***пенником*** или с простой полугарной водкой, никак нельзя пить...» («Жит.»).» («Жит.»).
переборочка	«Но только что попадья стала меня за ***переборочкой*** одевать, как вдруг слышим, у двери кто-то звяк в кольцо» («ТХ»).
перевоз	«Партия промокших и продрогнувших арестантов медленно подошла к ***перевозу*** и остановилась, ожидая парома» («ЛМ»).
передняя	«– Ничего, – отвечал, поворачиваясь из ***передней*** в сени, приказчик» («ЛМ»).
передняя	«Отворилась дверь в маленький залец, и выступила из ***передней*** Настя» («Жит.»).
пересолить	«Настя щи ***пересолила*** так, что их в рот нельзя было взять, а кашу засыпала такую густую, что она ушла из горшка в печке» («Жит.»).
пересолить	*«У* нас есть поверье, что влюбленная женщина всегда ***пересолит*** *кушанье*, которое готовит» («Жит.»).
перчатки	«...через минуту возвратился оттуда с парою своих старых *замшевых* ***перчаток***» («Жит.»).
пестрядинный	«Смотрю, входит женщина, пожилая, высокая, вся в синей пестряди и ***пестрядинным*** чистым платком повязана, а лицо ласковое» («ТХ»).
пестрядинный	«Мало вынесла с собою Катерина Львовна в ***пестрядинном*** *мешке* ценных вещей и еще того меньше наличных денег» («ЛМ»).
пестрядинный	«Ему, – говорила ***пестрядинная*** старушка...» («ТХ»).
пестрядь	«...а я тоже такая, как и ты, и не весь свой век эту ***пестрядь*** носила...» («ТХ»).
пестрядь	«Смотрю, входит женщина, пожилая, высокая, вся в синей ***пестряди*** *и* пестрядинным чистым платком повязана, а лицо ласковое» («ТХ»).
петух	«...из избы ей уж два раза доносили, что *жареный* ***петух*** готов и пора молодых поднимать...» («Жит.»).
петух жареный	«...из избы ей уж два раза доносили, что ***жареный петух*** готов и пора молодых поднимать... («Жит.»).
печка	«А не знаю; гляди, небось на ***печке*** будет» («Жит.»).
печка	«Костик молча встал с лавки и пошел к ***печке***, где ни жива ни мертва лежала несчастливая Настя, чуя беду неминучую» («Жит.»).
печка	« Что ты лежишь, сестра? спросил вслух Костик, ставши ногою на приставленную к ***печке*** скамью и нагнувшись над самым ухом Насти» («Жит.»).
печка	«Кузнец полез на ***печку.***..» («Жит.»).
печка	«...сказав: "Как холодно!", прыгнула к мужу на ***печку***» («Жит.»).
печка	«Устала Настя и, войдя в избу, села на лавку против самой ***печки***, у которой стряпалась Домна» («Жит.»).
печь	«…***печи*** не топились, дверь на пяди не стояла…» («ЛМ»).

печь	«Настя охнула и тоже спустилась с ***печи***» («Жит.»).
печь	«Ступай на ***печь»*** («Жит.»).
печь	« Настя молчала и смотрела в огонь ***печи***» («Жит.»).
печь	«...рассказывала Домна, передвигая в ***печи*** горшки» («Жит.»).
печь	« Здесь стояла девочка, вся красная, как от ***печи*** отошла » («Жит.»).
пешком	« – На лошади, что ль? – Да, а то как же? ***не пешком,*** чай**. »** («Жит.»)
пиво	«При этом, разумеется, было и выпито вдоволь и водки, и ***пива***…» («Жит.»).
пироги	«Угощенье было богатое: ***пироги***, щи со свежиной, похлебка с потрохами…» («Жит.»).
пироги	«…кошель с ***пирогами*** и старую накладную, которая должна была играть роль паспорта ... («Жит.»).
пить	«Всю эту ночь у Прокудиных ***пили*** да гуляли, и поснули, где кто ткнулся, где кому попало» («Жит.»).
пить	«Он ей не давал никакого лекарства, только молока велел ***пить*** как можно больше» («Жит.»).
пить	«Настя и ***пила*** молоко от крылушкинской коровы…» («Жит.»).
пить	«Костик ещё боялся, что капитала не вернёт, и как вырвал его, так три дня ***пил*** с радости…» («Жит.»).
пить	«– Вот невестка завтра нового сделает – приходи ***пить***» («Жит.»).
пить	«Степан достал кувшин и стал из него ***пить***…» («Жит.»).
пить	«Чувствует Катерина Львовна, что пора ей и проснуться; пора идти в сад чай ***пить***, а встать никак не может» («Леди Макбет Мценского уезда» URL)
пить	«… миловала, миловала его, поправила измятую перину и пошла в сад чай ***пить***» («Леди Макбет Мценского уезда» URL)
пить	«Только штемпелёванный дружок Катерины Львовны стал что-то до неё очень неласков: что ей ни скажет, как оторвет, тайными свиданьями с ней, за которые та не евши и ***не пивши*** отдает самой ей нужный четвертачок…» («ЛМ»).
пить	«Не ***пей*** – это водка» («ТХ»).
пить	«Теперь и не могу – надо мне это, а ты не ***пей***, пока можно…» («ТХ»).
пить	«Но я все еще ничего не ***пила***…» («ТХ»).
пить	««Без привычки таки этой *браги, сыченой с пенником* или с простой полугарной водкой, никак нельзя ***пить...***» («Жит.»).» («Жит.»).
пить (чай)	«…уселась на ковре под цветущею яблонью чай ***пить***» («ЛМ»).
питье	«Всего было довольно: ***питья***, и еды, и гостей званых…» («Жит.»).
пища	«...и она повезла сама в поле ***пищу****…»* («Жит.»).
плакать	«Она хохотала***, плакала,*** смеялась, рвала на себе волосы и, упав с лавки, каталась по полу» («Жит.»).
плакать	«Она все стояла за углом барского дома да ***плакала****»* («Жит.»).
плакаться	«Выпхнули на позор, на муку, да меня ж упрекают, на меня ж ***плачутся***» («Жит.»).
плакон	«Ну, значит, теперь ***плакона*** *не миновать*» («Тупейный художник» URL»)
плакон	«Я сразу весь ***плакон*** *выпила*» («Тупейный художник» URL»)
плат	Сергей, наблюдая со двора этот приезд и прием, сделанный Катериною Львовною приезжим, *побледнел как* ***плат***» («ЛМ»).

платок	«Гришка был расчёсанный, примасленный, в новой свите, с красным бумажным ***платком*** под шеей» («Жит.»).
платок	«Посадили её в господскую кибитку, обвешанную красными ***платками,*** и к церкви привезли» («Жит.»).
платок	«Сергей ходил, замотав горло пунсовым ***платком****…*» («ЛМ»).
платок	«…пестрядинным чистым ***платком*** повязана, а лицо ласковое. («ТХ»).
платок	Катерина Львовва закрыла окно в спальне ставнями и еще шерстяным ***платком*** его изнутри завесила…(«ЛМ»).
платок	«Ты дружком, что ли? спросил барин, глядя на перевязанный красным ***платком*** рукав Тихоновой свиты» («Жит.»).
платок шейный	«И вынимает из-за ***шейного платка*** беленький стеклянный пузырек и показывает» («ТХ»).
платочек	«Петровна в черной *свитке*, повязанная *тёмненьким бумажным* ***платочком****…*» («Жит.»).
платье	«...а в четвертой стояли сундуки, ***платье*** висело и разные домашние вещи» («Жит.»).
платье	«Кроме холода, пронизывающего ее под измокшим ***платьем*** до самых костей, в организме Катерины Львовны происходило еще нечто другое» («ЛМ»).
платье (герцогини де Бурблян)	«– А как все представление окончилось, тогда сняли с меня ***платье*** герцогини де Бурблян и одели Цецилией – одно этакое белое, просто без *рукавов,* а на плечах только узелками подхвачено, – терпеть мы этого убора не могли». («ТХ»).
платье (дамское)	«…а дамские ***платья*** работы Ворт и сейчас называют "художественными произведениями"» («Тупейный художник» URL)
платьице	«Пробил её мороз до костей в одном ***платьице****…»* («Жит.»).
платьице	«Добрая, вся в белом, длинном-длинном ***платьице***, а на голове веночек из белых цветочков...» («Жит.»).
плеснуть в потолок	«Ну, дай же вам бог жить в счастье, радости, совете, любви да согласии! – выпил полрюмки, а остальным *плеснул в потолок»* («Жит.»).
побежать	«То, бывало, ***побежит*** к матери, то бросится в господскую детскую» («Жит.»).
повечерить	«Катерина Львовна от нечего делать рано ***повечерила****…*» («ЛМ»).
повечерять	«– Постой, сичас Гришка придет, пойдем ***повечеряем***; хоть выпьем по крайности вместе» («Жит.»).
повечерять	«Постой, сичас Гришка придет, пойдем ***повечеряем***; хоть выпьем по крайности вместе» («Жит.»).
повести (лошадь)	«Костик ничего не ответил и ***повёл*** *лошадей…*» («Жит.»).
повязать	Смотрю, входит женщина, пожилая, высокая, вся в синей пестряди и пестрядинным чистым платком ***повязана,*** а лицо ласковое. («ТХ»).
повязка	«Настя совсем одетая: в паневе, в фартуке и в ***повязке»*** («Жит.»).
повязка	«Катерина Львовна дёрнула впотьмах ***повязку*** с своей соперницы» («ЛМ»).
повязка	«Катерина Львовна секунду подумала, потом вынула из-под подушки сорванную ночью ***повязку*** и, бросив её Фионе, повернулась к стенке» («ЛМ»).
повязка	«Ну, одначе, дай же ты мне мою ***повязку***, – побудила её утром солдатка Фиона» («ЛМ»).
повязка	«...спрашивала Петровна, поправляя волосы, выбившиеся из-под

	Настиной ***повязки*** («Жит.»).
повязка (арестантская)	«...капризно выбегавшими на лоб из-под арестантской *пестрядинной* ***повязки»*** («ЛМ»).
повязка (женская)	«В притворе церковном свахи завернули ей косу под *белую женскую* ***повязку*** с красной бумажной бахромой…» («Жит.»).
погнать (лошадь)	«Степан тоже прыгнул в сани, а сидевший в них мужик сразу ***погнал*** *лошадь*» («Жит.»).
погреб	«Много было в эти ночи в спальне Зиновия Борисыча и винца из свекрового ***погреба*** попито, и сладких сластей поедено…» («Леди Макбет Мценского уезда» URL)
погреб	«Под всем домом были подведены *потайные* ***погреба,*** где люди живые на цепях, как медведи, сидели» («ТХ»).
погребок	«Сергей снёс Зиновия Борисыча в ***погребок,*** устроенный в подполье той же каменной кладовой…» («ЛМ»).
погубить	«***Погубили*** мою жизнь; продали мое тело, и душеньку мою продадут» («Жит.»).
подводы обратные	«Дорогою они то шли пешком, то подъезжали, за дешевую плату, на ***обратных подводах***» («Жит.»).
подворотня	«В избе уснули, а Степан пролез в ***подворотню***, тревожно осмотрелся и кашлянул » («Жит.»).
подгулять	«Свахи и дружки тоже ***подгуляли***, и о молодых на время как будто позабыли» («Жит.»).
поддеть	« Разве когда б шерстяные чулки, что ли, ***поддеть*** еще, – проговорил Сергей спустя минуту» («ЛМ»).
подклет /подклеть	«У нас в Гостомле есть много народу, что от тесноты в избах целую зиму спят по чуланам да по пунькам либо по ***подклетям***. («Жит.»).
подмесь	«А мужики охотно портят вкусную хлебную брагу винной ***подмесью***, потому что с ***подмесью*** она крепче, «сногсшибательнее» («Жит.»).
подмесь винная	«А мужики охотно портят вкусную хлебную брагу ***винной подмесью,*** потому что с подмесью она крепче, «сногсшибательнее» («Жит.»).
подмешивать	«...жмых дорог в хозяйстве: им и лошадей кормят и свиней, да и люди его, по нужде, к муке ***подмешивают***» («Жит.»).
поднести	«В пуньке она опять налила *водки* и ***поднесла*** Насте» («Жит.»).
подносить	«Я ***подносил***, и за каждой подноской меня заставляли выпивать первый стаканчик...» («Жит.»).
подоконница	«…схватилась рукою за ***подоконницу***» («ЛМ»).
подольчик	«Поставила барыня девочку на пол; подняла ей ***подольчик*** рубашечки, да и ну её валять ладонью, – словно как и не свое дитя родное» («Житие одной бабы»).
подполье	«Сергей снёс Зиновия Борисыча в погребок, устроенный в ***подполье*** той же каменной кладовой, куда ещё так недавно запирал самого его, Сергея, покойный Борис Тимофеич, и вернулся на вышку» («ЛМ»).
подсолнечные зернышки	«Катерина Львовна от нечего делать рано повечерила, открыла у себя на вышке окошечко и, прислонясь к косяку, шелушила ***подсолнечные зернышки***» («ЛМ»).
подсолнухи	«Угощенье было богатое: пироги, щи со свежиной, похлебка с потрохами, гуси жареные, солонина духовая с хреном, гусиные полотки, а после закуски разные: орехи, ***подсолнухи***, столбики с

	инбирем и круглые прянички, а детям коньки пряничные» («Жит.»).
поезд	«***Поезд*** остановился у крыльца и не сходил с саней » («Жит.»).
поесть	«***Поешь***, так полегчает. Вставай-ка! («Жит.»).
поесть	***«Поели*** картофель, помолились Богу и сказали спасибо хозяйке» («Жит.»).
поесть	«…сладких сластей ***поедено***…» («Леди Макбет Мценского уезда» URL)
поесть	***«Поел*** Борис Тимофеич на ночь грибков с кашицей, и началась у него изжога» («ЛМ»).
поесть	« ...умер Борис Тимофеич, да и умер, ***поевши*** грибков, как многие, поевши их, умирают» («ЛМ»).
поесть	« ...умер Борис Тимофеич, да и умер, поевши грибков, как многие, ***поевши*** их, умирают» («ЛМ»).
поесть	«***Поели*** картофель, помолились богу и сказали спасибо хозяйке» («Жит.»).
поехать	«… Прокудин тоже хлопнул вожжой и ***поехал*** ко двору» («Жит.»).
пожалеть	«Обижать-то бабу много кого найдется, а ***пожалеть*** некому» («Жит.»).
позавтракать	«Ты б, Авдотья, нам картошечек *сварила* ***позавтракать***…» («Жит.»).
позумент	«…надели паневу с *мишурным* ***позументом*** и синей прошвой спереди…» («Жит.»).
покоец	«И адский царь Сатана надоумил их, жестоких, чтобы им терзать Аркашу под моим ***покойцем***...» («ТХ»).
покои	Не успела Катерина Львовна ничего сообразить, как народ, окружающий крыльцо, смял её и бросил в ***покои***» («ЛМ»).
пол	«Григорий поставил на ***пол*** гусей*...»* («Жит.»).
пол	«…окна дребезжали, ***полы*** качались…» («ЛМ»).
пол	« Настя выпустила смотрительскую ***полу***...» («Жит.»).
пола	«Степан распахнул свой тулуп, посадил Настю в колена и закрыл её ***полами***» («Жит.»).
пола	«Я ***полой*** тебя прикрою, так что не заметят» («ЛМ»).
пола	Что же делать-то, Сережечка? – расспрашивала она, ютясь под ***полу*** его свиты» («ЛМ»).
пола	«С этими словами он, сейчас же обратясь к Сонетке, покрыл ее своею ***полою*** и запел высоким фальцетом…»
пола	«Не могу! не могу, говорила Настя, ударяя себя одною рукою в грудь, а другою крепко держалась за ***полу*** смотрительского пальто» («Жит.»).
полдник	«Степан перед ***полдниками*** пришёл на Прокудинский загон попросить квасу*»* («Жит.»).
политься	– Не в службу, а в дружбу, раздуй, молодка, самоварчик. ***Польюсь*** я чайку» («Жит.»).
полоток	«Угощенье было богатое: пироги, щи со свежиной, похлебка с потрохами, гуси жареные, солонина духовая с хреном, *гусиные* ***полотки***, а после закуски разные…» («Жит.»).
полрюмки	«…выпил ***полрюмки***, а остальным плеснул в потолок» («Жит.»).
полстакана	«…Настя и ***полстакана*** не могла выпить, потому что брага была хмельная, разымчивая» («Жит.»).
полушубок	«По двору, в накинутом на плечи ***полушубке***, крестясь и позевывая, плелся из сарая в кухню старый приказчик» («ЛМ»).

полушубок романовский	«Минут через пять к ней туда же наверх молча вошёл Сергей в ***романовском полушубке,*** отороченном пушистым котиком» («ЛМ»).
полюбить	«***Полюби*** меня» («Жит.»).
помещение	«В доме был простор, и Сила Иванович мог бы дать Насте совсем отдельное ***помещение***» («Жит.»).
попивать	«Костик все чаще навещал Прокудина; сидели, водочку вместе ***попивали***, а о деле, насчет конопли, ни слова» («Жит.»).
попить	«Много было в эти ночи в спальне Зиновия Борисыча и винца из свекрового погреба ***попито***, и сладких сластей поедено…» («Леди Макбет Мценского уезда» URL)
попойка	«Насилу его умыли, прибрали и повели с женою в избу, где был готов завтрак и новая ***попойка***» («Жит.»).
порог	«Палагея встретила его на ***пороге***...» («Жит.»).
пособить	«Смерть ей жаль было Насти, а ***пособить*** она ей ничем не придумала…» («Жит.»)
пососать	«Теперь и не могу – надо мне это, а ты не пей, пока можно, а меня не суди, что я ***пососу***, – очень больно мне» («ТХ»).
пососать	«…я тебе, как ночь придет, все расскажу, а теперь ещё ***пососу***…» («ТХ»).
пососать	«…и, вижу, опять стоя ***пососала*** из плакончика и опять его спрятала, а меня тихо спрашивает…» («ТХ»).
пососать	«Тут Любовь Онисимовна остановилась и, считая свой сказ досказанным, вынула из кармана пузыречек и «помянула», или *«****пососала****»*, но я её спросил…» («ТХ»).
пососать	«Прежде я сама тебя до этого не допускала и отговаривала, а теперь делать нечего: облей уголь – ***пососи***» («ТХ»).
пососать	«…тётушка Дросида опять тихонечко встала, без огня подошла к окошечку и, вижу, опять стоя ***пососала*** из плакончика…» («ТХ»).
поставить (самовар)	«– Ничего, вскричите Аксинью, пусть ***поставит*** [*самовар*]. («Леди Макбет Мценского уезда» URL)
постройка	«У нас это так было, что в деревянной ***постройке*** мы, девицы, на втором жилье жили...» («ТХ»).
постройка (деревянная)	«У нас это так было, что *в деревянной* ***постройке*** мы, девицы, на втором жилье жили…» («ТХ»).
потолок	«Домна лучины не бросила и вышла с нею в сени; влезла с нею на ***потолок***, зашла в чулан, заглянула в пуньку…» («Жит.»).
потроха	«Угощенье было богатое: пироги, щи со свежиной, похлебка с ***потрохами***, гуси жареные…е» («Жит.»).
потупить глаза	«…стоит ***потупя глаза*** и не шелохнется***»*** («Жит.»).
потчевание	«…он выразительно кивнул ей головой и опять продолжал ***потчевание***. («Жит.»).
потчевать	*«****Потчевали*** Настю и капустой и мёдом, но она ничего не хотела есть...» («Жит.»).
потчевать	«Между тем стали ***потчевать*** водкою поезжан, и начались приговорки: «горько» («Жит.»).
потчевать	«Сваха Варвара хлопотала около молодых, ***потчевала*** их...» («Жит.»).
потчевать	«А Петровна и невестка Алена не знают, где ее и посадить и чем ***потчевать***» («Жит.»).
поужинать	«Люди в кухне ***поужинали*** и расходились по двору спать…»

	(«ЛМ»).
поужинать	*«**Поужинал*** Костик, надел тулуп и пошел к Прокудину» («Жит.»).
поужинать	*«**Поужинали*** девушки и спать положились, устроив дружка дружке мосточки из карт под головами»(«Жит.»).
поужинать	«Собрались семейные, ***поужинали*** и пошли на ночлег по своим местам; и Настя пошла в свою пуньку» («Жит.»).
поужинать	«Дожали прокудинские бабы, ***поужинали*** и стали ложиться спать под крестцами...» («Жит.»).
похлёбка	«Угощенье было богатое: пироги, щи со свежиной, ***похлебка*** с потрохами…» («Жит.»).
поцеловать	«Катерина Львовна засмеялась и *страстно* ***поцеловала*** Сергея при муже» («ЛМ»).
пояс	«Вошло семь человек погони, все из графских охотников, с кистенями и с арапниками, а за ***поясами*** своры веревочные...» («ТХ»).
поясочек	«Зиновий Борисыч поднял с простыни маленький *шерстяной* ***поясочек***…» («ЛМ»).
править	«Переднею лошадью ***правил*** кузнец Савелий…» («Жит.»).
править (лошвдью)	«Настя умела и жать, и гресть за косой, и снопы вязать, и *лошадью* ***править***…» («Жит.»).
править (лошадью)	«Вечером запрег Прокудин сани и отправил гостей домой; лошадью ***правил*** Гришка…» («Жит.»).
прибечь	«…***Прибегла*** к хозяйке вся дроглая, перепросилась переночевать, да так и осталась» («Жит.»).
прибытки	«С радости все целовался пьяный брат, продавши родную сестру за корысть, за ***прибытки***» («Жит.»).
привезти	«Сделалось это дело; ***привёз*** Костик молодую жену от венца в барской бричке…» («Жит.»).
привезти (в кибитке)	«Посадили её в господскую ***кибитку,*** обвешанную красными платками, и к церкви ***привезли***» («Жит.»).
приготовлять	«…для которых Катерина Львовна всегда своими собственными руками ***приготовляла*** особое кушанье…» («ЛМ»).
пригубить	«Она взяла рюмку, ***пригубила*** и сказала: «Горько что-то!» («Жит.»).
пригубить	«Варвара опять ***пригубила*** и опять сказала: «Ещё горько!» («Жит.»).
приехать	«…а на другой вечер, перед самым ужином, ***приехал*** к Прокудиным Костик» («Жит.»).
прийти в признак	«Заметила эта женщина, что я ***в признак пришла***, и обласкала меня и рассказала, что я нахожусь при своем же графском доме в телячьей избе…» («ТХ»).
прикасаться	«Настя сидела за масленой кашей и жареным когутом и ни к чему *не* ***прикасалась»*** («Жит.»).
примундириться	«Тут же, при таком особенном случае, надо было ***примундириться*** и всего себя самого привести в порядок и "в военное воображение", какое требовалось по форме» («ТХ»).
припрячь (лошадей)	«***Припрягли*** еще *лошадей,* куда только можно было цеплять...» («Жит.»).
прискучить	«Или уж тебе и любовь моя ***прискучила***?» («ЛМ»).
притолка	«…а у дверей знакомой избы уперлась руками в ***притолки***, вырвалась из рук и убежала» («Жит.»).
притолка	«Зиновий Борисыч даже растерялся. Он глядел то на стоявшего у ***притолки*** Сергея, то на жену…» («ЛМ»).

притолка	«...вышли в сени и, посмотрев в дырку, прорезанную сбоку дверной ***притолки***...» («Жит.»).
приходить в себя	«Стала я ***в себя приходить***, оттого что моим ногам очень холодно» («ТХ»).
прихожая	«Бабы, мужики вставали, отряхивались и гурьбою полезли в ***прихожую***» («Жит.»).
провизия	«...Крылушкнн денег за нее больше не взял и ***провизии*** не принял...» («Жит.»).
продать	«С радости все целовался пьяный брат, ***продавши*** родную сестру за корысть, за прибытки» («Жит.»).
продать	«Погубили мою жизнь; ***продали*** мое тело, и душеньку мою продадут» («Жит.»).
продать	«Погубили мою жизнь; продали мое тело, и душеньку мою ***продадут***. («Жит.»).
*проезжать (с лошадьми)_*	«Певец обыкновенно ***проезжал*** *с своими лошадьми* позже всех других и всегда один» («Жит.»).
промолвить	«…она никому *ни словечка* не ***промолвила»*** («Жит.»).
простота	«…она привыкла к ***простоте*** и свободе» («ЛМ»).
противный	«***Противен*** он мне; смерть как противен!» («Жит.»)
противный	«Противен он мне; смерть как ***противен***!» («Жит.»)
прошва	«…надели паневу с мишурным позументом и синей ***прошвой*** спереди...» («Жит.»).
прошва	«…но даже сам пристально смотрел вслед девкам, когда они летом проходили мимо окон в белоснежных рубахах с *красными **прошвами**»* («Жит.»).
прямая душа	«Беда и тому, кому бог даёт ***прямую душу*** да горячее сердце нетерпеливое: станут такого колотить сызмальства и доколотят до гробовой доски» («Жит.»)
прянички	«…столбики с инбирем и круглые ***прянички***, а детям коньки пряничные» («Жит.»).
пунька	«– Настя, отчини! – продолжал тот же голос под самою дверью ***пуньки»*** («Жит.»).
пунька	«Сваха тоже выпила и, взяв штоф под мышку, вышла с фонарем вон и затворила за собою ***пуньку»*** («Жит.»).
пунька	«Бабы домашние стали собирать новый завтрак для молодых, а Варвара с дружками и другой свахой пошли к ***пуньке***» («Жит.»).
пунька	«…Настя пошла в свою ***пуньку***» («Жит.»).
пунька	«У нас в Гостомле есть много народу, что от тесноты в избах целую зиму спят по чуланам да по ***пунькам*** либо по подклетям. («Жит.»).
пунька	«Чуланчики такие, вроде деревенских часовен, погородят из хворостового плетня, либо просто на дворе, либо под сараем, и это называют „***пуньками***“» («Жит.»).
пунька	«Раздела Варька Настю в холодной ***пуньке***...» («Жит.»).
пунька	«Сваха тоже выпила и, взяв штоф под мышку, вышла с фонарем вон и затворила за собою ***пуньку*** («Жит.»).
пунька	«Пришла Варвара с дружками к ***пуньке,*** отперла замок…» («Жит.»).
пунька	«Варвара отворила двери, и все вошли в ***пуньку»*** («Жит.»).
пунька	«Опять отворили двери, и все ввалились в тесную ***пуньку»*** («Жит.»).
пунька	«Домна лучины не бросила и вышла с нею в сени; влезла с нею на потолок, зашла в чулан, заглянула в ***пуньку***…» («Жит.»).
пунька	«Настину ***пуньку*** отдали Домне, к которой муж вернулся, а Насте

	сгородили новую, просторную пуньку на задворке, где корм складывали, потому что на дворе уж тесно было» («Жит.»).
пунька	«Настину пуньку отдали Домне, к которой муж вернулся, а Насте сгородили новую, просторную ***пуньку*** на задворке, где корм складывали, потому что на дворе уж тесно было» («Жит.»).
пунька	«Обрядила Настя свою новую ***пуньку*** *и* стала в ней жить» («Жит.»).
пунька	«Варька было пришла раз ночью к ней в ***пуньку*** с двумя ребятами…» («Жит.»).
пунька	«Как раз за тою стеною задворка, к которому была пригорожена Настина ***пунька,*** пролегала дорожка, отделявшая задворок …» («Жит.»).
пунька	«Выехал он против Настиной ***пуньки*** и, как нарочно, остановился…» («Жит.»).
пунька	«Как-то филиповками, утром, зашла к Насте в ***пуньку*** Варвара попросить гребня намычки чесать…» («Жит.»).
пунька	«…отворила дрожащими руками двери ***пуньки»*** («Жит.»).
пунька	«Да жены-то Григорий не нашел в ***пуньке»*** («Жит.»).
пунька	«В ***пуньке*** она опять налила водки и поднесла Насте» («Жит.»).
пунька	«Ребята к ней льнули, как мухи к мёду, но она на это и глазом не смотрела и крепко спала на своей постельке в холодной ***пуньке*** на задворке» («Жит.»).
пунька	«...то в дверь ***пуньки*** рукой, будто невзначай, стукнет...» («Жит.»).
пшенный	«Варвара собрала дружков, оправила голову замерзшему Гришке, и с церемониею повели молодых за брачный стол есть когута жареного и ***пшённую*** *кашу* с коровьим маслом» («Жит.»).
пылкий	«…характер был ***пылкий***, и, живя девушкой в бедности, она привыкла к простоте и свободе» («ЛМ»).
пытаться	«Она уж и не ***пыталась*** ничего за себя говорить и жила – сохла без всякой жалобы» («Жит.»)
пышка	«– Что ты малого-то заморила? – спросила Настя, гладя по голове мальчика, который жевал данную ему Настей ***пышку***» («Жит.»).
пышка	«Мальчик ничего не отвечал и, дёрнув носом, опять укусил конец ***пышки***» («Жит.»).
пышка	«… спросила Настя, гладя по голове мальчика, который жевал данную ему Настей ***пышку»*** («Жит.»).
пышка	«...а за нею по колкому жнивью, подхватывая ножонки, побежал мальчик, догладывая свою ***пышку***» («Жит.»).
пьянство	«Рада была Настя, что домой вернулась; надоело ей это гостеванье и ***пьянство***» («Жит.»).
равнодушно	«Она нисколько не изменилась и смотрела тем же ***равнодушно*** убитым взглядом» («Жит.»).
радоваться	Как еще ***радоваться***? Я вот хлопочу, бегаю для вашего удовольствия» («ЛМ»).
радость	«Костик ещё боялся, что капитала не вернет, и как вырвал его, так три дня пил с ***радости***, а через месяц отпросился у барина на оброк и ушел в Киев» («Жит.»).
радость	«Впрочем, для неё не существовало ни света, ни тьмы, ни худа, ни добра, ни скуки, ни ***радостей***» («ЛМ»).
радость (не на радость)	«В гости она езжала мало, да и то если и поедет она с мужем по своему купечеству, так тоже ***не на радость***» («ЛМ»).
радость	«Ну, дай же вам бог жить в счастье, ***радости***, совете, любви да

	согласии!» («Жит.»).
радость	А словно ***радости***-то у вас и к мужу немного, – искоса поглядывая, заводил Зиновий Борисыч» («ЛМ»).
радость	«Чуется во всем пора любви, пора темных желаний, томительных, и тоски безграничной для тех, кому не с кем делить ни горя, ни ***радостей***» («Жит.»).
радость	«Силу Ивановича, что все свое сердце ему открыла, все свои горести и ***радости*** ему повычитала» («Жит.»).
радость (с радости)	«***С радости*** все целовался пьяный брат, продавши родную сестру за корысть, за прибытки» («Жит.»).
раздеть	«***Раздела*** Варька Настю в холодной пуньке…» («Жит.»).
размоё-моё	«У нас все в моде, чтоб девка была, что называется, "***размоё-моё***", телеса чтоб были; ну, а у Насти этих телес не было, так её и звали Настька-сухопарая» («Жит.»).
разобраться	«…дойдя до речки, да тут же снял свой синий сюртук, ***разобрался*** совсем да искупался и седую голову мылом вымыл» («Жит.»).
разъезжать	«Стал Костик без жены все ***разъезжать*** по ночам верхом на барской лошади к своим приятелям...» («Жит.»).
распаривать душеньку	«Вода ещё не остыла в самоваре, из которого Зиновий Борисыч ***распаривал*** отравленным чаем свою хозяйскую ***душеньку***, и пятно вымылось без всякого следа» («ЛМ»).
распашонка	«Она проворно замкнула дверь, сунула ключ в карман и опять привалилась на постели в своей ***распашонке***» («ЛМ»).
рвать на себе волосы	«Она хохотала, плакала, смеялась, ***рвала на себе волосы*** и, упав с лавки, каталась по полу» («Жит.»).
риза	"Ну, свет, в сундук с ***ризами*** вам теперь, видно, не попасть, а полезай-ка скорей под перину" («ТХ»).
риза	«А потом хотел нас в церковь свести и там в сундук с ***ризами*** спрятать» («ТХ»).
ром	«...палач, говорят, тульский был привезён, и ему перед делом три стакана ***рому*** дали выпить» («Тупейный художник» URL»).
рубаха	«Ведь она не махонькая; не вставать же ей при мужиках в одной ***рубахе***» («Жит.»).
рубаха	«…жена вышла на двор в *одной* ***рубахе*** и в красной шерстяной юбке» («Жит.»).
рубаха	«…но даже сам пристально смотрел вслед девкам, когда они летом проходили мимо окон в *белоснежных* ***рубахах*** с красными прошвами» («Жит.»).
рубаха	«Смотрит, бабочка идет в одной ***рубахе***…» («Жит.»).
рубаха	«...а по столбу из-под невесткина окна тихо-тихохонько спускается книзу *красная* ***рубаха*** молодца Сергея» («ЛМ»).
рубаха	«…Катерина Львовна сошла тихо, стараясь только, чтобы *толстая* ***рубаха*** и грубая арестантская свита не прилегали к её изорванной спине» («ЛМ»).
рубашечка	«Поставила барыня девочку на пол; подняла ей подольчик ***рубашечки***, да и ну её валять ладонью, – словно как и не свое дитя родное» («Жит.»).
рубашечка	«На нём уже была надета ***рубашечка,*** которую ему сшили и прислали Настины подруги, арестантки бродяжного отделения» («Жит.»).
рубашка	«В это же мгновение свита Катерины Львовны взлетела ей на

	голову, и по её спине, закрытой одной *суровою* ***рубашкою***, загулял во всю мужичью мочь толстый конец, вдвое свитой верёвки» («ЛМ»).
рубашка	«...блуждал старик в пестрой ситцевой ***рубашке*** по тихому дому...*»* («ЛМ»).
рубашка	«А относительно девичьих нарядов сказали, что девки на Гостомле «спокона века» ходили в одних вышитых ***рубашках*** и что это ничему не вредит; что умная девка и в одной ***рубашке*** будет девкою, а зрячая, во что её ни одень, прогорит, духом» («Жит.»).
рубашка	«...беловолосого старика в *ситцевой розовой* ***рубашке,*** распевавшего вдохновенные песни, и стройную Настю в белой как снег рубашке и тяжелой шерстяной юбке ярко-красного цвета. («Жит.»).
рубашка	«...беловолосого старика в ситцевой розовой ***рубашке,*** распевавшего вдохновенные песни, и стройную Настю в белой как снег ***рубашке*** и тяжелой шерстяной юбке ярко-красного цвета» («Жит.»).
рубашка	«...и вдруг перед самыми её глазами показался статный русый парень, в белой ***рубашке*** с красными ластовицами и в высокой шляпе гречишником» («Жит.»).
рубашка	*«****Рубашка*** на нем была мокра от росы, а свита была связана кушаком» («Жит.»).
рубашка	«…то вдруг пропадала, бегала в одной ***рубашке*** по полям…» («Жит.»).
рубашка	«...и видали её пробегавшею через поля в одной ***рубашке****»* («Жит.»).
рубашка	«…обогрела, надела на нее чистую ***рубашку*** вместо её лохмотьев и вымыла ей щелоком голову» («Жит.»).
рубашка	«...пробежать бы с вёдрами на реку да покупаться бы в ***рубашке*** под пристанью...» («ЛМ»).
рубашка	«Сергей обнял молодую хозяйку и прижал её твердую грудь к своей *красной* ***рубашке****»* («ЛМ»).
рубашка	«...и как лежала в одной ***рубашке*** да в белых юбках, так и пошла...» («ЛМ»).
рубашка	«Катерина Львовна быстро спрыгнула в одной ***рубашке*** с постели и открыла окошко» («ЛМ»).
рубашка	«Сергей ни стона не подал, но зато половину рукава у своей ***рубашки*** зубами изъел» («ЛМ»).
рубашка	«Катерина Львовна вскочила как лежала в одной ***рубашке,*** впустила мужа в горницу и опять нырнула в тёплую постель» («ЛМ»).
рубашка (вышитая)	«А относительно девичьих нарядов сказали, что девки на Гостомле «спокона века» ходили в одних вышитых ***рубашках*** и что это ничему не вредит…» («Жит.»).
рубашка (суровая)	*«*В это же мгновение свита Катерины Львовны взлетела ей на голову, и по её спине, закрытой одной ***суровою рубашкою***, загулял во всю мужичью мочь толстый конец, вдвое свитой верёвки» («ЛМ»).
рубашоночка	«Проснется Маша, сейчас шепотом Настю зовет или сама соскочит в ***рубашоночке*** с кроватки да прямо и юркнет к Насте под одеяло...» («Жит.»).
рукав	«– А как все представление окончилось, тогда сняли с меня платье герцогини де Бурблян и одели Цецилией – одно этакое белое, просто без ***рукавов,*** а на плечах только узелками подхвачено, – терпеть мы этого убора не могли» («ТХ»).

рукав	«Сергей ни стона не подал, но зато половину ***рукава*** у своей рубашки зубами изъел» («ЛМ»).
рукав	«Ну вот он, – произнесла она через несколько секунд, вводя в комнату за ***рукав*** Сергея…» («ЛМ»).
рукав	«Ты дружком, что ли? спросил барин, глядя на перевязанный красным платком ***рукав*** Тихоновой свиты» («Жит.»).
рукав	«Настя лежала в траве, закрыв лицо ***рукавом***, и ничего не отвечала» («Жит.»).
рукавички	«– Вот тебе ***рукавички***, – сказал он шутливо, глядя в глаза Насте…» («Жит.»).
рюмка	«Барин *взял* ***рюмку*** травника, поднял её и проговорил…» («Жит.»).
рюмка	«Дружки дольше всех суслили свои ***рюмки*** и все заставляли молодых целоваться» («Жит.»).
самовар	«Настя схватила с лежанки чистенький самоварчик, нащепала косарем лучинок, зажгла их и, набросав в ***самовар***, вынесла его на лестницу» («Жит.»).
самовар	«– ***Самовар*** ставила, – отвечает она спокойно» («ЛМ»).
самовар	«Вода ещё не остыла в ***самоваре***, из которого Зиновий Борисыч распаривал отравленным чаем свою хозяйскую душеньку, и пятно вымылось без всякого следа» («ЛМ»).
самовар	«Сергей Филипыч, сидя с нею ночью за ***самоваром»*** («ЛМ»).
самовар	«***Самовар***, – говорит, – под яблонью глохнет» («ЛМ»).
самовар	*«****Самовар*** небось поставить?» («ЛМ»).
самовар	«Ну, а как же теперь быть? – спрашивал Катерину Львовну Сергей Филипыч, сидя с нею ночью за ***самоваром»*** («ЛМ»).
самоварчик	– Не в службу, а в дружбу, раздуй, молодка, ***самоварчик***. Польюсь я чайку» («Жит.»).
самоварчик	«Настя схватила с лежанки чистенький ***самоварчик***, нащепала косарем лучинок, зажгла их и, набросав в самовар, вынесла его на лестницу» («Жит.»).
сани	«На ***санях*** в ту же минуту началось движение» («Жит.»).
сани	«Вечером запрег Прокудин ***сани*** и отправил гостей домой; лошадью правил Гришка…» («Жит.»).
сани	«После обеда запрягли трое ***саней*** парами и стали собираться ехать к Настиным господам на поклон» («Жит.»).
сани	«Настю с мужем посадили на задние ***сани***…» («Жит.»).
сани	«Часа через полтора Костик ехал с кузнецом на его лошади, а сзади в других ***санях*** на лошади Прокудина ехал Вукол и мяукал себе под нос одну из бесконечных русских песенок» («Жит.»).
сани	«За коноплями, где была выставлена несвоженная пенька, показались ***сани***, запряжённые пегою лошадью, и на них сидел человек» («Жит.»).
сани	«…ямщик еще тройку нахлестал и сразу на один бок ***саней*** навалился, скособочил их, и мы с Аркадием в снег вывалились, а он, и ***сани***, и лошади, все из глаз пропало» («ТХ»).
сани	«Рассадились мы все на трое ***саней***...» («ТХ»).
сани	«Очень скоро доскакали и как впали на графский двор, так я и не видала тех ***саней***, на которых Аркашу везли …» («ТХ»).
сани	«Рассадились мы все на трое ***саней***, на передние связанного Аркадия с охотниками…» («ТХ»).
сани	«Поезд остановился у крыльца и не сходил с ***саней*** » («Жит.»).

сани	«***Сани*** заскрипели по снегу, а на дворе еще было темно» («Жит.»).
сани	«Ей послышалось, что где-то невдалеке фыркнула лошадь, потом будто скрипнули ***сани*** и остановились» («Жит.»).
сани скрипнули	«Ей послышалось, что где-то невдалеке фыркнула лошадь, потом будто *скрипнули* ***сани*** и остановились» («Жит.»).
сани	«Добежав до ***саней***, Настя упала на них» («Жит.»).
сани	«Степан тоже прыгнул в ***сани***, а сидевший в них мужик сразу погнал лошадь» («Жит.»).
санный путь	«Снежок в эту осень рано выпал; к Михайлову дню уж и ***санный путь*** стал» («Жит.»).
сапоги	«Часовой ходил по коридору, и, останавливаясь, плевал на свои ***сапоги***» («ЛМ»).
сапоги	«Сергей быстро снял ***сапоги*** и спросил…» («ЛМ»).
сапоги	« Х-м, этого недостаточно, проговорил англичанин, потянувшись на стуле и глядя на носки своих ***сапог***...» («Жит.»).
сапоги	«…англичанин взглянул на него и стал опять смотреть на свои ***сапоги***...» («Жит.»).
сапоги	«***Сапогами*** хотел раздобыться, да изловили, псы окаянные » («Жит.»).
сапожки	«...он сосредоточенно глядел на свои ***сапожки***» («ЛМ»).
сарай	«Люди в кухне поужинали и расходились по двору спать: кто под ***сараи***, кто к амбарам, кто на высокие душистые сеновалы» («ЛМ»).
сарай	«Чуланчики такие, вроде деревенских часовен, погородят из хворостового плетня, либо просто на дворе, либо под ***сараем***, и это называют „пуньками“» («Жит.»).
сарай	«По двору, в накинутом на плечи полушубке, крестясь и позевывая, плелся из ***сарая*** в кухню старый приказчик» («ЛМ»).
сарай	«…и смотри из-под ***сарая***, как у Катерины Ильвовны в спальне свеченька горит…». («ЛМ»).
сбросить	«Сергей понес за нею ковёрчик и блузу, которую она, расшалившись, ***сбросила***» («ЛМ»).
свежина	«Угощенье было богатое: пироги, щи со ***свежиной***…» («Жит.»).
свет	«Впрочем, для неё не существовало ни ***света***, ни тьмы, ни худа, ни добра, ни скуки, ни радостей» («ЛМ»).
свинина	«…крикнул Прокудин на семейных и начал хлебать из чашки щи с *жирною* ***свининою***» («Жит.»).
свита	«В это же мгновение ***свита*** Катерины Львовны взлетела ей на голову…» («ЛМ»).
свита	«Гришка был расчёсанный, примасленный, в новой ***свите***, с красным бумажным платком под шеей» («Жит.»).
свита	«Жарко в ***свите***-то, да еще подпоясамшись» («Жит.»).
свита	«Видно, что ему было жарко, потому что он снял ***свиту*** и, перевязав её красным кушаком, нёс за спиною» («Жит.»).
свита	«Рубашка на нем была мокра от росы, а ***свита*** была связана кушаком» («Жит.»).
свита	«Настя крепко прозябла в одной ***свите*** и пошла к Степанову двору...» («Жит.»).
свита	«Молодая женщина быстро поднялась с облощённых арестантскими боками нар, накинула ***свиту*** на плечи …» («ЛМ»).
свита	«Катерина Львовна нащупала рукой ***свиту*** и бороду…» («ЛМ»).
свита	«С приходом их с нар приподнялась Сонетка, молча показала она

	вошедшим рукою на Катерину Львовну, опять легла и закуталась своею ***свитою»*** («ЛМ»).
свита (арестантская)	«…Катерина Львовна сошла тихо, стараясь только, чтобы толстая рубаха и грубая *арестантская* ***свита*** не прилегали к её изорванной спине» («ЛМ»).
свита	«…наконец дернули за ***свиту***, которой была покрыта Катерина Львовна» («ЛМ»).
свита	«...накинула ***свиту*** на плечи и толкнула стоящего перед нею провожатого» («ЛМ»).
свита	«...расспрашивала она, ютясь под полу его ***свиты***» («ЛМ»).
свита	«…никого не было; только невдалеке кто-то злорадно хихикал под ***свитою***» («ЛМ»).
свита	«Ты дружком, что ли? спросил барин, глядя на перевязанный красным платком рукав Тихоновой ***свиты»*** («Жит.»).
свита	«Настя одела кузнечихину ***свиту***, подпоясалась и сошла на нижний пол» («Жит.»).
свита	« Чего ты не раздеваешься? Жарко в ***свите-то***, да еще подпоясамшись» («Жит.»).
свита	«Я убью тебя, сказал Степан, бросив на землю косу с крюком и ***свиту***» («Жит.»).
свита	«Дали ей лапти и ***свиту***...» («Жит.»).
свитка	«Петровна в черной ***свитке***, повязанная тёмненьким бумажным платочком…» («Жит.»).
свобода	«…она привыкла к простоте и ***свободе***» («ЛМ»).
свора	«Вошло семь человек погони, все из графских охотников, с кистенями и с арапниками, а за поясами ***своры*** *веревочные*, и с ними восьмой, графский дворецкий, в длинной волчьей шубе с высоким козырем...» («ТХ»).
сени	«Чулан тут у них в ***сенях*** был из дощечек отгорожен в уголке; там их рухлядь кое-какая стояла…» («Жит.»).
сени	«Домна лучины не бросила и вышла с нею в ***сени***; влезла с нею на потолок, зашла в чулан, заглянула в пуньку, а потом, вернувшись…» («Жит.»).
сени	«– Ничего, – отвечал, поворачиваясь из передней в ***сени***, приказчик» («ЛМ»).
сени	«Постучали мы в дом и взошли в ***сени»*** («ТХ»).
сени	«Ну, вот благодарение тебе, отвечал Тихон и вышел снова в ***сени***» («Жит.»).
сени	«...вышли в ***сени*** и, посмотрев в дырку, прорезанную сбоку дверной притолки...» («Жит.»).
сени	«Гость был один, и лицо его нельзя было рассмотреть в ***сенях***» («Жит.»).
сени	«...он дал извозчику монету и вбежал в ***сени***» («Жит.»).
сени	«...Настя в одну ночь появилась в ***сенях*** кузнеца Савелья...» («Жит.»).
сеничный	Думаю, сколь эти Ливны дивны, – договорил он со вздохом, затворяя за собой ***сеничную*** *дверь*» («ЛМ»).
сеничный	«...отперла мужу ***сеничные*** **двери**, в которые тот вошел...» («Жит.»).
сеновал	«Люди в кухне поужинали и расходились по двору спать: кто под сараи, кто к амбарам, кто на высокие душистые ***сеновалы»*** («ЛМ»).
сердце	«...***сердце*** её к нему никогда особенно не лежало» («ЛМ»).
сердце	«У меня, может, все ***сердце*** мое в запеченной крови затонуло!»

	(«ЛМ»).
сердце	«…учащенно стукает его ревнивое ***сердце***» («ЛМ»).
сердце	«…только пуще у неё ***сердце*** кипит» («ЛМ»).
сердце	«…я тебе, как ночь придет, все расскажу, а теперь ещё пососу… Отсосаться надо… жжёт ***сердце***» («ТХ»).
сердце	«Песня поется: "без мила дружка обуяла грусть-тоска", и эта тоска, доложу вам, Катерина Ильвовна, собственному моему ***сердцу*** столь, могу сказать, чувствительна…» («ЛМ»).
сердце	«У меня, может, все ***сердце*** мое в запеченной крови затонуло! («ЛМ»).
сердце	А я тоже, Катерина Ильвовна, свое ***сердце*** имею и могу свои муки видеть. («ЛМ»).
сердце	Ей даже слышно, как учащенно стукает его ревнивое ***сердце***; но не жалость, а злой смех разбирает Катерину Львовну. («ЛМ»).
сердце кипит	«Катерина Львовна все это видит, и только пуще у нее ***сердце кипит***» («ЛМ»).
сердцем обернуться	«А чтоб *обернуться* этак к нему всем ***сердцем***, этого у нее в нраве нет: суровая уж такая, неласковая, неприветливая» («Жит.»).
серьги	«***Серьги*** бросила на стол, а сама плачу и как вечером представлять буду, того уже и подумать не могу» («ТХ»).
скука	«Впрочем, для неё не существовало ни света, ни тьмы, ни худа, ни добра, ни ***скуки***, ни радостей» («ЛМ»).
скука	«Раз, что ***скука*** непомерная в запертом купеческом терему с высоким забором и спущенными цепными собаками не раз наводила на молодую купчиху тоску, доходящую до одури» («ЛМ»).
скука	«Походит, походит Катерина Львовна по пустым комнатам, начнет зевать со ***скуки*** и полезет по лесенке» («ЛМ»).
скука	«Такая ***скука***, – жаловался Сергей» («ЛМ»).
скука купеческого дома	«…опять та же скука русская, ***скука*** купеческого дома, от которой весело, говорят, даже удавиться» («ЛМ»).
скука русская	«…опять та же ***скука русская***, скука купеческого дома, от которой весело, говорят, даже удавиться» («ЛМ»).
скучать	« – Чего тебе ***скучать***!» («ЛМ»).
скучать	« – Помилуйте, как не ***скучать***: человек я молодой, живем мы словно как в монастыре каком» («ЛМ»).
скучно	«Никто, мой дружок. Так, ***скучно*** мне» («ЛМ»).
скучно	« – Да, мне ***скучно***, – сорвалось у Катерины Львовны» («ЛМ»).
скучно	« ... кто тебя обидел? Никто, мой дружок. Так, ***скучно*** мне» («Жит.»).
скучно	«***Скучно***? » («Жит.»).
скучный	«При всём довольстве и добре житье Катерины Львовны в свекровом доме было самое ***скучное***». («ЛМ»).
скучный	«При всём довольстве и добре житье Катерины Львовны в свекровом доме было ***самое скучное***». («ЛМ»).
сладко	«Не прежняя ее тоска, а другая, совсем новая, в которой было и грустно, и радостно, и жутко, и ***сладко***» («Жит.»).
сласти	«Много было в эти ночи в спальне Зиновия Борисыча и винца из свекрового погреба попито, и *сладких* ***сластей*** поедено…» («Леди Макбет Мценского уезда» URL)
слезть (с лошади)	«Только один дружко *слез с* ***лошади*** и, отдав повод своему товарищу, вошел в хоромы» («Жит.»).

сливки	«– ***Сливки*** тут-то я на окне поставила: беспременно он, подлый, у меня *их* вылопает» («ЛМ»).
словно тень	«И жалкая она такая была, что смотреть на нее никак нельзя: ***словно тень*** её ходит, а её самой как нет, будто душечка её отлетела» («Жит.»).
слонять слоны	«…а она одна ***слоняет слоны*** из комнаты в комнату» («ЛМ»).
смерть	«***Смерть*** ей жаль было Насти, а пособить она ей ничем не придумала; она и сама была такая же горькая» («Жит.»)
смеяться	«Она хохотала, плакала, ***смеялась***, рвала на себе волосы и, упав с лавки, каталась по полу» («Жит.»).
смиренник	«Григорий …«непитущий и ***смиренник***» («Жит.)
снурочек	«...а Зиновий Борисыч стоит коленями на постели и вешает на стенку над изголовьем свои *серебряные часы* с *бисерным* ***снурочком***» («ЛМ»).
снять	«– А как все представление окончилось, тогда ***сняли*** с меня платье герцогини де Бурблян…» («ТХ»).
снять	«Сергей быстро ***снял*** сапоги и спросил…» («ЛМ»).
совет	«Ну, дай же вам бог жить в счастье, радости, ***совете***, любви да согласии! – выпил полрюмки, а остальным плеснул в потолок» («Жит.»).
совет да любовь!	«Ну, дай же вам бог жить в счастье, радости, ***совете, любви*** да согласии! – выпил полрюмки, а остальным плеснул в потолок» («Жит.»).
согласие	«Ну, дай же вам бог жить в счастье, радости, совете, любви да ***согласии***! – выпил полрюмки, а остальным плеснул в потолок» («Жит.»).
солонина	«Угощенье было богатое: пироги, щи со свежиной, похлебка с потрохами, гуси жареные, ***солонина*** *духовая* с хреном, гусиные полотки, а после закуски разные: орехи, подсолнухи, столбики с инбирем и круглые прянички, а детям коньки пряничные» («Жит.»).
солонка	«...проговорила кузнечиха, ставя на стол чугун с горячим картофелем, ***солонку*** и хлеб» («Жит.»).
сосать	«***Соси*** скорее, соси!» («ТХ»).
сосать	«Соси скорее, ***соси***!» («ТХ»).
сосёт сердце	«Я чувствую, какова есть любовь и как она чёрной змеею ***сосёт*** моё ***сердце***…» («ЛМ»).
сохнуть	«Глянь ты: баба ***сохнет***, кровью исходит» («Жит.»).
сохнуть	«Разве можно про это изъяснить, как ***сохнешь***? Тосковал» («ЛМ»).
спальная	«Стоит минутку, озирается, слушает: не идет ли из ***спальной*** мама…» («ТХ»).
спальня	«Много было в эти ночи в ***спальне*** Зиновия Борисыча и винца из свекрового погреба попито, и сладких сластей поедено…» («Леди Макбет Мценского уезда» URL)
спальня	«...дернула с сердцем дочь и повела за ручонку за собою в ***спальню»*** («Жит.»).
спальня	«…опять с известными церемониями уложила Настю в её холодной супружеской ***спальне»*** («Жит.»).
спальня	«Много было в эти ночи в ***спальне*** Зиновия Борисыча...» («ЛМ»).
спальня	«Когда они вернулись в ***спальню***, тонкая румяная полоска зари прорезывалась на востоке…» («ЛМ»).
спальня	Катерина Львовва закрыла окно в ***спальне*** ставнями и еще

	шерстяным платком его изнутри завесила…» («ЛМ»).
спальня	«Никогда у нас в ***спальне*** никакого кота не было, а тут ишь какой забрался!» («ЛМ»).
спальня	«…и смотри из-под сарая, как у Катерины Ильвовны в ***спальне*** свеченька горит...» («ЛМ»).
спальня	«По лестнице тихо, с ноги на ногу осторожно переступаючи, действительно кто-то приближался к запертой двери ***спальни***» («ЛМ»).
спальня	«А Сергею отсюда с галереи все слышно, что в ***спальне*** происходит» («ЛМ»).
спальня	«Когда они вернулись в ***спальню***, тонкая румяная полоска зари прорезывалась на востоке…» («ЛМ»).
спальня	«– Ну! – шепнула она, тихо взойдя в свою ***спальню*** и снова заставая Сергея в прежнем положении у печки» («ЛМ»).
сплошь все дни	«Настя и пила молоко от крылушкинской коровы, как воду, *сплошь все дни, и среды, и пятницы*» («Жит.»).
ставня	«А продрогшие лошадки бежали частой трусцой и скоро добежали до избы с резным коньком и ***ставнями***» («Жит.»).
ставня	«Катерина Львовна закрыла окно в спальне ***ставнями*** и еще шерстяным платком его изнутри завесила…(«ЛМ»).
ставня	«Катерина Львовна осторожно дернула ходившую на веревочке ***ставню*** и внимательно оглянула Сергея, как бы желая прозреть его душу» («ЛМ»).
ставня	«…закрытые ***ставнями*** окна начали оттаивать и заплакали» («ЛМ»).
ставня	«– А ишь, у них вот светится, – заметил машинист, указывая на светлую полоску между ***ставнями***» («ЛМ»).
ставня	«И машинист отчаянно заколотил руками в ***ставню***» («ЛМ»).
стакан	«Выпил Григорий ещё два ***стакана***, смелее целуясь с женою за каждым «горько» («Жит.»).
стаканчик	«Я подносил, и за каждой подноской меня заставляли выпивать первый ***стаканчик***...» («Жит.»).
стаканчик пропускной	«Исай Матвеевич с Костиком выпили по третьему ***пропускному стаканчику***, – закусили остатком огурца и сели в стороне, чтобы не мешать бабам убирать со стола» («Жит.»).
старая /ый лошадка / конь борозды не портит	«Старая ***лошадка*** борозды не портит» («Жит.»).
стена	«…по ***стенам*** разбегается её собственная тень» («ЛМ»).
стена	««Как раз за тою ***стеною*** задворка, к которому была пригорожена Настина пунька…» («Жит.»)» («Жит.»).
стена	***«…стены*** тихого дома, сокрывшего столько преступлений, затряслись от оглушительных ударов: окна дребезжали, полы качались…» («ЛМ»).
стена	«...а оканчивалась у старой облупленной каменной ***стены...***» («Жит.»).
стена	«...в черной полосе тени, бросаемой полуразрушенною каменною ***стеною***...» («Жит.»).
стена	«...ахнула и отвернулась к ***стене***...» («Жит.»).
стена	«...ничего не было видно, кроме *острожной* ***стены***...» («Жит.»).

(острожная)	
стенка	«Настя тихонько вошла и стала, прислонясь к ***стенке***» («Жит.»).
стол	«Варвара собрала дружков, оправила голову замерзшему Гришке, и с церемониею повели молодых за *брачный* ***стол*** есть когута жареного и пшённую кашу с коровьим маслом» («Жит.»).
стол брачный	«Варвара собрала дружков, оправила голову замерзшему Гришке, и с церемониею повели молодых за ***брачный стол*** есть когута жареного и пшённую кашу с коровьим маслом» («Жит.»).
столбики	«…после закуски разные: орехи, подсолнухи, ***столбики*** с *инбирем* и круглые прянички, а детям коньки пряничные» («Жит.»).
страдание	«Опять молодые поцеловались, и на Настином лице выразилось и ***страдание*** и нетерпеливая досада» («Жит.»).
страх	«Я за окно брошусь, – говорила Катерина Львовна, чувствуя себя под несносною властью неописуемого ***страха***…» («ЛМ»).
страшно	«А Насте стало ещё горче, ещё ***страшнее***» («Жит.»)
стряпать	«Насте опять нужно было идти ***стряпать***» («Жит.»).
стряпаться	«Был Настин черед ***стряпаться***, но она ходила домой нижней дорогой, а не рубежом» («Жит.»).
ступени	«Ах ты, Катерина Ильвовна! – говорил он, обнимая её при входе на ***ступени*** этапного дома» («ЛМ»).
сукно	«Отдала Настя Степану ***сукно***, три холста да девять ручников…» («Жит.»).
сумлеваться	«…Я в том только *сумлеваюсь*, что счастья уж того нам не будет» («ЛМ»).
суслить	«Дружки дольше всех ***суслили*** свои рюмки и все заставляли молодых целоваться» («Жит.»).
существовать	«Впрочем, для неё ***не существовало*** ни света, ни тьмы, ни худа, ни добра, ни скуки, ни радостей» («ЛМ»).
счастие	Она *обезумела* от своего ***счастия***; кровь её кипела, и она не могла более ничего слушать» («ЛМ»).
счастие	«С ним ей и каторжный путь цветёт ***счастием***» («ЛМ»).
счастие	Она *обезумела* от своего ***счастия***; кровь её кипела, и она не могла более ничего слушать» («ЛМ»).
счастием цвести	«...она видит опять Сергея, а с ним ей и каторжный путь *цветет* ***счастием***» («ЛМ»).
счастье	«…Я в том только сумлеваюсь, что ***счастья*** уж того нам не будет» («ЛМ»).
счастье	«…Всем бы людям было ***счастье*** любовное, если б люди тому не мешали» («Жит.»).
счастье	«Она всё-таки видела Степана, и хоть не могла с ним говорить, не могла, даже и не рассчитывала ни на какое ***счастье***, но видеть, видеть его было для нее потребностью» («Жит.»)
счастье	« Ну, дай же вам бог жить в ***счастье***, радости, совете, любви да согласии! – выпил полрюмки, а остальным плеснул в потолок» («Жит.»).
съесть	«Восемь пудов до обеда тянет, а пихтерь сена ***съест***, так и гирь недостанет, – опять объяснил красивый молодец и, повернув кадь, выбросил кухарку на сложенное в угле кулье» («ЛМ»).
сюртук	«…дойдя до речки, да тут же снял свой синий ***сюртук***, разобрался совсем да искупался и седую голову мылом вымыл» («Жит.»).
сюртук	«Чиновник, опытный в обращении с заключёнными, пришёл в

	форменном ***сюртуке*** и в сопровождении четырёх солдат» («Жит.»).
сюртук	«Сергею слышно, как Зиновий Борисыч вешает на вешалку свой ***сюртук»*** («ЛМ»).
театр	«…и для того *всегда* держал его при своей уборной, и, кроме как в ***театр***, Аркадий никуда не имел выход» («Тупейный художник» URL)
телега	«Показалась ***телега*** на гнедой лошади» («Жит.»).
телега	«Отстряпалась Настя; старик запряг ей ***телегу***…» («Жит.»).
телега	«Настя видела, как он поднёс сынишку к ***телеге***, на которой сидела его жена» («Жит.»).
телега	«Нагнала Настя мальчика, остановила лошадь и посадила ребенка в ***телегу***. » («Жит.»).
телега	«...и ее рассыльный вёз, привязавши к ***телеге***...» («Жит.»).
терем	«Раз, что скука непомерная в запертом купеческом ***терему*** с высоким забором и спущенными цепными собаками не раз наводила на молодую купчиху тоску, доходящую до одури» («ЛМ»).
терпеливый	«Настя тоже была ***терпеливая***, только эта всё горячо чувствовала» («Жит.»)
терпеть	«У нас много есть таких женщин по сёлам, что вырастает она в нужде да в загоне, так после ***терпит*** всё, словно каменная, и не разберёшь никак: не то она чувствует, что терпит, не то и не чувствует» («Жит.»).
терпеть не могли	«…***терпеть*** мы этого убора *не могли*» («ТХ»).
тихий	«***Тихая*** была девка и на словах будто ***не речиста***; а как нужно увернуться, чтобы кого словом не охаять, так т*а*к умела она это сделать, что никому и невдомек, что она схитрила» («Житие одной бабы» URL
томить	Дышалось чем-то ***томящим***, располагающим к лени, к неге и к темным желаниям. («ЛМ»).
тоска	«Раз, что скука непомерная в запертом купеческом терему с высоким забором и спущенными цепными собаками не раз наводила на молодую купчиху ***тоску***, доходящую до одури» («ЛМ»).
тоска	«Всю ночь снился Насте красивый Степан, и ***тоска*** на неё неведомая *нападала*» («Жит.»).
тоска	«Песня поется: "без мила дружка обуяла грусть-тоска", и эта ***тоска***, доложу вам, Катерина Ильвовна, собственному моему сердцу столь, могу сказать, чувствительна…» («ЛМ»).
тоска	«Чуется во всем пора любви, пора темных желаний, томительных, и ***тоски*** *безграничной* для тех, кому не с кем делить ни горя, ни радостей» («Жит.»).
тоска	« Все ей было грустно, и все она не знала, что поделать с своею ***тоскою***» («Жит.»).
тоска	«Не прежняя ее ***тоска***, а другая, совсем новая, в которой было и грустно, и радостно, и жутко, и сладко» («Жит.»).
тоска	«*Грусть*, ***тоска*** одолела Настю» («Жит.»).
тосковать	«Разве можно про это изъяснить, как сохнешь? ***Тосковал***» («ЛМ»).
травник	«Барин взял рюмку ***травника***, поднял её и проговорил…» («Жит.»).
тройка	«…ямщик еще ***тройку*** нахлестал и сразу на один бок саней навалился, скособочил их, и мы с Аркадием в снег вывалились, а он, и сани, и лошади, все из глаз пропало» («ТХ»).
тройка (лихая)	«..а вкруг – тьма промежная, и коней ***тройка*** лихая мчится, и не

	знаю куда…» («Тупейный художник» URL) .
тройка коней	«..а вкруг – тьма промежная, и ***коней тройка*** лихая мчится, и не знаю куда…» («Тупейный художник» URL) .
тулуп	«Поужинал Костик, надел ***тулуп*** и пошел к Прокудину» («Жит.»).
тулуп	«...одели опять в *белый* ***тулуп*** и повезли в дом свекра. («Жит.»).
тулуп	«...положила её в холодную постель и одела веретьем, а сверху двумя ***тулупами***» («Жит.»).
тулуп	«Его баранья шапка, волосы, борода, ***тулуп*** и валенки представляли одну сплошную белую массу» («Жит.»).
тулуп	«...а Костик лежал, завернувшись в ***тулуп***, и они оба молчали» («Жит.»).
тулуп	«Настя толкнула Степана на постель и, закрыв его ***тулупом****…»* («Жит.»).
тулуп	«Степан распахнул свой ***тулуп***, посадил Настю в колена и закрыл её полами» («Жит.»).
тулуп	«Захар дал Степану три целковых и шесть гривен медью, ***тулуп*** для Насти, старые валенки…» («Жит.»).
тулуп	«А отрочествующий сонаследник Федя Лямин в легком *беличьем* ***тулупе*** погуливал по двору да ледок по колдобинкам поламывал» («ЛМ»).
тулуп	« Это уж всем известно, – отвечал ***тулуп***, крытый синей нанкой» («ЛМ»).
тулупчик	«Катерина Львовна взошла к Феде, а он сидит на постели в своём *беличьем* ***тулупчике*** и читает патерик» («ЛМ»).
туфли	«Ждала, ждала, вышел хозяин в одних панталонах и в ***туфлях*** и объявил, что «Петька чиновничьи штаны прожёг» («Жит.»).
тьма	«Впрочем, для неё не существовало ни света, ни ***тьмы***, ни худа, ни добра, ни скуки, ни радостей» («ЛМ»).
убирать	«"Ничего больше, говорит граф, но поскорей возвращайся актрис ***убирать***» («ТХ»).
убирать	«Услыхал, что меня велено Цецилией ***убирать***, и, словно ничего не видя и не слыша, взял свой прибор в кожаной шкатулке и пошел» («ТХ»).
убирать	«И с тем бросился вон и пришел в театр как раз в свое время и стал меня ***убирать***, а сам весь трясется» («ТХ»).
убирать	«…стал меня к последнему представлению герцогиней ***убирать…***» («ТХ»).
убитый взгляд	«Она нисколько не изменилась и смотрела тем же равнодушно ***убитым*** *взглядом*» («Жит.»).
убор	«…терпеть мы этого ***убора*** не могли» («ТХ»).
уборная	« и для того *всегда* держал его при своей ***уборной***, и, кроме как в театр, Аркадий никуда не имел выход» («Тупейный художник» URL)
убрать	«Люба нынче в трех положениях должна быть ***убрана***, а после театра представь мне ее святой Цецилией» («ТХ»).
убрать	«Аркадию ***убрать*** обречённую девушку после театра «в невинном виде святою Цецилией», и во всем в белом, в венке и с лилией в руках символизированную innocence доставляли на графскую половину» («ТХ»).
угол	«– Молчать! – крикнул Костик и, оттолкнув сестру ногою в ***угол*** чулана, вышел вон» («Жит.»).

угол	«Домна шарила руками по всем ***углам***, звала Настю, искала её в чулане…» («Жит.»).
угол	«Она все стояла за ***углом*** барского дома да плакала» («Жит.»).
угол	«Восемь пудов до обеда тянет, а пихтерь сена съест, так и гирь недостанет, – опять объяснил красивый молодец и, повернув кадь, выбросил кухарку на сложенное в ***угле*** кулье» («ЛМ»).
угол	«Ты замест того, чтобы ***углы***-то в коридоре выходить со мной обтирать, мне бы эти деньги предоставила, что ундеру отдала» («ЛМ»).
уголок	«Чулан тут у них в сенях был из дощечек отгорожен в ***уголке***; там их рухлядь кое-какая стояла…» («Жит.»).
угостить	«Купчиха, а ну-ко по старой дружбе ***угости*** водочкой. Не скупись» («Леди Макбет Мценского уезда» URL)
угостить	«– Купчиха, да ***угости***, что ль! – мозолил Сергей» («Леди Макбет Мценского уезда» URL)
угощать	«Прокудин ***угощал*** гостей с усердием и все оглядывая» («Жит.»).
угощать	«Потом ***угощали*** других поезжан» («Жит.»).
угощаться	«Так она стояла долго, пока поезд вышел не только из господского дома, но даже и из людской избы, где все ***угощались*** у Костика и Петровны» («Жит.»).
угощение	«…у меня все мои кишечки внутри потрескались от невестушкиного от ***угощения***» («ЛМ»).
угощение	«Ты меня не бойся: у меня, видишь, от твоего ***угощения*** и глазки повылезли» («ЛМ»).
угощенье	«Настя отпросилась от ***угощенья***, а Григорий, совсем уже опьяневший, ещё выпил» («Жит.»).
угощенье	***«Угощенье*** было богатое: пироги, щи со свежиной, похлебка с потрохами, гуси жареные, солонина духовая с хреном, гусиные полотки, а после закуски разные: орехи, подсолнухи, столбики с инбирем и круглые прянички, а детям коньки пряничные» («Жит.»).
удавиться	«…опять та же скука русская, скука купеческого дома, от которой весело, говорят, даже ***удавиться***» («ЛМ»).
ударять в грудь	«Не могу! не могу, говорила Настя, ***ударяя*** *себя одною рукою* ***в грудь***, а другою крепко держалась за полу смотрительского пальто» («Жит.»).
удить	«***Я убила***» («ЛМ»).
удобьице	"Вот, мол, тебе, касатка, ***удобьице***! живи, радуйся, назад не оглядывайся!"» («Жит.»).
ужин	«Отошёл незатейливый ***ужин»*** («Жит.»).
ужин	«Свекра Бориса Тимофеича тоже не было дома: поехал к старому приятелю на именины, даже и к ***ужину*** заказал себя не дожидаться» («ЛМ»).
ужин	«…а на другой вечер, перед самым ***ужином***, приехал к Прокудиным Костик» («Жит.»).» («Жит.»).
ужин	«Больше за весь ***ужин*** ничего о ней не говорили» («Жит.»).
ужинать	«– Матвеич! вечерять пора. ***Ужинать*** собрали, – крикнула через окно жена Прокудина» («Жит.»).
ужинать	«Нет, брат, она у нас совсем не ***ужинает***, – отвечал Прокудин, нарезывая большие ломти хлеба с ковриги, которую он держал между грудью и левою ладонью. («Жит.»).
ужинать	«– Как не ***ужинает***?» («Жит.»).

ужинать	«– Да так, не ***ужинает***… («Жит.»).
ужинать	«– Кушай, невестушка! – сказал Прокудин, а Костик опять скрипнул зубами, и Настя через великую силу стала ***ужинать***. («Жит.»).
ужинать	« А где же Настя? спросил Костик, осмотревши будто невзначай весь стол. Аль она у вас особо ***ужинает***? » («Жит.»).
ужинать	«Нас позвали ***ужинать***» («Жит.»).
узелок	«…на плечах только ***узелками*** подхвачено, – терпеть мы этого убора не могли» («ТХ»).
укусить	«Мальчик ничего не отвечал и, дёрнув носом, опять ***укусил*** конец пышки» («Жит.»).
улещать	«…ну а только как ты меня на эту теперешнюю нашу *любовь* сам ***улещал***…» («ЛМ»).
умереть	«С самого утра этого дня сна будто перестала мучиться и точно как ***умерла»*** («Жит.»).
упасть	«Она хохотала, плакала, смеялась, рвала на себе волосы и, ***упав*** с лавки, каталась по полу» («Жит.»).
упрекать	«Выпхнули на позор, на муку, да меня ж ***упрекают***, на меня ж плачутся» («Жит.»).
усадьба	«Это и была проклятая ***усадьба*** *г*рафа Каменского; тут же был и театр» («ТХ»).
фартук	«Настя совсем одетая: в паневе, в ***фартуке*** и в повязке» («Жит.»).
фата	«…томными карими глазами, как таинственной ***фатой*** завешенными густыми ресницами» («ЛМ»).
форма	«Приехал представиться государю из своей деревни брат графа, который был еще собой хуже, и давно в деревне жил, и ***формы*** не надевал, и не брился…» («ТХ»).
форма	«...какое требовалось по ***форме****...»* («Тупейный художник» URL)
фуражка военная	«...он оглянулся на едущего верхом сморчка в бурке и в *военной* ***фуражке*** с *кокардой* и добавил…» («ЛМ»).
халат	«Барин надел *ватный кашемировый* ***халат*** и подпоясался…» («Жит.»).
хлеб	«Нет, брат, она у нас совсем не ужинает, – отвечал Прокудин, нарезывая большие ломти ***хлеба*** с ковриги, которую он держал между грудью и левою ладонью» («Жит.»).
хлеб	«– Ешь! – сказал Костик, подвинув к сестре ломоть ***хлеба***, на котором лежала писаная ложка. («Жит.»).
хлеб	«...говорит, что она не даром мой ***хлеб*** ест, а помогает во всем по двору» («Жит.»).
хлеб	«...на столе лежали ковриги, закрытые белым закатником, и пахло *свежеиспеченным* ***хлебом****...»* («Жит.»).
хлеб	«...проговорила кузнечиха, ставя на стол чугун с горячим картофелем, солонку и ***хлеб»*** («Жит.»).
хлеб	«...и продолжала собирать со стола объедки ***хлеба*** и перепачканную деревянную посуду» («Жит.»).
хлебать	«…крикнул Прокудин на семейных и начал ***хлебать*** из чашки щи с жирною свининою» («Жит.»).
хлебец благословенный	«– Она мне ***благословенного хлебца*** от всенощной обещалась» («ЛМ»).
хлебнуть	«Так и вина Настя ***хлебнула*** с Григорьем из одной чашки «в знак единения», тихо и покойно» («Жит.»).
хлебнуть	«– Пожалуйте, тетенька, – отвечал мальчик и, ***хлебнув*** *ложку,*

	добавил: – очень занятно, тётенька, это о святых описывается» («ЛМ»).
хлопнуть (вожжой)	« Костик ничего не ответил и повел лошадей; Прокудин тоже *хлопнул вожжой* и поехал ко двору. » («Жит.»).
холст	«Отдала Настя Степану сукно, три ***холста*** да девять ручников…» («Жит.»).
хоромы	«Только один дружко слез с лошади и, отдав повод своему товарищу, вошел в ***хоромы***. » («Жит.»).
хохотать	«Она ***хохотала,*** плакала, смеялась, рвала на себе волосы и, упав с лавки, каталась по полу» («Жит.»).
хрен	«Угощенье было богатое: пироги, щи со свежиной, похлебка с потрохами, гуси жареные, солонина духовая с ***хреном***, гусиные полотки, а после закуски разные: орехи, подсолнухи, столбики с инбирем и круглые прянички, а детям коньки пряничные» («Жит.»).
худо	«Впрочем, для неё не существовало ни света, ни тьмы, ни ***худа***, ни добра, ни скуки, ни радостей» («ЛМ»).
цвести счастием	«...она видит опять Сергея, а с ним ей и каторжный путь ***цветет*** *счастием*» («ЛМ»).
целовать	«Встала Катерина Львовна, села на постель, ***целовала,*** целовала» («ЛМ»).
целовать	«Встала Катерина Львовна, села на постель, целовала***, целовала*** Сергея…***»*** («ЛМ»).
целоваться	«Выпил Григорий ещё два стакана, смелее ***целуясь*** с женою за каждым «горько» («Жит.»).
целоваться	«Дружки дольше всех суслили свои рюмки и все заставляли молодых ***целоваться***» («Жит.»).
церемония	«Варвара собрала дружков, оправила голову замерзшему Гришке, и с ***церемониею*** повели молодых за брачный стол есть когута жареного и пшённую кашу с коровьим маслом» («Жит.»).
чаёк	– Не в службу, а в дружбу, раздуй, молодка, самоварчик. Польюсь я ***чайку***» («Жит.»).
чаёк	«Крылушкин, напившись ***чайку*** до третьего пота, согрелся и почувствовал себя необыкновенно хорошо» («Жит.»).
чай	«Встанут свекор с мужем ранёхонько, напьются в шесть часов утра ***чаю***, да и по своим делам, а она одна слоняет слоны из комнаты в комнату» («Леди Макбет Мценского уезда» URL)
чай	«Чувствует Катерина Львовна, что пора ей и проснуться; пора идти в сад ***чай*** пить, а встать никак не может» («Леди Макбет Мценского уезда» URL)
чай	«– Ну что ж, – отвечала Катерина Львовна, – и то правда, поди пошли его: я его ***чаем*** тут напою» («ЛМ»).
чай (отравленный)	«Вода ещё не остыла в самоваре, из которого Зиновий Борисыч распаривал *отравленным* ***чаем*** свою хозяйскую душеньку, и пятно вымылось без всякого следа» («ЛМ»).
чай	«...а Машу мать оставила в наказание без ***чая*** и послала спать часом раньше обыкновенного, и в постельке высекла» («Жит.»).
чай	«…говорила Аксинье Катерина Львовна и уселась на ковре под цветущею яблонью ***чай*** пить» («ЛМ»).
чай	«Ну что ж, – отвечала Катерина Львовна, – и то правда, поди пошли его: я его ***чаем*** тут напою» («ЛМ»).
чай пить	«… миловала, миловала его, поправила измятую перину и пошла в

	сад ***чай*** пить» («Леди Макбет Мценского уезда» URL)
часовня	«Чуланчики такие, вроде *деревенских* ***часовен***, погородят из хворостового плетня, либо просто на дворе, либо под сараем, и это называют „пуньками“» («Жит.»).
через силу	«– Кушай, невестушка! – сказал Прокудин, а Костик опять скрипнул зубами, и Настя ***через*** великую ***силу*** стала *ужинать*. («Жит.»).
чувствительный	«Песня поется: "без мила дружка обуяла грусть-тоска", и эта тоска, доложу вам, Катерина Ильвовна, собственному моему сердцу столь, могу сказать, ***чувствительна***…» («ЛМ»).
чувствовать	«Дернула ноги и ***чувствую***, что я завернута вся в *шубе в волчьей или в медвежьей*…» («ТХ»).
чувствовать	«Знаю я, вижу и очень даже ***чувствую*** и понимаю, что и вам не легче моего на свете» («ЛМ»).
чувствовать	«Я ***чувствую***, какова есть любовь и как она чёрной змеею сосёт моё сердце…» («ЛМ»).
чувствовать	«У нас много есть таких женщин по сёлам, что вырастает она в нужде да в загоне, так после терпит всё, словно каменная, и не разберёшь никак: не то она ***чувствует***, что терпит, не то и не чувствует» («Жит.»).
чувствовать	«У нас много есть таких женщин по сёлам, что вырастает она в нужде да в загоне, так после терпит всё, словно каменная, и не разберёшь никак: не то она чувствует, что терпит, не то и не ***чувствует***» («Жит.»)
чувствовать	«Настя тоже была терпеливая, только эта всё горячо ***чувствовала***» («Жит.»)
чувствовать	«А стала я уж опять себя ***чувствовать*** в незнакомом месте, в большой светлой избе…» («ТХ»).
чувствовать себя	«Вот вы, можно сказать, каждому другому человеку, который *себя* ***чувствует***, в утешение бы только для него были, а вы у них как канарейка в клетке содержитесь» («ЛМ»).
чувствовать себя	«Я за окно брошусь, – говорила Катерина Львовна, ***чувствуя*** *себя* под несносною властью неописуемого ***страха***…» («ЛМ»).
чудиться	«По ночам она все не спала, все ей что-то ***чудилось***» («Жит.»).
чулан	«***Чулан*** тут у них в сенях был из дощечек отгорожен в уголке; там их рухлядь кое-какая стояла…» («Жит.»).
чулан	«У нас в Гостомле есть много народу, что от тесноты в избах целую зиму спят по ***чуланам*** да по пунькам либо по подклетям. («Жит.»).
чулан	«– Молчать! – крикнул Костик и, оттолкнув сестру ногою в угол ***чулана***, вышел вон» («Жит.»).
чулан	«А в ***чулане*** холод, и слёзы как падают, так смерзнут» («Жит.»).
чулан	«Домна шарила руками по всем углам, звала Настю, искала её в ***чулане***, но Насти нигде не было» («Жит.»).
чулан	«Домна лучины не бросила и вышла с нею в сени; влезла с нею на потолок, зашла в ***чулан***, заглянула в пуньку…» («Жит.»).
чулан	«С тех пор как Костик женился на Алене и занял Петровнин ***чулан***, Настя стала спать на войлочке возле Машиной кроватки. » («Жит.»).
чулан	«Он связывает братца и кладет его в ***чулан***, пока тот обрезонится» («Жит.»).
чуланчик	«...и стал жить с нею в том ***чуланчике***, где мать с сестрою жили…» («Жит.»).
чуланчик	«В этом ***чуланчике*** они спали лето и зиму» («Жит.»).

чуланчик	«***Чуланчики*** такие, вроде деревенских часовен, погородят из хворостового плетня, либо просто на дворе, либо под сараем, и это называют „пуньками“» («Жит.»).
чуланчик	«...и стал жить с нею в том ***чуланчике,*** где мать с сестрою жили…» («Жит.»).
чулки	«– ***Чулки*** неш вязать?» («Жит.»).
чулки	« – На что тебе ***чулки***?» («Жит.»).
чулки	«Перед Катериной Львовной стояла Сонетка в хорошо знакомых той *синих шерстяных* ***чулках*** с яркими стрелками» («ЛМ»).
чулки	«– Нет, я это совсем, купчиха, не в насмешку, а что вот Сонетка ***чулки*** больно гожие продаёт…» («ЛМ»).
чулки	«Разве когда б *шерстяные* ***чулки***, что ли, поддеть еще, – проговорил Сергей спустя минуту» («ЛМ»).
чулки	«– ***Чулки***? у меня еще есть, Сережа, новые чулки» («ЛМ»).
чулки	«– Чулки? у меня еще есть, Сережа, новые ***чулки***» («ЛМ»).
чулки	«Эдак теперь, ничего будет, – произнес Сергей, прощаясь с Катериной Львовной и принимая её последние ***чулки***» («ЛМ»).
чулки	«Пусто им будь, этим ***чулкам***! это ледящая работа» («Жит.»).
чулки	«- Ну то-то и есть; так и ***чулки*** не на что вязать, гнуться на одном месте» («Жит.»).
чулки (болховские шерстяные)	«Катерина Львовна, ни слова не говоря более, юркнула в камеру, растормошила на нарах свою сумочку и опять торопливо выскочила к Сергею с парою *синих болховских шерстяных* ***чулок*** с яркими стрелками сбоку» («ЛМ»).
чулочки	«Разумеется, если бы им хотя ***чулочки*** бы тёплые: оно бы ничего еще, – продолжал он» («ЛМ»).
чулочки	«– Да как же!.. и на ***чулочки***-то б шутя бы достала, – поддержал Сергей» («ЛМ»).
чулочки	«Да как же!.. и на ***чулочки***-то б шутя бы достала, поддержал Сергей» («ЛМ»).
чуяться	«***Чуется*** во всем пора любви…» («Жит.»).
шапка (баранья)	«Его *баранья* ***шапка,*** волосы, борода, *тулуп* и *валенки* представляли одну сплошную белую массу» («Жит.»).
шелохнуться	«…она никому ни словечка не промолвила. <…> стоит потупя глаза и не ***шелохнется»*** («Жит.»).
шелушить	«Катерина Львовна от нечего делать рано повечерила, открыла у себя на вышке окошечко и, прислонясь к косяку, ***шелушила*** подсолнечные зернышки» («ЛМ»).
шляпа	«...и вдруг перед самыми её глазами показался статный русый парень, в белой рубашке с красными ластовицами и в высокой ***шляпе*** гречишником» («Жит.»).
шляпа	*«****Шляпа*** с него слетела, волосы разбрылялись...» («Жит.»).
шляпа	«Степан засмеялся, обмахнул сбитую с него Натальею ***шляпу***...» («Жит.»).
штаны	«…гладил ***штаны*** да подпалил, так вот в наказание, черт этакой, говорит: «Не пущу» («Жит.»).
штаны	«Ждала, ждала, вышел хозяин в одних панталонах и в туфлях и объявил, что «Петька чиновничьи ***штаны*** прожег» («Жит.»).
штаны	«Он ***штаны*** испортил, и он не поедет» («Жит.»).
шуба	«Дернула ноги и чувствую, что я завернута вся в ***шубе*** *в волчьей* или в *медвежьей*…» («ТХ»).

шуба (волчья)	«Вошло семь человек погони, все из графских охотников, с кистенями и с арапниками, а за поясами своры веревочные, и с ними восьмой, графский дворецкий, в длинной ***волчьей шубе*** с высоким козырем...» («ТХ»).
шубка	«Красная-раскрасная, поправила она, сидя на мерке, свалившуюся с плеча ***шубку*** и тихо пошла из амбара...» («ЛМ»).
шубочка штофная	«Накинула на себя Катерина Львовна старую *штофную* ***шубочку*** и вышла» («ЛМ»).
шушунчик	«Дай беглянке хоть свою юбчонку да ***шушунчик*** какой-нибудь, а то на нее смотреть стыдно, – она вся как голая» («ТХ»).
щи	«…крикнул Прокудин на семейных и начал хлебать из чашки ***щи*** с жирною свининою» («Жит.»).
щи	«Настя ***щи*** пересолила так, что их в рот нельзя было взять, а кашу засыпала такую густую, что она ушла из горшка в печке» («Жит.»).
щи	«Угощенье было богатое: пироги, ***щи*** со свежиной, похлебка с потрохами, гуси жареные, солонина духовая с хреном, гусиные полотки, а после закуски разные: орехи, подсолнухи, столбики с инбирем и круглые прянички, а детям коньки пряничные» («Жит.»).
щи	*«*...два кувшина тащит со ***щами*** да с квасом, на другой руке у нее ребёнок сидит…» («Жит.»).
щи	«Бабы попробовали ***щей*** и выплюнули» («Жит.»).
экипаж	«...скомандовал всем войти и ввести в двор ***экипажи***» («Жит.»).
этаж	«Домик этот был деревянный, в два ***этажа***» («Жит.»).
этапный дом	«Ах ты, Катерина Ильвовна! – говорил он, обнимая её при входе на ступени ***этапного дома***» («ЛМ»).
юбка	«…жена вышла на двор в одной рубахе и в красной *шерстяной* ***юбке****»* («Жит.»).
юбка	«…звать мужиков и баб полуименем, а девкам вменить в обязанность носить ***юбки****…»* («Жит.»).
юбка	«...стройную Настю в белой как снег рубашке и *тяжелой шерстяной* ***юбке*** *ярко-красного цвета*» («Жит.»).
юбка	«Увидев малютку, Настя, кажется, забыла свое горе. Она его не спускала с рук и заворачивала в свою ***юбку****»* («Жит.»).
юбка	«...мы тоже про ваши про ***юбки*** кое-что слыхали» («ЛМ»).
юбка	«В саду, – говорит, – нашла да ***юбку*** себе подвязала» («ЛМ»).
юбка	«– Да! – произнес с особым ударением Зиновий Борисыч – мы тоже про ваши про ***юбки*** кое-что слыхали» («ЛМ»).
юбка (белая)	«...и как лежала в одной рубашке да в белых ***юбках***, так и пошла…» («ЛМ»).
юбчонка	«Дай беглянке хоть свою ***юбчонку*** да шушунчик какой-нибудь, а то на нее смотреть стыдно, – она вся как голая» («ТХ»).
яма овинная	«Настя целый день просидела в темной ***овинной яме***, холодная и голодная...» («Жит.»).
яма овинная	«В ***овинной яме*** ничего этого не было слышно...» («Жит.»).
ямщик	«…***ямщик*** еще тройку нахлестал и сразу на один бок саней навалился…» («ТХ»).
ясочка	«Настя ко всем как ***ясочка*** всё ласкалась» («Жит.»).